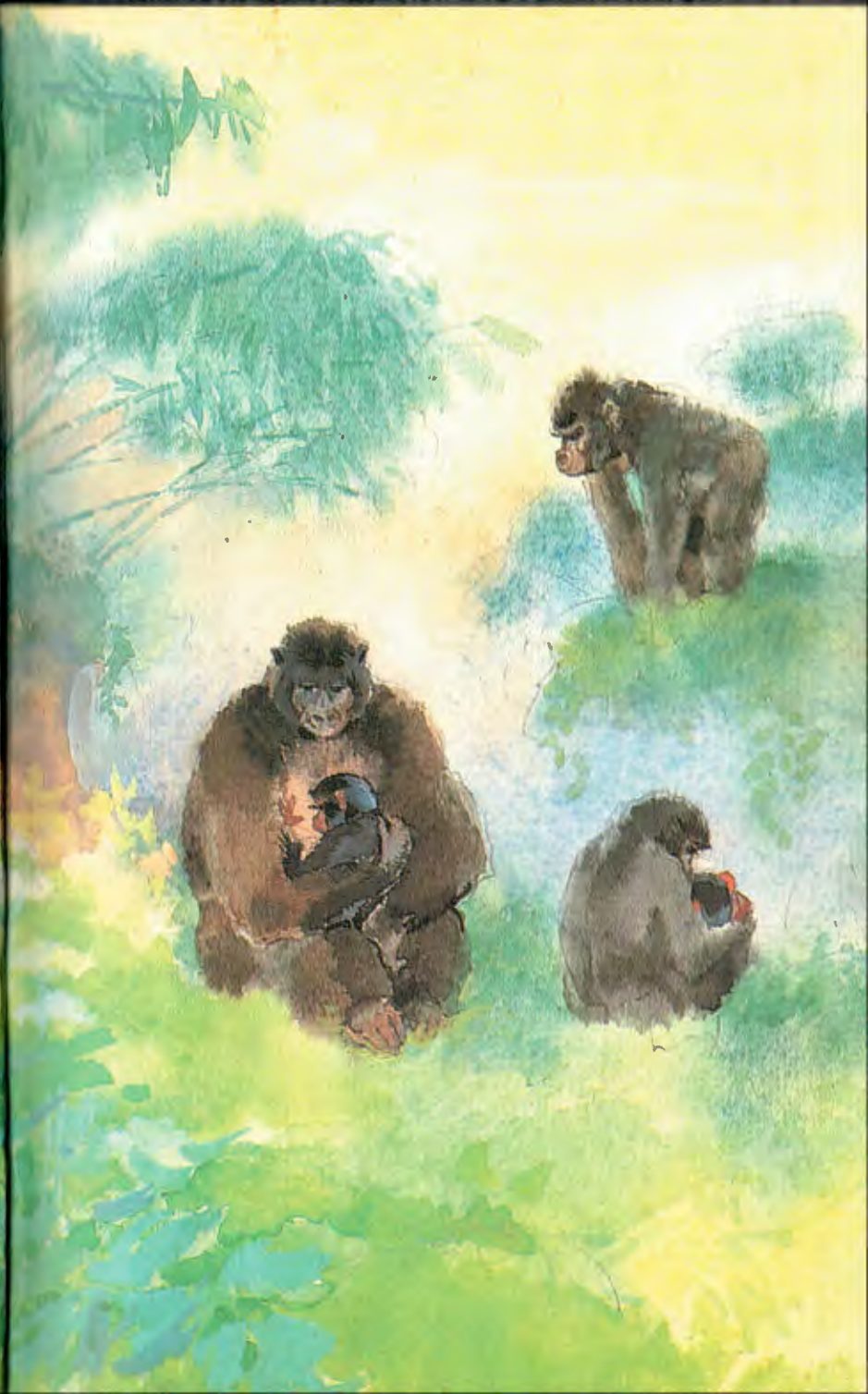

ДАЙАН
ФОССИ

*Гориллы
в зумане*

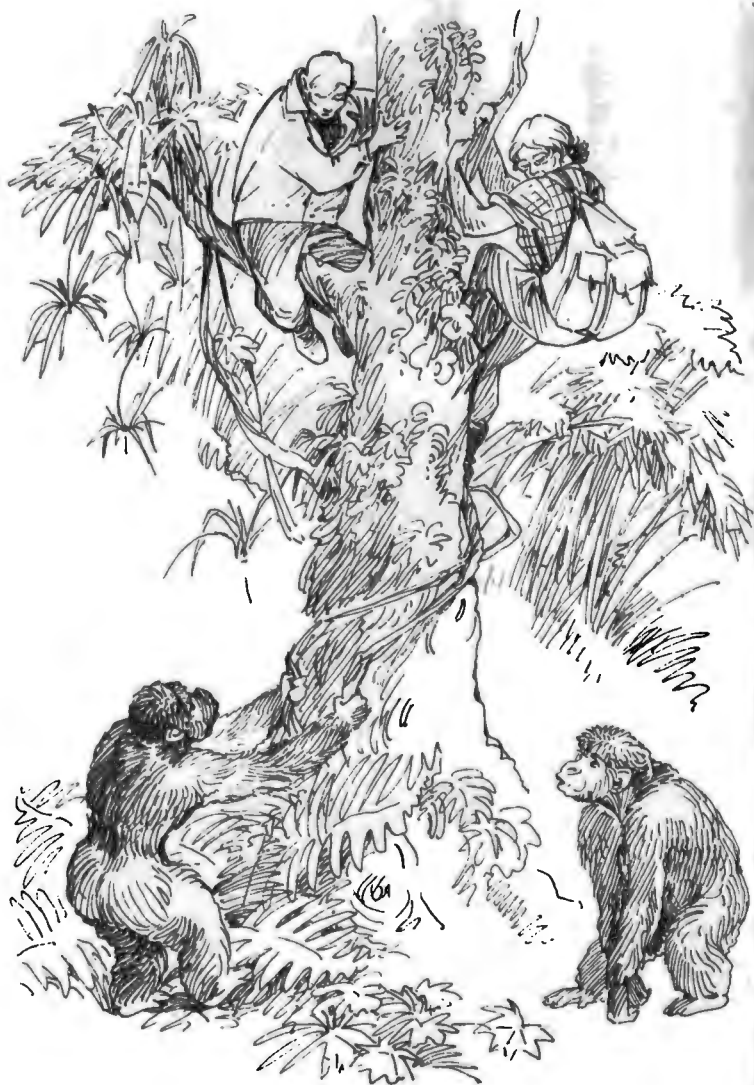

ДАЙАН
ФОССИ

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

ДАЙАН ФОССИ

*Гореловы
в плену*

Перевод с английского
В. ВОПЯНА, А. ГРИГОРЬЕВА
Редакция и предисловие
Н. ДРОЗДОВА

АРМАДА
Москва
1997

ББК 84.7 США
Ф 81

Dian Fossey
Gorillas in the Mist

Иллюстрации
Н. Строгановой

Рисунок на переплете
С. Цылова

© 1983 by Dian Fossey
© Перевод, Волян В. Г., Григорьев А. М.,
1990
© Предисловие, Дроздов Н. Н., 1997
© Художественное оформление,
АРМАДА, 1997
© Иллюстрации, Строганова Н. С.,
1997

ISBN 5-7632-0368-2

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ГОРИЛЛОЙ

Прошло уже более десяти лет после трагической гибели Дайан Фосси — автора этой книги, самоотверженной женщины, поснятившей всю свою жизнь спасению горных горилл. И теперь уже можно с полной уверенностью сказать, что жизненный подвиг ее не остался страницей истории, он продолжается в делах ее многочисленных учеников и последователей.

Когда от рук браконьеров погиб самец гориллы по прозвищу Диджит, успевший стать знаменитым благодаря фотографиям, облетевшим весь мир, Дайан Фосси основала «Диджит Фонд» для спасения оставшихся горных горилл. Теперь этот фонд носит имя самой Дайан Фосси (Dian Fossey Gorilla Fund). Работу Фонда и исследовательского центра в Карисоке координирует Совет фонда, в который входят ведущие ученые-приматологи всего мира и деятели науки и культуры. Почетным председателем Фонда избрана Сигурни Вивер, известная актриса и участница движения за охрану природы. Она сыграла главную роль в фильме «Гориллы в тумане». В нем воспроизведена в художественной форме жизнь, полная приключений, научная деятельность и даже трагическая кончина Дайан Фосси — все это было снято в горных тропических лесах вокруг центра Карисоке, в местах, где работала Дайан Фосси.

Исследовательский центр в Карисоке, основанный Дайан Фосси, стал за эти годы своеобразной Меккой для ученых-приматологов, любителей природы со всего света. Здесь постоянно работают группы ученых из многих стран Европы, Америки, Африки, и все они используют методы и приемы, разработанные автором этой книги.

На средства Фонда создан Вулканический ветеринарный центр — единственная в своем роде ветеринарная клиника на лоне природы, где врачебную помощь животные (и не только гориллы) могут получить непосредственно «на пороге своего дома» — в родном лесу.

Местные жители — руандийцы — вовлекаются Фондом в работу по спасению горилл, в борьбу с браконьерством. Бригады по охране горилл от браконьеров формируются в основном из молодежи. Фонд экипирует их и обеспечивает всем необходимым для нелегких рейдов по горному влажно-тропическому лесу. Отношение к животным у местных жителей из окрестных деревень начинает меняться к лучшему благодаря интенсивной просветительской деятельности (лекциям, экскурсиям в природу), которую ведут ученые — сотрудники Фонда и центра Карисоке. В сознании местного населения происходит поворот от чисто потребительского отношения к окружающей среде и к гориллам: они начинают понимать непреходящую ценность этих уникальных творений природы не только для всего мира, но и, что важно, для самих себя. Во время рейдов по горному лесу молодежные бригады защитников горилл собирают и уничтожают ловушки и петли, поставленные браконьерами, а если находят попавших в ловушку горилл, то освобождают их, оказывают первую помощь и выпускают на волю.

В настоящее время общая численность горных горилл оценивается учеными довольно точно. В районе вулканов Вирунга, на границе Заира и Руанды, сейчас обитает около 320 горных горилл. Другая популяция, населяющая Непроходимый Лес в Уганде, насчитывает около 300 особей. Вот и весь мировой генофонд горных горилл — около 620 животных! При такой низкой численности, учитывая интенсивное освоение горных лесов в Африке, можно было бы прогнозировать полное исчезновение горных горилл к концу нынешнего века.

Но мы верим в более оптимистичный прогноз — благодаря тому подвигу, который совершила Дайан Фосси, и благодаря той деятельности, которую развернули ее последователи, объединенные в Фонд по спасению горилл имени Дайан Фосси.

Николай Дроздов

Зорька в буре

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга повествует о событиях тринадцати лет моей жизни среди горных горилл в естественной среде их обитания. В ней подведены итоги пятнадцати лет полевых исследований, которые продолжаются и поныне. Горные гориллы населяют склоны только шести потухших вулканов района гор Вирунга, тогда как вблизи двух действующих вулканов они не встречаются. Область распространения этих животных имеет протяженность около сорока километров, а ширина ее колеблется от трех до девятнадцати километров. Две трети заповедной зоны, выделенной для их сохранения, сосредоточено в Республике Заир (ранее Демократическая Республика Конго). Это — Национальный парк Вирунга. Около двенадцати тысяч гектаров заповедника расположено на территории Руанды. Его именуют Вулканическим национальным парком. Часть этой зоны на территории Уганды называют Заповедником горилл Кигези.

Изучение этих величественных и горделивых приматов — миролюбивых, но незаслуженно считающихся злоб-

ными — выявило, насколько гармонична организация их семейных групп. Вскрылись некоторые сложные стороны их поведения, о которых ученые раньше только догадывались.

Еще в 1758 году Карл Линней, первым из зоологов занявшийся вопросами классификации, официально признал тесную связь между человеком и обезьянами, в первую очередь человекообразными. Он предложил присвоить соответствующему отряду обезьян название приматов, тем самым подчеркнув их особое положение в животном мире. Человек и три крупные человекообразные обезьяны — орангутан, шимпанзе и горилла — являются единственными бесхвостыми приматами и, как большинство приматов, имеют по пять пальцев на каждой руке и ноге, причем большой палец противопоставлен остальным. К общим анатомическим признакам относятся пара молочных желез (сосков), направленные вперед глазницы, что обеспечивает стереоскопичность зрения, и, как правило, 32 зуба.

Скудные палеонтологические сведения о приматах не позволяют прийти к единому мнению относительно происхождения двух семейств — понгидов (крупные человекообразные обезьяны) и гоминидов (люди), — эволюционные пути которых разошлись миллионы лет назад. Ни одну из трех крупных человекообразных обезьян нельзя считать предком современного человека, *Homo sapiens*. Однако они относятся к приматам, обладающим множеством общих с человеком физических признаков. Изучая их жизнь, можно многое узнать о поведении наших ранних предков, поскольку в отличие от ископаемых костей, зубов или инструментов поведение изучается лишь на живом объекте.

Несколько миллионов лет назад разошлись линии шимпанзе и горилл, а орангутаны отделились еще раньше. В XVIII столетии ученые с большим трудом различали между собой орангутанов, шимпанзе и горилл. Орангутан был

первым высшим приматом, выделенным в отдельный род, и то лишь благодаря отдаленности его азиатской среды обитания. В 1847 году, после того как в Габоне нашли череп гориллы, был подтвержден факт принадлежности гориллы и шимпанзе к разным родам.

Так же как у орангутана и шимпанзе, у горилл различают отдельные подвиды и морфологические признаки, обусловленные прежде всего средой их обитания. В Западной Африке осталось 9000 — 10 000 западных береговых горилл, или горилл низменностей (*Gorilla gorilla gorilla*), живущих в естественной среде обитания. Представителей этого подвида мы чаще всего встречаем в неволе и зоологических музеях. Примерно на 1600 километров восточнее, в районе вулканов Вирунга на территории Заира, Уганды и Руанды, живут объекты моих полевых исследований — последние восточные горные гориллы (*Gorilla gorilla beringei*). На воле осталось всего лишь около 240 особей. Третий подвид известен под названием «восточные низменные гориллы» (*Gorilla gorilla graueri*). На воле, в основном в восточной части Заира, их осталось около 4000 экземпляров, и менее двух дюжин проживает в зоопарках.

Между гориллами низменностей и горными гориллами насчитывается около двадцати девяти морфологических различий, обусловленных в основном адаптацией к различным высотам над уровнем моря. Горная горилла, проводящая почти все время на земле и обитающая выше других видов, отличается более длинным шерстным покровом и широкими ноздрями, увеличенным объемом грудной клетки, ярче выраженным сагиттальным гребнем на черепе, укороченными верхними конечностями, кистями и стопами и удлинённым нёбом.

Из обитающих на воле всех трех подвидов горилл примерно 4000 живут в местах, которые весьма условно можно причислить к заповедным. Поэтому сторонники содержа-

ния горилл в неволе считают вполне оправданным для сохранения этих близких к вымиранию человекообразных обезьян помещать их в зоопарки и зверинцы. Из-за тесных родственных уз, существующих в семьях горилл, поимка одного молодого животного зачастую приводит к отстрелу многих членов его семьи. К тому же далеко не каждого пойманного зверя удастся доставить на место назначения живым. Кроме того, на воле было отловлено в три раза больше горилл, чем их рождалось в неволе, а их смертность в настоящих условиях содержания продолжает преобладать над рождаемостью. Поэтому я никак не могу согласиться с теми, кто во имя спасения горилл от полного исчезновения отлавливает живущих на воле животных и затем выставляет их напоказ в клетках.

Сохранение любого вида, находящегося под угрозой уничтожения, должно начинаться с охраны среды его обитания путем принятия и неукоснительного выполнения законов, запрещающих вторжение человека на территорию заповедников и заказников. А если говорить о содержании животных в неволе, то следует пересмотреть существующую практику, заменить одиночные клетки из металла и цемента более естественными условиями группового содержания животных, вместо того чтобы затрачивать силы и средства на приобретение новых экзотических видов для показа любопытствующей публике.

В специально оборудованных вольерах для содержания горилл в зоопарках должны быть деревья, по которым они могли бы лазать, а также солома, ветки или бамбук для сооружения гнезд. Пищу следует давать небольшими порциями на протяжении всего дня, причем в таком виде, чтобы животные имели возможность заниматься ее подготовкой (скажем, обдирать кожуру или расщеплять стебли) или поиском, для чего лучше беспорядочно разбрасывать съедобные растения в вольере. Гориллам нужно обеспечить

возможность пребывания на свежем воздухе; вопреки сложившимся представлениям гориллы обожают греться на солнце. Очень важно выделять для этих любящих уединение животных укромные уголки, где они могли бы прятаться не только от людей, но и друг от друга, как это свойственно им на воле.

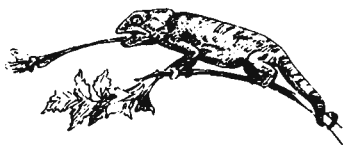
Лицам, которые взяли на себя тяжелую ответственность содержать горилл в неволе, рекомендуется производить обмен половозрелыми особями между разными популяциями, что является естественным процессом среди проживающих на воле горилл, позволяющим избежать кровосмешения, а также стимулирующим их воспроизводство. Как только условия содержания горилл будут улучшены, они станут размножаться более успешно; это, конечно, произойдет не автоматически, но, несомненно, роды будут происходить чаще, чем теперь в неоправданно стерильных условиях.

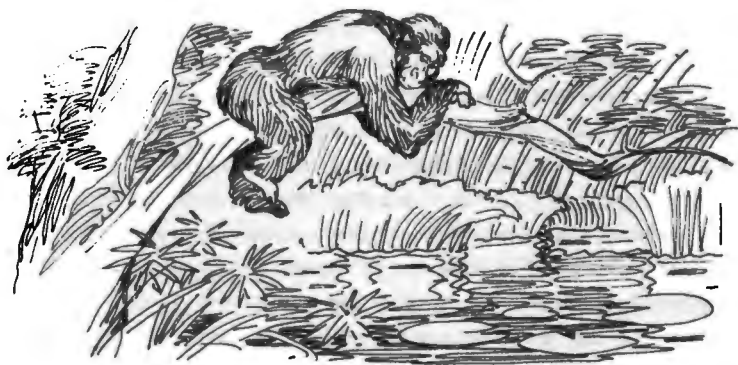
Ныне покойный д-р Луис Лики проявил почти пророческий дар предвидения, заявив, что горная горилла — подвид, научно признанный и описанный в 1902 году, — может оказаться на грани исчезновения в пределах ста лет со дня ее обнаружения. Именно поэтому д-р Лики ратовал за многолетнее изучение этого примата в естественных условиях, что к 60-м годам удалось сделать лишь Джорджу Шаллеру.

Д-р Лики как в воду глядел. За шесть с половиной лет, прошедших с момента завершения результативной работы Шаллера до начала моих исследований, соотношение взрослых самцов к самкам горилл в районе Кабара области Вирунга снизилось с 1 : 2,5 до 1 : 1,2, что привело к сокращению популяции горилл примерно вдвое. Более того, свыше 40% заповедной территории осваивается для сельскохозяйственных нужд. Такое вторжение человека в Национальный парк Вирунга приводит к вынужденному наложению друг на друга территорий, занимаемых отдельными семейными группами горилл, что вызывает повышенную

агрессивность животных. Для того чтобы горные гориллы могли выжить и успешно размножаться, нужно незамедлительно принять гораздо более эффективные охранные меры. Но не упустили ли мы время?

Я считаю, что мне повезло больше, чем другим исследователям африканских животных, ибо на мою долю выпало счастье изучать горных горилл. Надеюсь, мне удалось изложить весь накопленный за многие годы материал по изучению самых величественных приматов в мире.

Глава первая

НА ГОРНОМ ЛУГУ КАРЛА ЭКЛИ И ДЖОРДЖА ШАЛЛЕРА

Издавна мечтала я попасть в Африку, на континент с богатейшей природой и невероятным разнообразием живущих на воле животных. Когда я сообразила, что мечты сами собой редко сбываются, то без дальнейших проволочек взяла в банке кредит на три года, чтобы оплатить сафари в те части Африки, которые мне были особенно по душе. Затратив несколько месяцев на составление маршрута, большая часть которого проходила вдали от проторенных туристских троп, я связалась по почте с фирмой в Найроби, специализирующейся на организации сафари, попросив выделить мне водителя, и в сентябре 1963 года вылетела в край моей мечты.

В первой африканской поездке я преследовала две основные цели: посетить горных горилл, обитающих на горе Микено в Конго, и встретиться с Луисом и Мэри Лики, работавшими в то время в ущелье Олдувай в Танзании.

Мне удалось осуществить и то и другое. В памяти еще свежо воспоминание, как восторгался д-р Лики, услышав о моем намерении съездить в район Кабара, конголезской части области Вирунга, где несколько лет назад вел исследования Джордж Шаллер. Д-р Лики рассказал мне о прекрасной работе Джейн Гудолл, только что завершившей трехлетний цикл исследований с шимпанзе в танзанийском Исследовательском центре на реке Гомбе, и подчеркнул важность многолетнего изучения жизни крупных человекообразных обезьян в естественных условиях. Кажется, что именно во время этой встречи мне и запала в голову мысль, в тот момент еще не осознанная, вернуться позже в Африку и приступить к наблюдениям за горными гориллами.

Д-р Лики разрешил мне побродить по новым раскопкам в ущелье Олдувай, где недавно были обнаружены останки доисторического жирафа. Я ринулась вниз по крутому склону, преисполненная ликованием от мысли, что, подобно вольной птице, лечу под африканскими небесами, и рухнула в яму с драгоценной находкой, сломав лодыжку. От хруста кости и внезапной острой боли меня самым пошлым образом стошнило на бесценные ископаемые кости. Мое унижение усугубилось еще и тем, что сотрудники д-ра Лики, не скрывавшие своего отвращения ко мне, вынуждены были тащить меня из ущелья на закорках. Обеспокоенная Мэри Лики напоила меня прохладным лимонным напитком, и мы стали наблюдать, как вспухшая лодыжка, сменив все оттенки синего цвета, начала чернеть. И она, и мой водитель решили, что от запланированного восхождения на горы Вирунга в поисках горилл придется отказаться. Им и в голову не могло прийти, что этот нелепый перелом окончательно укрепил мою решимость во что бы то ни стало добраться до горилл, для встречи с которыми я прилетела в Африку.

Через две недели после расставания с Лики, вооружившись посохом, который вырезал для меня незнакомый серлоболобный африканец, я, мой водитель и дюжина носильщиков, нагрузившись снаряжением и провиантом, начали утомительное пятичасовое восхождение к далекому лугу Кабара. Луг Кабара расположен на высоте 3346 метров над уровнем моря неподалеку от горы Микено, возвышающейся на 4437 метров в Национальном парке Вирунга в Заире. Года за три до моего посещения (в 1963 году) на Кабаре проводил исследования Дж. Шаллер. Этот выдающийся американский ученый был первым исследователем горных горилл в естественных условиях и набрал в общей сложности 458 часов наблюдений в этой местности. На лугах Кабара покоится прах Карла Экли, американского естествоиспытателя, по инициативе которого бельгийское правительство приняло решение о создании Национального парка Альберта для охраны горных горилл, вот уже 400 000 лет живущих на склонах потухших вулканов.

Начиная с 1890 года эти горы были предметом споров между Бельгией (владевшей нынешней заирской частью), Германией (владевшей частью, ныне принадлежащей Руанде) и Великобританией (владевшей угандийскими склонами). Окончательные границы были проведены только в 1910 году. В 1925 году под национальный парк было выделено около 500 квадратных километров. Карл Экли убедил бельгийского короля Альберта расширить охраняемую территорию, включив в нее всю горную область Вирунга. Тогда национальный парк стал называться именем короля Альберта. В 1967 году правительство Заира переименовало его в Национальный парк Вирунга, а другая его часть в Руанде стала именоваться Вулканическим национальным парком. Район обитания горилл в Уганде был объявлен охраняемой зоной в 1930 году и назван Заповедником горилл Кигези. Экли скончался во время очередного посе-

шения Кабары в 1926 году и по его воле был похоронен на краю этого луга. Он считал, что луг Кабара относится к наиболее красивым и тихим уголкам в мире.

Во время первого посещения Кабары в 1963 году мне повезло: я встретила с Джоан и Аланом Рут, фотографами из Кении, разбившими лагерь на лугу для документальных съемок из жизни горных горилл. Джоан и Алан великодушно игнорировали факт нарушения их уединения назойливой, да к тому же прихрамывающей туристкой из Америки и позволили сопровождать их в вылазках для встречи с гориллами Кабары, по сути дела не имевшими контакта с человеком. Только благодаря их великодушию и навыкам конголезца Санвекве, егеря парка и следопыта, мне удалось войти в контакт с этими животными и сфотографировать их во время моего короткого визита. В детстве Санвекве выслеживал горилл по заданию Карла Экли, а впоследствии работал на Джорджа Шаллера. Позже этот опытнейший следопыт стал моим другом.

Никогда не забуду первую встречу с гориллами. Зрительному контакту предшествовал слуховой. А еще раньше я почувствовала сильный мускусный запах — пахло и животным, и человеком. Тишину внезапно разорвала серия пронзительных криков, за которыми последовало ритмичное рондо отчетливых ударов по груди, наносимых, как выяснилось, гигантским серебристоспинным самцом, скрытым непроницаемой стеной джунглей. Джоан и Алан, находившиеся метрах в десяти впереди, знаками предупредили, чтобы я не шевелилась. Мы стояли замерев до тех пор, пока не стихли отголоски криков и звуки ударов в грудь. Только тогда мы медленно поползли вперед под прикрытием густых зарослей и оказались на расстоянии метров пятнадцати от группы горилл. Сквозь заросли мы узрели черных обезьян с безволосыми лицами и мохнатыми головами, с не меньшим любопытством уставившихся на

нас. Их блестящие глаза под низко нависшими бровями нервно бегали, оценивая, друзья мы или враги. Меня сразу поразило физическое великолепие огромных черных как смоль тел на фоне зеленой палитры густой листвы деревьев и кустарников.

Почти все самки с детенышами бросились прочь, а серебристоспинный вожак и несколько молодых самцов застыли на месте в воинственной позе со сжатыми губами. Время от времени предводитель группы привставал и начинал бить себя в грудь, пытаясь нагнать на нас страху. Удары разносились по всему лесу и вызывали у окружающих самцов такую же реакцию, только не столь бурную. Алан медленно установил фотоаппарат в рабочее положение и приступил к съемке. Его движения и щелчки фотоаппарата возбудили любопытство всей группы, и гориллы старались разглядеть нас получше. Как бы пытаясь привлечь к себе внимание, животные начали позывовать, изображать кормежку, ломать ветки или бить себя в грудь. После каждого сеанса этой явно рассчитанной на зрителя деятельности гориллы бросали на нас вопросительные взгляды, пытаясь оценить произведенный ими эффект. Подобная не-

зависимость их поведения в сочетании с застенчивостью оставила у меня наиболее яркое впечатление при первой встрече с крупнейшими представителями приматов. Покидала я Кабару с неохотой, но на сей раз у меня не осталось ни малейшего сомнения, что рано или поздно вернусь в эти края для близкого знакомства с гориллами, обитающими на окутанных туманом горных склонах.

Мое возвращение в Кабару, к Санвекве и гориллам, явилось непосредственным результатом приезда д-ра Лики в Луисвилл, штат Кентукки, где я все еще работала врачом по профессиональным заболеваниям, чтобы разделаться с непомерными долгами, в которые влезла ради проведения первого сафари. После того как д-р Лики с трудом признал во мне неуклюжую туристку, посетившую его три года назад, он живо заинтересовался фотографиями и статьями о гориллах, опубликованными мной по возвращении из Африки. После краткой беседы он посоветовал мне стать «девицей при гориллах», которой хотел поручить многолетнее изучение этих животных в естественных условиях. Перед расставанием он стал настаивать, чтобы я удалила аппендикс до того, как поселюсь в населенной гориллами высокогорной глуши в самом центре Африки. В тот момент я готова была пойти на все, лишь бы д-р Лики согласился взять меня, и немедленно стала готовиться к операции.

Месяца через полтора, когда я вернулась домой из больницы, меня ждало письмо от д-ра Лики. Оно начиналось следующими словами: «На самом деле особой необходимости вырезать аппендикс нет. Таким образом я проверяю, насколько твердо принятое решение заняться столь ответственной работой». Так я впервые познакомилась с редкостным чувством юмора д-ра Лики.

Прошло еще восемь месяцев, пока д-ру Лики удалось добиться финансирования нашего проекта. За это время я полностью расплатилась с долгами за поездку 1963 года и буквально наизусть вызубрила две прекрасные книги Джорджа Шаллера о его работе с горными гориллами в 1959 — 1960 годах, а также самоучитель языка суахили. Нелегко было бросать привычную работу специалиста по трудотерапии и расставаться с детьми, бывшими моими пациентами на протяжении 11 лет, а также проститься с друзьями в Кентукки и моими тремя собаками. Собаки как бы чувствовали, что мы расстаемся навсегда. Я до сих пор помню, как Митци, Шеп и Брауни — так звали собак — неслись за перегруженной машиной, на которой я уезжала из Кентукки в Калифорнию, чтобы проститься с родителями. Я никак не могла объяснить собакам, друзьям и родителям, сколь важно для меня вернуться в Африку и приступить к многолетним исследованиям горилл. Одни сказали бы, что это судьба, другие вообще сочли бы эту затею причудой избалованной девчонки. Я же считаю, что столь резкий поворот в моей судьбе — дело случая.

В конце 1966 года Лейтон Уилки, финансировавший многолетнюю программу изучения шимпанзе Джейн Гудолл, сообщил д-ру Лики о намерении оказать финансовую помощь в аналогичном изучении еще одного антропоида. Подобно Луису Лики, Лейтон Уилки считал, что исследование ближайших родственников человека поможет нам лучше понять поведение наших далеких предков. Его помощь означала, что не надо искать деньги для осуществления моего проекта.

И вот в декабре 1966 года я снова отправилась в Африку. На этот раз единственной целью поездки были гориллы. Случайно в лондонском аэропорту Хитроу я встретилась с Джоан Рут, которая ожидала посадки на самолет, вылетающий в Найроби. Ее с Аланом поразило мое наме-

рение добраться в Конго из Найроби на автомобиле, проделав 1100 с лишним километров, затем добиться у конголезского правительства разрешения работать в Кабаре и, что самое главное, заняться изучением горилл в одиночку. Они разделяли мнение многих, что одиноким женщинам, особенно американкам, неразумно пускаться даже в одну из этих трех «авантюр», не говоря уже о всех трех.

В Найроби Джоан сопровождала меня в многочисленных походах по магазинам. Благодаря ее большому опыту по подготовке африканских сафари мне удалось сэкономить массу времени и, несомненно, избежать множества ошибок при выборе необходимого снаряжения, как-то: палатки, фонари, примусы и постельные принадлежности. После рискованной пробной поездки по запруженным народом улицам Найроби д-р Лики решился купить старый «лендровер» с брезентовым верхом, который я потом окрестила «Лили». Тогда мне и в голову не могло прийти, что семь месяцев спустя «Лили» спасет мне жизнь.

Когда все снаряжение было наконец собрано, Джейн Гудолл любезно пригласила меня на два дня в Исследовательский центр на реке Гомбе, чтобы обучить методам организации и сбора данных, а также познакомить с ее очаровательными шимпанзе. Боюсь, мне плохо удалась роль благодарного гостя, потому что меня безудержно тянуло в Кабару к горным гориллам.

Наконец настал момент, когда Алан Рут, все еще продолжавший сомневаться в том, что я и д-р Лики находимся в здравом рассудке, заявил о твердом намерении сопровождать меня в долгом путешествии в «лендровере» из Кении в Конго почти через полконтинента. Не знаю, смогла бы я без Алана заставить «Лили» одолеть те жуткие, похожие на козлиные тропы дороги, которые преобладали в Африке в те годы. И вряд ли без помощи Алана удалось бы обойти бесчисленные бюрократические препоны для полу-

чения разрешения на работу в Кабаре на территории Национального парка Вирунга.

Утром 6 января 1967 года мы с Аланом в сопровождении конголезских служащих парка и двух африканцев, пожелавших работать в моем лагере, прибыли в небольшую деревушку Кибумба у подножия горы Микено. Так же как и три года назад, когда я приехала в эту местность со своим водителем, мы отобрали пару дюжин носильщиков для доставки лагерного снаряжения на далекий луг Кабара. За прошедшие три года почти ничего не изменилось ни в деревне носильщиков, ни в лесу, состоящем из громадных, обросших мхом древних хагений (*Hagenia abyssinica*). Преисполненная радостью, я легко преодолела расстояние более километра, отделявшее Кибумбу от Кабары, где и разбила лагерь в окружении древних потухших вулканов. Я была в восторге, что на Кабаре ничего не изменилось — даже были живы два забияки ворона (*Corvultur albicollis*). Они ловко утаскивали любой кусок пищи, оставшийся без присмотра, а позже научились спускать «молнию» на палатках в поисках спрятанных припасов.

Алан мог задержаться в Кабаре не более двух суток, а потому работал день и ночь. Все прозаические работы по лагерю — рытье выгребной ямы, сооружение нужника из картофельных мешков, расстановка бочек с запасами воды и проведение дренажных канав вокруг моей палатки — были проведены под его началом. К обоюдному огорчению, за эти двое суток установить визуальный контакт с гориллами не удалось, хотя до нас доносились отрывки «разговоров» между двумя группами со склонов горы Микено. Мы обнаружили свежие следы горилл в относительно плоской седловине рядом с горой. В азарте я тут же ринулась в проход, протоптанный гориллами в густой траве, не сомневаясь, что в любой момент столкнусь лицом к лицу с обезьянами. Минут через пять я вдруг ощутила отсутствие

Алана. Мой пыл тут же остыл, я двинулась обратно по своим следам и вскоре увидела Алана, терпеливо ожидавшего на корточках, в том месте, где начинались следы.

С истинно британской невозмутимостью и учтивостью Алан сказал: «Дайан, если у тебя вдруг возникнет желание встретиться с гориллами, тебе следует двигаться в том направлении, в котором они идут, а не бежать сломя голову гуда, где их уже нет». Эта первая заповедь следопыта запомнилась мне на всю жизнь.

Когда Алан скрылся в кустарнике, покидая луг Кабара, меня охватила паника. Оборвалась последняя связь с цивилизацией в том виде, в каком я ее понимала, и уходил единственный человек, говорящий в лагере по-английски. Чтобы совладать с неудержимым желанием броситься вслед за ним, я вцепилась в стойку палатки.

Через несколько минут после ухода Алана один из двух африканцев, оставшихся в лагере, подошел ко мне и, явно желая быть полезным, спросил: «Унапенда маджи мото?» Напрочь забыв все слова на суахили, которые я вызубрила за прошедший год, я залилась слезами и юркнула в палатку, прячась от воображаемых опасностей. Через час, осознав нелепость своего поведения, я попросила конголезца медленно повторить свой вопрос. «Не угодно ли горячей воды?» Для чая или помыться, он не уточнил, но, очевидно, полагал, что именно в этом нуждаются все вазунгу (белые люди), оказавшись в беде. Я взяла несколько кувшинов горячей воды, не скупясь на «асанти» (спасибо), в попытке убедить африканцев в том, что их внимание оценено по достоинству.

Утром следующего дня пора было приступить к основным занятиям, то есть начинать поиск горилл, и эта работа постепенно отодвинула на задний план бесконечные повседневные заботы, вроде натягивания веревок для сушки белья, правильной расстановки бочек для сбора

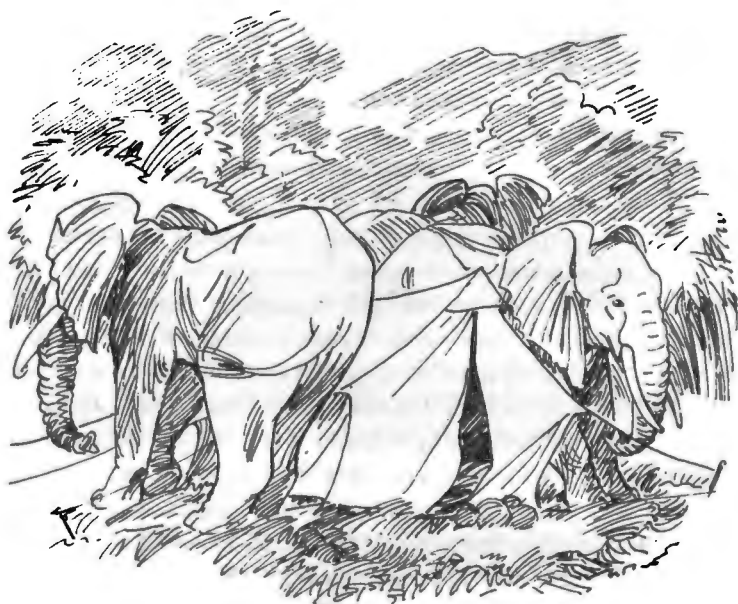
дождевой воды и обучения прислуги умению пользоваться керосиновыми лампами и примусом, купленными в Най-роби. Как любая обремененная бытом домохозяйка, я выделила на эти и прочие подобные дела вечернее время, когда темнело. Светлое же время суток я полностью посвящала гориллам.

В первый же день полевой практики не успела я пройти и десяти минут, как столкнулась с одиноким самцом гориллы, нежившимся на стволе дерева, нависшем над крохотным озерцом на краю луга Кабара. Пока я вытаскивала бинокль из футляра, застигнутый врасплох самец спрыгнул на землю и исчез в густых зарослях на склоне горы. Я потратила целый день, пытаясь догнать его, но с моим умением лазать по горам угнаться за одинокой испуганной гориллой мне явно было не по силам. Между прочим, это был первый и единственный случай, когда мне довелось встретить гориллу, отдыхавшую на открытом месте. Позже я узнала, что гориллы, как правило, избегают открытых участков и сравнительно больших водоемов, поскольку встреча с людьми здесь наиболее вероятна.

На второй день ко мне прибыл егерь из службы парка поработать следопытом до приезда Санвеке, опытного мастера своего дела, с которым я познакомилась у Джоан и Алана Рут. Этот конголезец явно не имел опыта в отслеживании животных, о чем свидетельствовали его бесплодные попытки выйти на след горилл. Он плутал весь этот долгий и утомительный день. Третий день был тоже безрезультатным, зато дал пищу для смеха. После нескольких часов ходьбы сквозь густые заросли в поле моего зрения вдруг попало какое-то похожее на гориллу черное существо, нежившееся на солнце на противоположной стороне глубокого оврага шириной метров тридцать. Я неторопливо

и вылекла бинокль из футляра, приготовила тетрадь для записей, вытащила ручку и секундомер, а заодно отыскала удобное местечко, откуда можно было незаметно вести наблюдение за животным, которое, казалось, с огромным удовольствием возлежало на склоне горы. Прошло более часа, а объект наблюдений так ни разу и не шелохнулся. Мой проводник, устроившийся позади, стал тихо похрапывать, а секундомер размеренно тикал. Хотя я понимала, что наблюдения за гориллами требуют большого терпения, ожидание показалось мне мучительно долгим, тем более что первая страница «результатов наблюдений» продолжала оставаться пустой на протяжении целого часа. Наконец я не выдержала, разбудила проводника и попросила его не сходить с места. А сама поползла к загоравшему животному. Я никогда не забуду своего огорчения, когда «горилла», с которой я не спускала глаз более часа, оказалась большой лесной свиньей (*Hylochoerus meinertzhageni*). Заметив человека, животное уползло в заросли и исчезло. Через два дня я наткнулась на труп этого старого зверя в лесу под большой хагенией. Очевидно, он умер естественной смертью.

Не все сюрпризы, однако, приходились на дневное время. В четвертую ночь пребывания в Кабаре меня грубо разбудили и с силой вышвырнули из койки — в результате я в спальном мешке откатилась в противоположный конец палатки. Палатку трясло, будто фурии, заключенные на долгие века в сердце потухших вулканов, решили устроить мощное извержение. Услышав глухой рокот, я почувствовала не столько страх, сколько досаду от мысли, что моим не успевшим начаться исследованиям приходит конец. После минуты тряски и рокота воздух наполнился звуками и запахами, которые объяснили суть явления. Три слона решили, что нет ничего удобнее палаточных стоек для чесания боков, а один из них оставил визитную карточку у самого входа. Эти три слона, а за ними и другие, стали

частыми гостями лагеря, и меня постоянно поражало их любопытство и полное отсутствие страха. Однако я не смогла отвести их от огорода, с которым связывала большие надежды. После третьего нашествия «тембо» я поняла, что салатом придется пожертвовать.

Из-за почти ежедневных встреч со слонами, буйволами, лесными свиньями и, конечно, гориллами работа на природе была гораздо более увлекательной, чем часы, проведенные в лагере. С первых же дней я погрязла в бумагах, из которых мне так и не удалось выкарабкаться вплоть до последнего дня. Многочисленные записи о наблюдениях буквально за всем, от погоды до жизни птиц и растений, а также о действиях браконьеров, и подробные описания моих встреч с гориллами приходилось печатать на машинке каждую ночь.

Палатка два с половиной на три метра была одновременно спальней, кабинетом, ванной и помещением для сушки одежды, вечно мокрой в условиях влажного тропического леса. Десять деревянных ящиков, покрытых экзотической местной тканью, служили столами, стульями, шкафами и картотекой. Я готовила пищу и столовалась во второй комнате хижины для мужчин — небольшого деревянного строения, простоявшего лет тридцать пять и сильно пострадавшего от вандализма с момента моего первого пребывания в нем. Мой персонал, с приездом Санвеке выросший до трех человек, готовил пищу на очаге посреди комнаты. Их не смущал висящий в хижине вечный дым, от которого я лила слезы и задыхалась.

Мужчины в основном пожирали колоссальные количества батата, цветной фасоли, кукурузы и изредка свежих овощей, доставляемых из деревни Кибумба у подножия горы. Если меня вначале смущало, что я питаюсь более разнообразной пищей, чем африканцы, то это ощущение скоро прошло, потому что они не скрывали своего вежливого презрения к консервам, составлявшим основу моего рациона. Раз в месяц я посещала Кисоро, небольшой городок в Уганде в двух часах езды от подножия горы Микено, и набирала банки с сосисками, тушенкой, молочным порошком, маргарином, колбасным фаршем, тунцом, рубленным мясом и разными овощами, а также коробки макарон, вермишели, овсянки и печенья. Хлеб, сыр и другие свежие продукты не выдерживали и двух недель хранения в лагере. Поэтому месяц как бы делился на две половины, одну с обильным питанием и вторую — со скудным. Слава Богу, яиц было хоть отбавляй благодаря плодovitости курицы по имени Люси. Люси и ее кавалера Дэзи мне подарил Санвеке, полагая, что я их откормлю на суп. Но они стали моими первыми домашними птицами в Африке,

и за долгие годы пребывания на континенте я к ним сильно привязалась.

Когда провиант подходил к концу, я обходилась картошкой в любом виде — мятом, жареном, печеном, вареном. Мне просто повезло, что я люблю картошку. Хуже было, когда у меня кончались сигареты, а у Санвекве — табак для трубки. Это было нам обоим в тягость. Как только запасы грозили иссякнуть, мы переходили на режим строгой экономии: Санвекве замешивал в табак сухие листья, а я позволяла себе не более двух-трех затяжек за раз, чтобы растянуть драгоценную сигарету надолго. Нелепость подобных ситуаций вызывала у нас хихиканье, словно мы были двумя нашкодившими школьниками.

Наделенный тонким чувством юмора, Санвекве был следопытом, не знающим усталости и питавшим самые проникновенные чувства к гориллам и прочим лесным обитателям. Он обучил меня всем тонкостям ремесла и проявил себя надежным спутником во время многодневных походов по труднопроходимой местности, как правило, под проливным дождем. Благодаря ему я в конце концов вышла на три группы горилл в районе моих исследований площадью около пяти квадратных километров рядом с горой Микено и на ее склонах.

Гориллы живут сравнительно устойчивыми сплоченными социальными группами, состав которых меняется по мере рождения одних особей, смерти других и перехода отдельных животных из одной группы в другую. В семейной группе может быть от двух до двадцати обезьян, в среднем около десяти особей. Типичная группа состоит из одного серебристоспинного половозрелого самца в возрасте пятнадцати лет, который является неоспоримым вожаком группы и весит около 170 килограммов, то есть он почти вдвое крупнее самки; одного черноспинного, незрелого в половом отношении самца в возрасте от восьми до три-

надцати лет и весом около 115 килограммов; трех-четырех взрослых самок старше восьми лет, каждая весом около 92 килограммов, которые обычно связаны с серебристоспинным вожаком супружескими узами до самой смерти; и, наконец, трех — шести малолеток, то есть животных моложе восьми лет. Последние подразделяются на старшелеток в возрасте от шести до восьми лет весом около 77 килограммов, подростков в возрасте от трех до шести лет весом до 55 килограммов и детенышей в возрасте до трех лет и весом от одного до тринадцати килограммов.

Многие годы, которые молодые гориллы проводят со своими родителями, одногодками, братьями и сестрами, создают уникальные условия для создания прочной семейной организации, спаянной тесными родственными узами. Достигнув половой зрелости, самцы и самки часто покидают родные группы. Уход из групп половозрелых особей, очевидно, является эволюционной закономерностью, направленной на уменьшение опасности вырождения из-за кровосмешения, хотя миграция созревающих горилл может быть вызвана и тем, что у них нет шансов приобрести партнера в родной группе.

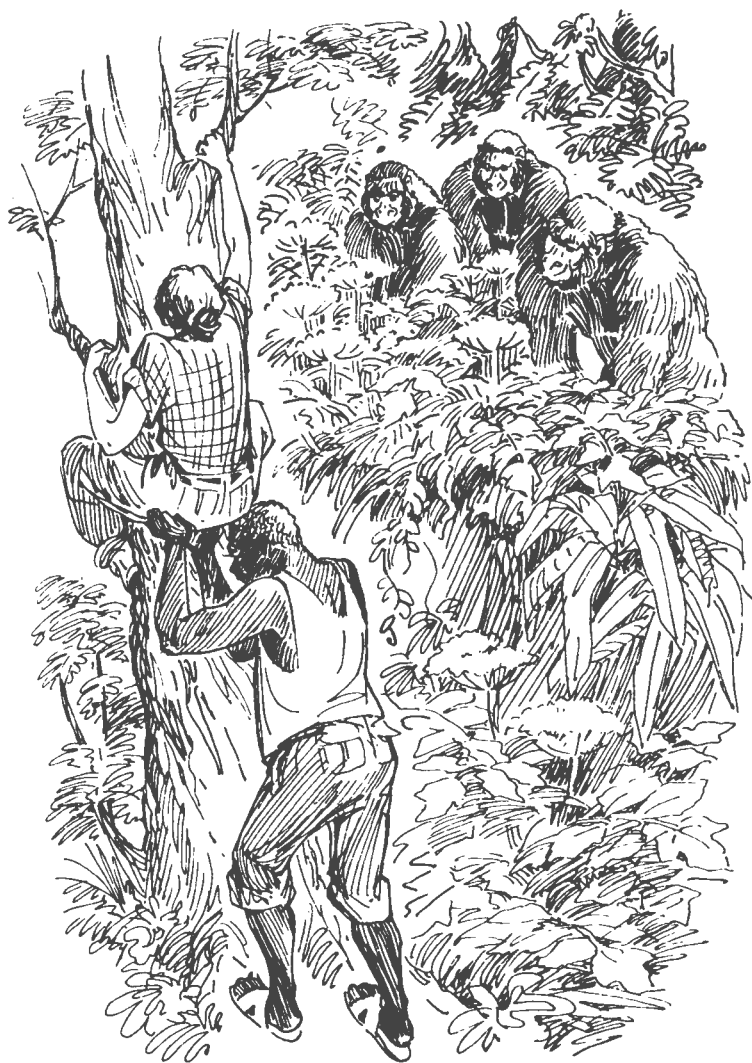
В самом начале работы в Кабаре мне было трудно устанавливать контакты с гориллами, потому что они не могли привыкнуть к моему присутствию и убегали, едва увидев меня. Есть два возможных способа установления контакта — скрытый, когда гориллы не подозревают о слежке, и открытый, когда они знают о моем присутствии.

Скрытые контакты были особенно ценными, когда удалось наблюдать за поведением, невозможным в моем присутствии. Однако к недостаткам последних следовало отнести то, что они не способствовали привыканию животных к моей персоне. Открытые контакты позволяли постепенно завоевывать расположение горилл, особенно когда я узнала, что имитация некоторых их повадок, как, нап-

пример, почесывание, прием пищи или подражание звукам, выражающим довольство, позволяла животным привыкать ко мне быстрее, чем если бы я просто разглядывала их в бинокль и делала записи. Я всегда обматывала бинокль обрывками лиан, чтобы спрятать потенциально опасные стеклянные глаза от взора застенчивых животных. Гориллы, как, впрочем, и люди, пристальные взгляды воспринимают как признак угрозы.

Было важно не только заставить горилл привыкнуть к одетому в джинсы созданию, буквально поселившемуся среди них, но и познакомиться с ними, а затем распознавать в группе каждую особь с ее характерным поведением, что позволяет рассматривать каждую обезьяну как яркую индивидуальность. Так же как и Джорджу Шаллеру семь с половиной лет назад, мне в этом деле помогали «отпечатки носа». Дело в том, что члены каждой группы, особенно по женской линии, очень похожи друг на друга. В мире вряд ли найдется два человека, у которых полностью совпадают отпечатки пальцев, и точно так же нет двух горилл с одинаковыми «отпечатками носа», то есть формой ноздрей и характерных валиков на переносице. Поскольку гориллы не сразу привыкли ко мне, я долго пользовалась биноклем, но даже с большого расстояния мне удавалось быстро набросать на бумаге форму носа наиболее любопытных членов группы, разглядывавших меня сквозь заросли. Эти наброски оказались чрезвычайно полезными в то время, когда фотографию крупным планом я еще не могла сделать. Мне просто-напросто не хватало третьей руки, чтобы одновременно фотографировать, держать бинокль и делать записи, а ведь еще приходилось имитировать ритуалы приема пищи, почесывание и подачу голосовых сигналов, чтобы успокоить горилл или возбудить их любопытство.

Иногда, особенно в солнечные дни, я все-таки брала фотоаппарат с собой. Пожалуй, одним из самых популяр-

2—Гориллы в тумане

ных снимков горилл на воле стал тот, что я сделала в Кабаре на второй месяц моих исследований, когда гориллы уже начали доверять мне. На нем выстроившиеся в ряд 16 горилл, позирующие словно деревенские тетки на крыльце. Когда я натолкнулась на эту группу горилл, они нежились на солнце, но с моим появлением стали нервничать и ретировались в кусты. Я расстроилась, но не отказалась от намерения разглядеть их получше, а потому решила забраться повыше, хотя лазать по деревьям не умею. Дерево оказалось скользким, я пыталась и цеплялась за ветки, но мне удалось вскарабкаться всего метра на два. Отчаявшись, я было решила оставить эту затею, когда Санвекве подтолкнул меня сзади. Он сотрясался от беззвучного смеха, и на его глазах выступили слезы. Я чувствовала себя беспомощней ребенка, делающего первые шаги. Наконец мне все же удалось ухватиться за сук, подтянуться и расположиться на нем полулежа на высоте около шести метров. Я полагала, что пыхтение, ругань и треск ломающихся ветвей распугали горилл, и они ретировались на соседнюю гору. Каково же было мое удивление, когда, подняв голову, я обнаружила, что вся группа расселась, словно зрители в партере. Для полноты картины им не хватало мешочков с воздушной кукурузой и сладкой ваты. Это была первая в моей жизни аудитория, которую мне удалось собрать, причем в то время, когда я меньше всего на это рассчитывала.

Случившееся в тот день являет собой яркий пример того, как можно использовать природное любопытство горилл для ускорения процесса привыкания. Почти все члены группы выбрались на открытое место, забыв об осторожности, поскольку назойливая преследовательница забыла обо всем, пытаясь залезть на дерево. Что-что, а эта проблема гориллам была известна.

Пробуждение любопытства у горилл составляло лишь часть процесса привыкания, который со временем я хоро-

шно освоила. Однако я еще долго не осознавала, что не стоит стоять или прохаживаться во весь рост в поле зрения горилл — такое поведение усиливает их беспокойство. После этого открытия я стала в их присутствии ходить, опираясь на согнутые пальцы рук и ступни ног. Когда я подползала к гориллам на карачках и вступала с ними в контакт в сидячем положении, мои глаза оказывались на уровне их глаз; я выглядела так, словно намерена сидеть на месте, а не вторгаться в их группу. Затем я выяснила, что, если после установления контакта я начну жевать салат и как бы прятаться, любопытство горилл возобладает, заставив их выйти из зарослей или взобраться на деревья для лучшего обзора. Пока я была в поле зрения горилл на протяжении всего контакта, им легко было следить за мной из зарослей, что, однако, не способствовало моим наблюдениям за их поведением. Поэтому я изменила тактику: вместо того чтобы самой забираться на деревья, я представляла эту возможность гориллам, с тем чтобы они сверху следили за мной.

Вначале мне приходилось ждать до получаса, притворяясь, что я жую листья с кустов, пока снedaемые любопытством гориллы не забирались на окружающие деревья. Удовлетворив свое любопытство, обезьяны забывали обо мне и возвращались к прежним занятиям. Именно этого я и добивалась.

На протяжении нескольких месяцев я имитировала характерные для горилл удары кулаками в грудь хлопыванием в том же ритме по бедрам. Такой способ позволял быстро привлечь внимание горилл, особенно когда они находились на расстоянии нескольких десятков метров. Вначале мне казалось, что я придумала нечто хитроумное, но еще не догадывалась, что мои звуки несут не ту информацию, которую хотелось бы. Дело в том, что гориллы бьют себя в грудь, будучи встревоженными или возбужденными,

и я должна была бы передавать иной сигнал в подтверждение своих миролюбивых намерений. Я прекратила имитацию ударов в грудь, прибегая к этому приему лишь при встрече с новыми группами, чье любопытство, возбуждаемое звуками, исходящими от человека, почти всегда преобладает над инстинктивным желанием скрыться.

Каждый раз, подходя к группе горилл для установления контакта, я старалась выбрать подходящий наблюдательный пункт с большим крепким деревом поблизости, на которое могли бы залезть гориллы. Однако частенько я была слишком вымотана, чтобы тщательно выбрать место: ведь порой долгие часы мне приходилось карабкаться по крутым склонам, блуждать по раскисшим от дождя тропам чуть не по колено в грязи, прокладывая путь сквозь густые заросли, где иногда приходилось пробираться ползком. Пожалуй, мой устремленный вперед нос страдал от ожогов крапивы больше, чем остальные части тела, защищенные плотными перчатками, нижним бельем, джинсами, носками и сапогами. Многим Африка представляется в виде иссушенных равнин, опаленных безжалостным солнцем. Когда я вспоминаю Африку, мне приходит на ум лишь влажный тропический лес гор Вирунга — холодный и туманный, где годовые осадки составляют в среднем 1800 миллиметров.

По утрам часто светило солнце, но вскоре я убедилась в обманчивости погоды в эти утренние часы. Поэтому, помимо таких необходимых предметов, как фотоаппарат, объективы, пленка, блокноты, и такой роскоши, как термос с горячим чаем, я всегда укладывала в рюкзак накидки от дождя. Обычно вес моего рюкзака не превышал семи — десяти килограммов, но ноша становилась почти неподъемной в дальних походах, когда приходилось брать с собой микрофон на длинном шесте и десятикилограммовый магнитофон «Награ». До сих пор вспоминаю о соблазне выбросить все к чертовой матери в конце долгого пути. Един-

ственное, что удерживало меня, так это мысль, что гориллы где-то совсем рядом.

Стада горилл, обитающие в районе Кабара, многому научили меня. Там я познала, как общаться с животными на их условиях и не заставлять их преступать грань терпимости, проявляемой ими при встрече со мной. Поскольку любой исследователь диких животных является незваным гостем, он всегда должен помнить, что права объекта наблюдения преобладают над интересами ученого. Наблюдатель также должен учитывать, что воспоминания животного о предыдущем контакте могут повлиять на его поведение при следующей встрече.

Мое пребывание в Кабаре внезапно закончилось 9 июля 1967 года в 15.30, когда мы с Санвеке вернулись после очередной удачной встречи с гориллами. Лагерь кишел вооруженными солдатами. Мне сообщили, что в провинции Киву в Заире — так отныне именовалось Бельгийское Конго — вспыхнул мятеж и мне следует «эвакуироваться ради собственной безопасности».

На следующее утро я спустилась с горы под эскортом солдат и носильщиков, груженных лагерным снаряжением, моими личными вещами и любимыми Люси и Дэзи. Над нами кружили два полуприрученных ворона, обескураженных и растерянных потерей нашей горной обители не меньше, чем я. После трехчасового спуска к подножию горы Микено вороны решили вернуться к луку и опустевшей площадке, где шесть с половиной месяцев стояла моя палатка.

Две недели мне пришлось провести буквально в заключении в Румангабо — отдаленной деревне, где размещались управление национальным парком и гарнизон провинции Киву. Это крайне неприятное времяпровождение станови-

лось для меня просто невыносимым, когда я выглядывала из окна и моему взору открывались величественные склоны горы Микено. Меня постоянно мучил один вопрос: смогу ли я вернуться к своим гориллам?

К концу первой недели моего пребывания в Румангабо никто из управления парка не мог или не хотел объяснить мне, почему я должна здесь оставаться. Беспокойство служащих заметно усилилось, когда солдаты из близлежащих казарм стали сооружать заграждения на дорогах, перекрывая все въезды и выезды вокруг управления парка. Из обрывков разговоров я узнала, что заграждения нужны были для охраны генерала, собиравшегося прибыть в Румангабо из осажденного города Букаву, где он возглавлял мятеж. Во время «визита» в военный городок мне попался на глаза текст донесения, из которого явствовало, что меня «готовили» для генерала. Итак, мои шансы на освобождение падали с каждым часом вынужденного пребывания в деревне, и я решила бежать, используя номерной знак на моей «Лили».

В то время «Лили» еще была зарегистрирована в Кении, и для того, чтобы сменить кенийский номер на заирский, нужно было уплатить около 400 долларов. Мне удалось убедить военных в том, что мои деньги хранились в Кисоро, в Уганде, и, чтобы зарегистрировать «Лили» в Заире по всем правилам, мне надо съездить в Кисоро. Соблазн заполучить столько денег с автомобилем и покладистым заложником в придачу был слишком велик, и военные согласились «сопроводить» меня под вооруженной охраной до Уганды.

В ночь перед поездкой мне удалось незаметно погрузить в «Лили» записи, фотоаппаратуру, а также Люси и Дэзи. В Кабаре у меня был небольшой автоматический пистолет калибра 0,32, но я им ни разу не воспользовалась. По прибытии в Румангабо я отдала пистолет на хранение симпатизирующему мне сотруднику из службы охраны парка. Он

подружился со мной во время моего заключения и тайком приносил свежую пищу и новости о политической ситуации. В ночь перед побегом в Уганду мой друг незаметно передал мне пистолет и посоветовал держать его наготове на всем протяжении поездки, особенно на границе между Заиром и Угандой. Он сообщил, что пограничный пост в Бунагане кишмя кишит солдатами, а те могут не захотеть выпустить меня в Уганду даже на короткое время. Оставалось решить чисто технический вопрос, где держать пистолет, даже такой маленький, незаметно от полудюжины вооруженных солдат, выделенных в качестве конвоиров, так, чтобы он постоянно был под рукой. Я рискнула и спрятала оружие на дне полупустой коробки с бумажными салфетками, которую положила в «бардачок», оставив его открытым. По бокам коробки я насыпала ржавых болтов и мелкого автомобильного инструмента, чтобы удержать ее на месте во время тряски по немощенной дороге к границе, пролегавшей по лавовому полю. Не хватало, чтобы пистолет выскочил и приземлился на колени сидящего рядом со мной солдата!

Когда на следующее утро мы тронулись в путь, солдаты были в чудесном настроении, которое заметно улучшалось после каждой остановки у придорожных баров, где торговали местным пивом помбе. Они не обращали внимания на мой повышенный интерес к подпрыгивающей коробке с бумажными салфетками.

Пограничный пост оказался точно таким, как его описывал мой друг из службы парка,— он был битком набит военными, ввязавшимися с моими солдатами в пространные и ожесточенные споры. Один из пограничников сказал, что я могу пройти пять с лишним миль до Кисоро пешком, оставив «лендровер» на заставе, а сопровождавшие меня солдаты из Румангабо отказывались идти со мной и в то же время не хотели отпускать одну. Отпечатанное на

папиросной бумаге разрешение, выданное мне в Румангабо на «временный» въезд в Уганду, переходило из рук пьяных солдат в руки столь же пьяных таможенных чиновников и обратно. Но было очевидно, что фамилия генерала произвела должное впечатление даже на самых воинственно настроенных пограничников. Перебранка длилась несколько часов. За все это время я не вымолвила ни слова, а Люси снесла яйцо. Я тут же запрыгала, хлопая в ладоши и строя из себя дурочку, пришедшую в умиление от необыкновенного дара Люси. Воцарилась тишина, и солдаты недоуменно уставились на меня. В конце концов присутствующие пришли к соглашению, что я настоящая «бумбару» (идиотка) и меня можно спокойно отпустить. Шлагбаум был поднят.

За двенадцать лет до этих событий милейший человек по имени Вальтер Баумгертель открыл в Кисоро некое подобие пансионата для исследователей горилл и туристов. Окрещенное «Травелерс рест хотел»¹, это заведение было, по сути дела, пристанищем для многих ученых, приезжавших сюда до меня, включая Джорджа Шаллера. Я встречалась с Вальтером во время моего первого сафари в 1963 году, а за шесть с половиной месяцев пребывания в 1967 году он стал для меня одним из самых близких друзей в Африке. Через десять минут после пересечения границы я свернула на дорожку, ведущую к гостинице Вальтера, затормозила, выхватила ключи от зажигания и влетела в парадную дверь, у которой толпились изумленные беженцы из Заира. Я пронеслась по коридору через всю гостиницу до самого дальнего номера и, пробравшись через паутину, спряталась под кровать, где, трясаясь от страха, ждала, пока не улегся шум, вызванный приходом угандийских солдат, явившихся по звонку Вальтера и арестовавших заирских

¹ Приют для путника.

солдат. Выбравшись из-под кровати, я первым делом поздравила Люси за столь своевременно снесенное яйцо. Оно, правда, в сутолоке разбилось.

После допросов, которым я подвергалась в Кисоро на протяжении нескольких дней и во время которых мне давали понять, что при попытке вернуться в Заир меня застрелят без предупреждения, я отправилась в Кигали, столицу Руанды, где меня снова допрашивали. Наконец я вылетела в Найроби, где впервые за семь месяцев встретилась с д-ром Лики, правда, в иных обстоятельствах, чем хотелось бы нам обоим.

Он ожидал меня в аэропорту Найроби, улыбаясь во весь рот, как бы говоря: «Ну вот мы их снова надули, не так ли?» После краткой беседы мы оба пришли к выводу, что мне следует вернуться в Вирунгу, нежели работать с гориллами низменностей в Западной Африке или орангутанами в Азии. В Найроби я узнала, что госдепартамент США объявил меня пропавшей без вести и, по всей вероятности, погибшей. Поэтому мне и д-ру Лики предстояло явиться в американское посольство. При встрече со мной поверенный в делах категорически заявил, что возвращение в Руанду невозможно. По его словам, меня тут же сдадут заирским властям как сбежавшую из заключения.

Тогда за дело взялся д-р Лики. Он попросил меня выйти из комнаты и закрыл дверь. Около часа их возбужденные крики разносились по всему посольству. Д-р Лики вышел из кабинета бодрой походкой и с озорным огоньком в глазах. Его вид свидетельствовал, что он провел весьма приятные и удачные переговоры.

Благодаря усилиям Лейтона Уилки и его щедрости мне удалось собрать в Найроби снаряжение, необходимое для второй попытки. Через две недели я вылетела в Руанду к горам Вирунга, расположенным на ее территории. Там тоже

обитали гориллы и тоже можно было лазать по горам. Я переживала второе рождение.

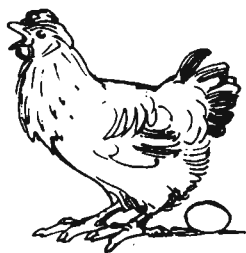
Мое устройство в Руанде прошло сравнительно гладко с помощью необычайной бельгийки. Алиетт Демунк родилась в провинции Киву в Заире и прекрасно знала страну и ее обычаи. Благодаря ей мне удалось приступить к подсчету численности горилл на руандийской стороне вулканической области Вирунга почти сразу же по приезде.

Выбор подходящего места для лагеря наподобие Кабары обернулся увлекательным приключением. Я начала поиск с горы Карисимби, вулкана высотой 4507 метров, расположенного к юго-востоку от горы Микено. Меня разочаровало, что склоны Карисимби были усеяны крупными стадами скота и пришлось подняться на высоту около 4000 метров, чтобы найти подходящую площадку для временного лагеря, которая оказалась в безлюдной местности в полчасе ходьбы от границы с Заиром. Я не видела горилл уже девятнадцать недель, но мне повезло — я наткнулась на их свежий след, ведущий в направлении одной из трех групп, с которыми я общалась в Кабаре. Контакт с гориллами был наилучшим подарком для «блудной дочери», вернувшейся домой. Гориллы меня узнали и не пытались скрыться, даже когда я приблизилась на расстояние около пятнадцати метров. С момента нашего расставания в семье родился малыш.

Одиннадцать дней поиска на руандийской стороне горы Карисимби оказались бесплодными из-за обилия скота, а также браконьеров на территории парка и отсутствия следов горилл. Однако, когда на следующее утро, а оно предвещало ясный, безоблачный день, я добралась до пустынного, напоминающего лунный пейзаж альпийского луга на горе Карисимби, передо мной открылся вид на всю сорокакилометровую цепь потухших вулканов Вирунга.

В бинокль я высмотрела довольно перспективное для моих исследований место в седловине между горами Карисимби и Високе. Пока я сидела на обдуваемом ветрами лугу и размышляла о будущем, из безбрежного океана зеленого леса, распростершегося у моих ног, вылетели два ворона и, непрерывно каркая, принялись кружить надо мной в надежде, что им перепадет хоть кусочек из остатков моего обеда. Робость птиц явно свидетельствовала о том, что это не вороны из Кабары, но их появление в тот момент и в том месте было для меня добрым знамением.

И вот десять лет спустя, когда я сижу и пишу эти строки, из окна открывается вид все на тот же кусок альпийского луга. И чувство волнения, охватившее меня при первом знакомстве с горами Вирунга с этих заоблачных высот, до сих пор не утратило своей остроты, словно все произошло лишь вчера. Так я обрела свой дом среди горных горилл.

Глава вторая

ВТОРОЕ НАЧАЛО: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР КАРИСОКЕ В РУАНДЕ

Руанда — одна из наиболее густонаселенных стран мира. При площади чуть более 26 000 квадратных километров, что равно восьмой части территории Кении или меньше штата Мэриленд, в стране проживает 4,7 миллиона человек, причем ожидается, что к концу столетия население удвоится. Руанду часто называют «маленькой Швейцарией Африки», но она входит в пятерку наименее экономически развитых стран мира, и около 95% населения еле сводит концы с концами на крошечных участках (шамба) площадью около гектара каждый. Для максимального использования земли в сельскохозяйственных целях широко применяется террасирование склонов. Но даже при такой практике население страны уже исчерпало все земельные ресурсы. Ежегодно в стране образуется 23 000 новых семей, и им нужны дополнительные земли для выращивания сельскохозяйственных культур и выпаса скота.

В 1969 году от Вулканического национального парка было отторгнуто около девяти тысяч гектаров земли под выращивание пиретрума — ромашки, из которой получают натуральный инсектицид для продажи в Европе за твердую валюту. На оставшуюся часть парка приходится только около 12 000 гектаров, что составляет менее 1% всей территории страны. При этом министерство сельского хозяйства Руанды предполагает отобрать еще 40% (около пяти тысяч гектаров) для использования под пастбища, поскольку в стране содержится 680 000 голов крупного рогатого скота, несмотря на явное перенаселение. Между сельскохозяйственными угодьями и средой обитания горилл в парке нет никакой буферной зоны. Плотность населения на плодородных землях, примыкающих к парку, составляет 300 человек на 1 квадратный километр. Жители этих мест свободно заходят в парк и рубят деревья на дрова, несмотря на запрет, устанавливают ловушки на антилоп, собирают дикий мед, пасут скот и сажают картофель или табак. Подобное вторжение людей на территорию парка приводит к тому, что горилл вскоре придется отнести к семи наиболее редким видам животных, которые были обнаружены и могут исчезнуть в течение ближайшего столетия.

Алиетт Демунк помогла мне в сборах во второе сафари в сказочный уголок, высмотренный мною с альпийского луга на горе Карисимби. Загрузив «лендровер» «Лили», и микроавтобус-«фольксваген» Алиетт необходимым снаряжением, мы двинулись на северо-восток к подножию гор Карисимби и Високе по ухабистой, усеянной камнями дороге, которую то и дело пересекали бесчисленные стада коров и коз. Через три часа дорога кончилась и мы оказались в густонаселенной местности на высоте около 2500 метров над уровнем моря среди шамба и полей, засеянных

пиретрумом. Мы наняли несколько дюжин носильщиков, которым предстояло проделать пятичасовой путь со всем снаряжением до седловины на высоте около 3000 метров в тропическом лесу вблизи окутанной туманом горы Високе.

Носильщики были в основном из племени бахуту, принадлежащего к группе банту, основным занятием которых является земледелие. Более 400 лет назад сюда с севера пришли батутси и подчинили себе бахуту, населявших область, которую впоследствии называли Руандой. Захватив земли, скотоводы батутси установили некое подобие феодальной системы. Бахуту приходилось платить натурой или отрабатывать за право владения скотом и его выпаса. Со временем бахуту превратились в крепостных батутси. Такое кастовое деление сохранялось до 1959 года (включая периоды германской и бельгийской колонизации), когда бахуту сбросили иго батутси. Бельгия предоставила Руанде независимость в 1962 году, и у власти оказались бахуту. Последствия революции ощущались до 1972 года, когда наконец прекратились массовые убийства и бегство тысяч оставшихся в живых батутси. Отношения между этими народностями остаются натянутыми до сих пор.

Многие батутси, решившие не покидать страну, продолжали заниматься скотоводством и из-за нехватки земли, несмотря на запрет, выпасали огромные стада на территории парка еще в 1967 году, когда я прибыла туда. Проработав в этой местности более тринадцати лет, я близко познакомилась с одной семьей батутси. В пределах Вулканического национального парка я также встречалась с представителями еще одного племени — батва. Речь идет о племени полупигмеев, занимающем низшую ступеньку в кастовой системе Руанды. Их традиционные занятия — браконьерство, охота и сбор дикого меда. Незаконный промысел, которым они занимались на территории парка, имел отрицательные последствия как для меня, так и для моих горилл.

Босоногие носильщики бахуту в прекрасном расположении духа принялись разбирать груз. Прежде всего каждый из них нарвал длинные пучки травы и скатал их в компактные круглые подушечки для головы, а затем взял в руки посох (фимбо). Как выяснилось позже, «фимбо» позволял не терять равновесия при переходе через грязные скользкие участки, а также помогал вытаскивать ноги из болота, по которому прошли слоны. В те времена в Руанде о сапогах еще не слышали, а пластиковые сандалии, которые можно было купить на местных рынках, были совершенно непригодны на затопляемых участках, где вода зачастую доходила до колен.

Оставив «Лили» в окружении любопытных жителей деревни и на попечении сторожа (заму), мы с Алиетт тронулись вслед за идущими гуськом носильщиками, которые принялись энергично расталкивать толпившихся вокруг нас детей. Женщины остались в деревне, так как в их обязанности входили работы на полях, сбор дров, доставка воды и уход за детьми. Многие из них были беременны, тем не менее за спиной каждой на кожаной перевязи висел ребенок, и они не спускали глаз с копошащейся у ног малышни.

Пересекая возделанные поля по лабиринту узких троп, тощие носильщики весело переговаривались с работающими женщинами. Поражало обилие народа, и я невольно вспоминала, сколь малолюдна была местность между небольшой конголезской деревушкой Кибумба и безмолвным темным лесом под Кабарой. Однако, как и в Кибумбе, жители руандской деревни Киниги были весьма любопытны и дружелюбно настроены. Мужчины и женщины были замотаны в длинные куски ткани: обноски европейской одежды вошли в моду позже. Как и взрослые, детишки бегали босиком, практически голые, лишь слегка прикрытые лохмотьями из мешковины, нисколько не смущаясь этого. Хлестал сильный ливень, и я, несмотря на пласти-

ковую накидку, тряслась от холода, а хохочущие ребяташки весело прыгали вокруг нашей процессии — воистину беззаботное детство.

Мы шли через поля, недавно засеянные пиретрумом, и густой туман скрывал от нас опустошение, вызванное сведением лесной растительности, хотя рядом с тропой еще дымились пни вековых хагений — все, что осталось от некогда величественного леса. Так хотелось снова ощутить то приятное волнение, которое я испытала в начале пути, ступив на луг Кабара, но теперь у меня сложилось впечатление, что мы идем по развалинам после бомбежки.

В получасе ходьбы от горы Високе мы углубились в бамбуковые заросли, некогда входившие в территорию парка, а ныне обреченные на гибель — их теперь вытеснят посевы пиретрума и деревни. Сегодня на этом месте стоят шесть круглых жестяных хижин и сооружена большая стоянка для автомобилей туристов. Я рада, что хотя бы в 1967 году мне довелось созерцать эту местность в первозданном виде, ибо она уже изменилась навсегда.

Как только мы оказались в бамбуковой чаще, мной овладело чувство единения с дикой природой. Приглядевшись, я заметила свежий слоновый помет и следы пребывания горилл. Тропа привела нас к прохладному скалистому проходу шириной в полтора-два метра и длиной около десяти метров. Осыпающиеся лавовые стенки были истерты грубой шкурой слонов, долгие годы ходивших этим путем из леса вниз в бамбуковые заросли и обратно. На твердой почве остались четкие волнистые следы их ног, а туманный воздух был пропитан их запахом. Десять лет спустя, когда большинство слонов в парке было уничтожено браконьерами, стенки прохода обросли толстым слоем мха, навсегда скрывшего следы одного из многих животных, некогда обитавших в горах Вирунга.

Проход этот служил как бы парадным входом в мир горилл. Он символизировал переход от цивилизации к молчаливому лесному царству. За ним открывался вид на склоны, густо поросшие величественными хагениями, их смыкающиеся кроны образовали плотный свод, а со стволов свешивались бороды мха.

Хагения — самое распространенное дерево в седловине между горами Вирунга, а на высотах встречается редко, потому что деревьям с огромной массой трудно удержаться на крутизне. На высоте от 2600 до 3300 метров над уровнем моря на склонах гор в седловине растут в основном старые деревья, а в субальпийской и альпийской зонах можно встретить множество молодых деревьев, относящихся к этому виду. Джордж Шаллер удачно сравнил хагению с добродушным лохматым стариком. Стволы их достигают в поперечнике двух с половиной метров, а в креслоподобных пазухах, образованных могучими ветвями, нашли приют целые заросли разнообразных мхов, лишайников, папоротников, орхидей и прочих эпифитов. Деревья здесь редко превышают 20 метров, и в районе седловины на территории парка кроны затеняют около 50% поверхности, что создает благоприятные условия для произрастания пышной травянистой растительности. Гориллы предпочитают питаться многими эпифитами, растущими среди ветвей с длинными перистыми листьями и сиреневых гроздей его соцветий. Среди излюбленных ими лакомств, произрастающих на хагении, следует отметить узколиственный папоротник (*Pleopeltis excavatus*), свисающий с толстых подушек мха на почти горизонтальных нижних ветвях дерева. Гориллы усаживаются поудобнее на мягком мху, выдергивают из него кусок побольше, кладут его на колени и лениво пощипывают папоротник листочек за листочком. У старых деревьев в стволе образуются дупла, где селятся самые разнообразные животные — от древесного дамана (*Dendrohyrax arboreus*),

тигровой генетты (*Genetta tigrina*), мангусты (возможно, *Crossarchus obscurus*) и сони (*Graphiurus murinus*) до белки (вероятно, *Protoxerus stangeri*).

Наряду с хагенией в седловине произрастает гиперикум (*Hypericum lanceolatum*), родственник европейского зверобоя. Гиперикум размерами меньше хагении и растет в более широком интервале высот от границ парка (около 2600 метров) до альпийской зоны (3600 метров), где доминируют его карликовые формы. В седловине высота гиперикума колеблется от 12 до 18 метров, но его сравнительно тонкие ветви не могут удерживать массивные подушки мха, как хагении. В кружево, образованное мелкими остроконечными листьями гиперикума и его ярко-желтыми цветками с восковыми лепестками, вплетаются длинные тонкие ленты лишайника (*Usnea*), напоминающие бородачатый мох. Это дерево также облюбовано растением-паразитом (*Loranthus luteo-aurantiacus*) с красными цветками, принадлежащим к семейству омеловых и являющимся лакомством для горилл. Гибкие и тонкие ветки гиперикума часто используются гориллами для сооружения гнезд как на земле, так и на самом дереве (гораздо реже).

Третье самое распространенное дерево, произрастающее в седловине и нижней части склонов горы Високе рядом с хагенией и гиперикумом, — вернония (*Vernonia adolfi-friderici*). Вернонии достигают в высоту 7 — 9 метров, и образующийся полог настолько густ, что трава под ним, как правило, не растет. У дерева широкие мягкие листья, исключительно прочные ветви и стебли, из которых появляются почки, а затем небольшие гроздья белых цветков с бледно-лиловыми ободками по краям. Гориллы любят почки, напоминающие по вкусу орехи, и либо забираются на деревья, либо пригибают ветки к земле и отщипывают почки одну за другой, точно так же, как мы едим виноград. Гориллам также нравится древесина вернонии, сырая или подгнившая. На всей территории гор Вирунга гориллы так

широко используют это дерево в пищу, для игр и сооружения гнезд, что по обилию их остатков можно судить о прежних местах обитания этих животных.

Тропа, по которой мы шли, между поросшими растительностью склонами справа и седловиной где-то внизу слева была утоптана лучше, чем у деревни, поскольку ей не давали зарости слоны и буйволы, да к тому же она служила руслом для многочисленных потоков, стекающих с горы во время дождей.

Первые полтора часа восхождения мы преодолевали самую крутую часть склона, и, по мере того как поднимались все выше, дыхание — мое, во всяком случае, — становилось все более затруднительным. Я с удовольствием одобрила решение носильщиков сделать привал и покурить. Они выбрали небольшую лужайку с журчащим ручейком, обрамленным кучами слоновой и буйволиного помета. Воздух казался эликсиром, а вода в ручейке была необыкновенно вкусной и прохладной. Густой туман и мелкий дождь, похоже, собирались уступить место долгожданному солнцу. Впервые я осознала, насколько густой была растительность на крутых склонах горы Високе на северной стороне тропы. С точки зрения возможности встреч с гориллами местность казалась весьма перспективной. Меня охватило страстное желание узнать, что лежит впереди, к западу от нас в глубине области Вирунга.

Как бы предчувствуя недоброе, носильщики стали гораздо молчаливее, чем у деревни. Тем не менее они были полны решимости идти дальше, хотя вряд ли кто-нибудь из них до этого заходил так далеко в горы. Мы еще более часа взбирались по не столь крутому склону, пока не вышли на сильно вытянутый луг, густо поросший травой, клевером и дикими цветами. Вдоль тропы-коридора часовыми ястыли величественные хагении с кружевными шлейфами мха, низко свисающими с ветвей, украшенных орхидеями. Сзади светило яркое солнце, а впереди открывалась пано-

рама, которую не только нельзя было запечатлеть на пленке, но и осознать как реальную. Я видела ее собственными глазами. Во всей области Вирунга вряд ли сыщется более впечатляющее и идеальное место для наблюдения за гориллами.

Ровно в 4.30 пополудни 24 сентября 1967 года я основала Исследовательский центр Карисоке. Это название сложилось из первых двух слогов Карисимби, названия горы, высившейся над лагерем с юга, и последних двух слогов Високе, горы высотой около 3700 метров над уровнем моря, расположенной сразу же за лагерем. Сам лагерь лежал на высоте 3000 метров.

После выбора места для лагеря следующим логическим шагом должен был стать подбор сотрудников из числа носильщиков. Несколько человек изъявили желание работать в лагере постоянно и буквально сию же минуту принялись разбивать палатки, кипятить воду, собирать дрова и распаковывать самые нужные продукты и снаряжение. Мою палатку установили на берегу быстрого ручья. Метрах в ста, ближе к склонам горы Високе, выросла еще одна палатка для только что нанятых сотрудников.

С тех пор прошло много времени, но я никогда не забуду того восторга, который охватил меня при мысли, что я снова смогу изучать горных горилл. Тогда мне не могло прийти в голову, что, установив две небольшие палатки в глуши Вирунги, я, по сути дела, заложила основу будущего всемирно известного исследовательского центра, куда будут стекаться студенты и ученые со всего мира. Как пионеру мне приходилось иногда испытывать чувство жуткого одиночества, но оно с лихвой перекрывалось колоссальным удовлетворением, которое никогда не испытывают мои последователи.

В первые дни существования Карисоке явно проявился языковой барьер между мной и руандийцами. Алиетт Демунк, прекрасно владеющая языками, должна была вскоре

меня покинуть. Я же могла говорить только на суахили, а руандийцы — на киньяруанда. Поэтому для общения мы в основном прибегали к жестам, кивкам или гримасам. Африканцы исключительно легко и быстро усваивают языки, потому что не пользуются книгами, и мне было гораздо легче научить их говорить на суахили, чем самой понимать киньяруанда.

Большинство нанятых в тот день руандийских носильщиков стали моими верными и преданными помощниками. Кое-кто из них очень полюбил лес, и я обучила их искусству следопыта, как когда-то Санвеке научил меня. Другие предпочитали работать в лагере, и им пришлось освоить основные приемы чистки палаток, стирки, мытья посуды и элементарного приготовления пищи. Те, кому предстояло добывать дрова, должны быть сильными и выносливыми, а кроме того, запомнить раз навсегда, что нельзя рубить даже удобно расположенные или поваленные деревья, если их облюбовали растения или животные. Учитывая слабость человеческой натуры, следует заметить, что среди этой категории работников текучесть была выше, чем среди следопытов или лагерной прислуги.

В 1967 году штат Вулканического национального парка в Руанде насчитывал всего десяток егерей и одного директора, причем все они были мало заинтересованы в работе. Большинство служащих боялись леса и предпочитали отсиживаться в деревнях с семьями и друзьями. Парк подчинялся директору Управления водного и лесного хозяйства при министерстве сельского хозяйства. Центральная организация по управлению парком возникла позже. Сборщики меда, скотоводы и браконьеры, в большинстве своем друзья или родственники егерей, могли ходить по парку где им заблагорассудится. За исключением редких лиц ев-

ропейского происхождения, которые иногда приезжали полазять по горам или расположиться лагерем на ночь, парк ни для кого не представлял ни малейшего интереса, за исключением нарушителей. Когда я прибыла в Руанду, многие европейцы говорили, что в руандийской части области Вирунга вряд ли удастся найти горилл и что мои поиски будут тщетными. Я с ними не соглашалась.

Основными жертвами браконьеров в Вирунге были два вида лесных антилоп — бушбок (*Tragelaphus scriptus*) и чернолобый дукер (*Cephalophus nigrifrons*). Этих изящных животных либо убивали копьями и стрелами, либо подвергали медленной мучительной смерти в капкане или веревочной петле, затягивающейся на ногу животного при малейшем движении.

На территории парка браконьеры и скотоводы живут в примитивных сооружениях — икибутах, — лачугах, возведенных вокруг больших дуплистых пней старых хагений. Браконьеры обычно проводят в лесу по несколько суток в зависимости от везения, а по ночам у костра, как правило, курят гашиш. Чем крупнее дичь, на которую придется охотиться на следующий день, тем больше требуется гашиша, чтобы набраться храбрости. Когда браконьеры, обычно батва, покидают икибути и отправляются на охоту, они прячут трубки для гашиша, запасные ловушки, копченое мясо антилопы или принесенную из деревни пищу в глубоких дуплах хагений. А скотоводы свои ибианзи (молочные кувшины) прячут в густых зарослях вблизи икибут. Я быстро научилась отыскивать эти свидетельства их незаконной деятельности, чтобы отбить у них охоту заниматься браконьерством.

При охоте на мелкую дичь, например антилопу, браконьеры обычно выходят в одиночку или небольшими группами, часто с собаками в ошейниках из шкуры антилопы, к которым прикрепляются самодельные металлические трещотки. Пока охотники ищут след, трещотки набиты лис-

тнями. Когда же собаки берут свежий след и отпадает необходимость соблюдать тишину, листья вынимаются и псы приводят браконьеров к жертве.

Сейчас мне трудно сказать, сколь часто при выслеживании горилл на верхних склонах горы Високе до меня вдруг доносились крики браконьеров, подвывание их собак и звуки трещоток. Обычно дичь загоняли до смерти. Иногда такую погоню можно было наблюдать на открытых лугах где-то на 150 — 300 метров ниже седловины. Бывали моменты, когда я от души радовалась при виде изнемогшего дукера или бушбока, которому на лугу удавалось оторваться от преследователей, прыгая из стороны в сторону, чтобы в подходящий момент нырнуть в спасительную чашу на склонах Високе. Внезапное исчезновение добычи приводило браконьеров и их собак в замешательство, и они начинали метаться кругами по лугу, в то время как жертва пряталась в убежище из кустов ежевики и чертополоха. Я спрашивала себя, настанет ли время, когда присутствие двух палаток и малочисленный персонал Карисоке умерят пыл браконьеров. В первые дни нашей работы браконьеры, размахивая копьями или держа наготове лук со стрелами, как ни в чем не бывало перепрыгивали через колышки моей палатки с той же грацией, что и антилопа, которую они преследовали.

Однажды, незаметно направившись вслед за одной из таких групп, я заметила мальчика, присевшего за деревом и целившегося в бушбока, которого другие браконьеры пытались выманить из густого кустарника. Я схватила его за руку — это оказался десятилетний сын Муньярукико, самого известного браконьера в Вирунге, — и притащила к себе в палатку в надежде, что если у меня будет такой заложник, то удастся договориться с отцом и другими браконьерами. Я собиралась поговорить с ними с глазу на глаз и потребовать, чтобы они прекратили незаконный промысел хотя бы на горных склонах и перестали беспокоить оставшихся

немногих горилл. Заложник с удовольствием провел два дня в лагере. Я выпустила его после того, как вместе с другими руандийцами из лагеря он добился от отца обещания прекратить охотиться на склонах Високе. Насколько мне известно, Муньярукико некоторое время держал свое слово. Однако в 1967 году в седловине скопились большие стада слонов, буйволов и антилоп, и она тут же превратилась в охотничьи угодья браконьеров, потому что в результате их деятельности на протяжении многих лет численность этих животных на соседних участках уже была сведена к минимуму. По мере исчезновения животных в нижней части Вулканического национального парка борьба за выживание горилл и прочих видов, обитающих в седловине, свелась в основном к разработке некоторых мер против браконьерства.

Обнаружить ловушку и перерезать струну до того, как в нее попало животное, было всегда приятно. Такое же удовлетворение я получала, когда мне удавалось высвободить из ловушки только что попавшую в нее антилопу и видеть, как она со всех ног улепetyвает от уготованной ей беды. Эластичные ребра ловушек, как правило, изготавли-

вались из бамбука. Такие ловушки легко обнаруживались в лесной траве, а в бамбуковых зарослях задача усложнялась. Их так искусно прятали, что после долгих часов блужданий в лабиринтах бамбуковых чаш мне повсюду чудились сплошные ловушки. Со стороны это может показаться забавным, но мы со следопытами испытывали сильное унижение, когда, пробираясь через бамбук ползком или на карачках в поисках ловушек, вдруг сами становились жертвами искусно спрятанных петель, тщательно прикрытых тонким слоем земли. Мы уносили силки в лагерь, сжигали их или бросали в отхожую яму. А палки, к которым они были привязаны, тут же разрубали на куски.

Ямы для ловли животных около двух-трех метров глубиной снабжались торчащими вверх заостренными бамбуковыми кольями, на которые нанизывались не подозревающие об опасности несчастные создания. Однажды такой жертвой оказалась я, когда, пробираясь в одиночку через густые заросли крапивы, расчищала себе путь похожим на мачете ножом — «панга». Представьте себе, в каком я была шоке, внезапно оказавшись на глубине двух с половиной метров и ощущая невыносимое жжение от бесчисленных ожогов крапивы, которой заросла яма. К счастью, это была старая, давно заброшенная яма со сгнившими кольями. Мною овладело чувство панического страха, когда, глянув на ярко-голубое небо над головой, я поняла, что сейчас раннее утро, а мои сотрудники приступят к поискам только поздним вечером. Мне повезло, что я не выпустила из рук панги. Вырубив ею ступеньки в обваливавшихся стенах ямы, я дотянулась до лианоподобных корней, торчащих у поверхности. То был редкий случай, когда я благодарила судьбу за свой почти двухметровый рост. Позже я вернулась к яме и забросала ее крепкими сучьями, чтобы в нее больше никто и никогда не попал.

Удавки чаще всего прятались в густых зарослях ежевики. Они затягиваются, когда пасущаяся антилопа попадает

в петлю головой и тянет ее вниз к нежным росткам и ягодам. Жертвы удавок умирают медленно от асфиксии, а в результате их тщетных попыток вырваться на волю только туже затягивается петля.

К тому времени более редким типом западни, очевидно из-за уменьшения стад, стал загон в виде частокола, со- оружаемый вдоль облюбованных буйволами троп и веду- щий к краю пропасти, у которого он сужался. Аналогичные загоны устраивали и американские индейцы. Часть брако- ньеров с собаками подгоняли буйволов сзади, а прочие поджидали внизу с копьями. Всякий раз, когда мы со сле- допытами натывались в лесу на остатки этих загонов, они вспоминали истории, услышанные от отцов, об этих побо- ищах. Кладбища буйволов, иногда встречающиеся у под- ножия скал, придавали этим историям правдоподобие.

Однажды один из посетителей лагеря случайно обнаружил еще один тип ловушки; к счастью, их найдено всего лишь несколько штук. Новичок пробирался сквозь густые заросли на четвереньках и собирался опереться на вытянутую вперед руку, как вдруг замер. Приглядевшись к месту, где рука дол- жна была коснуться земли, он увидел тщательно замаскиро- ванную проволочную петлю с пружиной, припорошенную пылью. Он проследил глазами за тянущейся вверх проволо- кой — она была привязана к трем толстым бревнам до по- луметра в поперечнике и длиной в два метра, укрепленным на метровой высоте. Малейшее нажатие на пяточок земли, окруженной петлей, привело бы к падению бревен и его не- минуемой смерти. Студент хладнокровно попятился от ло- вушки, встал на ноги, вышел из зоны падения бревен и дер- нул за туго натянутую проволоку. Тяжеленные бревна рухнули на землю, сотрясая ее, но никого не задели и не убили.

До сих пор не могу понять, для чего нужно было ста- вить такую ловушку. Бревна нескольких подобных лову- шек, которые мне довелось увидеть, были слишком легки-

ми, чтобы придавить буйвола. Для антилоп же это было излишне мощное оружие, ведь их обычно ловят гораздо более простым способом: с помощью проволочных или веревочных силков, привязанных к палке. Скорее всего, эти ловушки предназначались для больших лесных свиней (*Potamochoerus porcus*), которые, если верить африканцам постарше, работавшим в Карисоке, водились здесь в изобилии до 1967 года, когда от парка была отчуждена земля под посеvy.

Во время пребывания в этих краях мне стало очевидно, что численность диких животных, особенно в нижней части, резко сократилась — они стали жертвами браконьеров в парке. Поэтому браконьеры все чаще появлялись в горных лесах и проникали в царство горилл.

Хотя ловушки ставились не на горилл, они изредка в них попадали. Благодаря колоссальной силе гориллам удавалось вырваться и убежать с затянутой петлей на запястье или щиколотке. Я наблюдала за тремя гориллами с проволочными петлями, затянутыми на запястье. Они научились пользоваться ногами для подготовки и удержания кусков пищи, но со временем заметно ослабевали и в конце концов исчезли из своих групп навсегда.

В одном хорошо документированном случае жертвой стала молодая горилла в возрасте сорока четырех месяцев, за которой наблюдение велось с самого рождения до смерти. Она отличалась живостью, игривостью и привлекательностью, пока случайно не угодила в проволочную петлю. Петля затянулась на щиколотке, приковав гориллу к палке. Ее сородичи принялись бешено скакать вокруг нее, ломая ветки, ударяя себя в грудь, пронзительно крича и взывая о помощи. Позже, в тот же день, самка в отчаянии рванулась от палки и оборвала петлю, которая осталась на щиколотке. Шестьдесят мучительных дней петля все больше врезалась в ее тело. За это время она заметно ослабела. Остальные члены группы умеряли свой шаг, чтобы она мог-

ла поспевать за ними, но горилла была обречена, и истощенная малышка наконец отмучилась, скончавшись от гангрены, осложненной пневмонией.

В двух случаях, когда подростки оказывались пойманными в ловушки за запястье, серебристоспинному вожаку удавалось высвободить их с помощью клыков, которыми он стягивал петлю с кистей рук. По всей вероятности, этот вожак накопил гораздо больший опыт по борьбе с ловушками, чем предводитель группы той обреченной гориллы. У другой особи, взрослой самки, которая, вероятно, когда-то попала в ловушку, на обеих руках не хватало по несколько пальцев. Когда она родила, меня поразила та ловкость, с которой она ухаживала за новорожденным, несмотря на тяжелое увечье.

Казалось, некоторые группы горилл вели себя осторожнее при виде ловушек, нежели другие, очевидно имея печальный опыт общения с ними. Однажды я наблюдала, как группа горилл свернула с пути, заведя едва заметный ряд согнутых бамбуковых палок с натянутыми струнами, привязанными к смертоносным проволочным силкам. Хотя ловушки были установлены совсем недавно, в одну из них уже попал дукер, погибший при попытке высвободиться из петли. Мы со следопытами и стажером, недавно приехавшим в лагерь, немедленно уничтожили десяток с лишним оставшихся ловушек, пока они не успели нанести дальнейший урон животным. Меня беспокоило, как подействует шум, вызванный нашими действиями, на горилл, шедших ниже нас к более густым зарослям. Но они не обращали внимания на наши действия, скорее всего, потому, что знали: мы к браконьерам не имеем никакого отношения.

Когда мы покончили с ловушками на склоне горы, со стороны горилл, почти исчезнувших в густой траве у ее подножия, раздался душераздирающий вопль. Мы в ужасе кинулись к раскачивающейся вверх и вниз палке с жертвой

в петле. Несмотря на присутствие группы горилл, я, сама того не ведая, нарушила одно из основных правил — не произносить ни звука, будучи рядом с гориллами, — и заорала: «Боже! Боже!» — опасаясь, что в ловушку попала очередная горилла. Пока мы добрались до ловушки, опешившие животные убежали. Каково же было наше облегчение, когда оказалось, что в петле болтается не горилла, а молодой дукер.

Большой опыт позволил нам выработать процедуру высвобождения антилоп из ловушек. В первую очередь надо было накрыть голову животного, скажем, курткой, чтобы утихомирить его и сдержать отчаянные попытки вырваться. Затем следует крепко ухватить хрупкие ножки антилопы, чтобы избежать перелома либо растяжения связок или мышц. Здесь требуется большая сила и ловкость, потому что отчаяние, с которым пойманное животное борется за жизнь, придает ему необычайную силу. Только после этого можно стащить петлю и проверить, нет ли повреждений у жертвы. Если антилопа в помощи не нуждается, можно снять куртку с ее головы.

Перед тем как высвободить ногу невезучего дукера, я невольно глянула в сторону горилл и не смогла удержаться от смеха. На массивной ветви хагении в семи метрах от нас сидели в рядочек четыре взрослых самца и замороженно смотрели на происходящее. По их сосредоточенным лицам было видно, что они переживали за нас. Остальные члены группы с любопытством выглядывали из зарослей. При такой моральной поддержке мы не имели права на ошибку. И действительно, как только мы сдернули накидку с головы антилопы, она резко вскочила и в один прыжок скрылась в окружающих зарослях. Четверо горилл еще немного поглазели, одобрительно постучали себя по груди и не спеша спустились с дерева, поскольку представление окончилось. Я еще раз поразилась, как у горилл развито чувство любопытства.

Понадобилось около четырех лет после основания Карисоке, чтобы прекратить выпас скота и уменьшить браконьерство в седловине между горами Високе, Карисимби и Микено. В результате этого гориллы получили возможность спуститься с перенаселенных горных склонов и расселиться в седловине. Однако, когда какая-либо группа слишком далеко уходила от лагеря и оказывалась в незнакомой местности с ловушками или браконьерами, приходилось прибегать к приему, который я назвала «гуртованием».

Эта крайняя мера применялась, только если животные оказывались в потенциально опасных местах, где могли встретиться браконьеры или ловушки. Я всегда шла на это с неохотой, стремясь избежать вмешательства в жизнь группы и не нарушать естественные пути миграции животных. Но при определенных обстоятельствах я считала свои действия оправданными.

Подготовка к гуртованию заключалась в следующем. Каждому сотруднику, включая стажеров, желающих участвовать в операции, раздавались браконьерские трещотки, накопленные за много лет чисток икибуг. Затем мы определяли местонахождение подверженной опасности группы горилл, не вступая, однако, с нею в контакт. Соблюдая тишину, мы рассыпались в цепь протяженностью около пятидесяти метров позади группы и оставались вне поля зрения обезьян. Заняв свои места, мы имитировали браконьеров, поднимая шум трещотками и криками. «Атака» планировалась таким образом, чтобы гориллы сбились в кучу и начали двигаться в безопасную сторону, обычно к склонам горы Високе. Мы старались, чтобы шум не был непрерывным, а периодически повторялся и вспугивал засидевшихся на одном месте горилл или не давал им вернуться на прежнее место. Убегая от невидимых загонщиков, гориллы обычно окропляют путь жидким пометом, что вызвано расстройством желудка на почве страха, поэтому

в воздухе висит тяжелый запах. Если в группе присутствуют два серебристоспинных самца, то один из них, вожак, идет впереди, ведя за собой самок и молодых животных и задавая темп хода. Другой, подчиненный самец замыкает группу, образуя своеобразный арьергард для защиты идущих посередине слабых горилл. Обычно минут через пятнадцать обезьяны замедляют шаг и останавливаются на короткий отдых. Как только группа выходит из опасной зоны и оказывается в привычной местности, мы их оставляем в покое, не делая попыток войти в контакт в тот же день. Мы прибегали к этой чрезвычайной, но эффективной мере очень редко. Я считаю, что из двух зол это меньшее по сравнению с тем, что может произойти с группой, оказавшейся среди браконьеров или ловушек без посторонней помощи.

Во время патрулирования седловины мне скоро пришлось убедиться, что браконьерам не очень нравится, когда их ловушки уничтожаются. Одним из способов выражения их недовольства было обращение к суму (африканское слово, означающее «яд», но, по сути дела, являющееся общим термином для обозначения черной магии в центральной части Африки). Браконьеры отламывают две веточки, складывают из них крест и втыкают в землю рядом с тропой, ведущей к ловушке. Этот почти христианский символ предупреждал каждого, что при попытке переступить сложенные крест-накрест палочки его ожидает смерть. Некоторые из мужчин, выходившие в лес на борьбу с браконьерами, приходили в неподдельный ужас при виде такого креста и отказывались идти дальше. Иногда мне удавалось убедить их в беспочвенности страхов, но суму оказывает сильное воздействие на повседневную жизнь многих руандийцев, особенно тех, кто живет в отдаленных районах вблизи границы с заирской провинцией Киву, где практикуют самые искусные умушници (шаманы).

Самым распространенным способом совершить суму было приготовление смеси помбе (бананового пива) с разными снадобьями. Кроме того, эффективным считалось закопать на тропе, по которой будет идти выбранная для суму жертва, ребро животного, и для требуемого эффекта достаточно было, чтобы на закопанную кость упала тень жертвы. Более дорогой ритуал суму предполагал заклинание козы или курицы именитым умушици, который нараспев произносил магические заклинания и имя человека, против которого было направлено сие действие. Где бы ни находилась жертва в данный момент, считалось, что, как только будет перерезано горло козы или курицы, человеком овладеет смертельный недуг. Я знала одного африканца, умершего в результате такой процедуры.

Все африканцы, работающие в лагере, рано или поздно испытывали на себе злобную силу суму. Если им казалось, что они отравились, то, как правило, из-за того, что в их помбе попала какая-то гадость, и ничто не могло поколебать их уверенности в том, что спасение придет от вмешательства хорошего умушици. Они начинают готовиться к собственным похоронам, надевая лучшие одежды и ежедневно ожидая рокового конца. Им кажется, что в таком случае их похоронят в этой одежде, и она не попадет в чужие руки. Услуги высококвалифицированного умушици стоят очень дорого — надо заплатить сумму, равную месячному заработку. Сначала, когда меня просили дать деньги на лечение, мне казалось, что это розыгрыш. Но когда я видела, как некоторые из моих служащих буквально чахнут на глазах, я убеждалась, что суму воздействует на африканцев и нам этого не понять. В конце концов я стала верить в силу черной магии. Я выплачивала эквивалент тридцатидневного заработка на лечение, которое обязательно происходило в хижине шамана, и пыталась скрыть свое

изумление при виде того, как люди возвращались на работу в полном здравии и в повседневной одежде.

Не всегда суму было направлено на то, чтобы убить человека. Серегера, пожилой африканец, был родом из крайне суеверной заирской провинции Киву и нанялся ко мне на работу в качестве заму (сторожа). В его облике и манерах я находила что-то угрожающее. Трое работников лагеря помоложе страшно его боялись. Один из них, Каньярегана, набрался храбрости и решил представить доказательство суму, которым Серегера занимался в лагере. Однажды вечером, основательно напуганный собственной решимостью, молодой руандиец зашел ко мне в палатку и извлек из кармана предмет, похожий на миниатюрную высушенную голову, покрытую волосами. При внимательном рассмотрении оказалось, что «голова» выточена на скорую руку из плотной древесины и отдаленно напоминает меня с моим римским носом. Я узнала, что волосы были моими и что Серегера неделями выбирал их из моей щетки для волос. Далее Каньярегана сказал, что после того, как будет собрано достаточно волос, чтобы покрыть всю фигурку, шаман сотрет ее в порошок и подсыплет его в пищу или чай жертвы — в данном случае дубоголовой Фосси. Из-за этого я попаду в полное подчинение к сборщику волос и стану выполнять любые его пожелания, если, конечно, не замечу, что в пищу или чай что-то подмешано. Я отдала головку Каньярегана и велела положить ее на место, пока Серегера не заметил пропажи. С тех пор я стала тщательно очищать щетку для волос, и это превратилось в привычку, которую я сохранила даже в Америке спустя много лет.

Тогда я еще не знала, что Серегера был браконьером. Со временем он стал одним из крупнейших истребителей слонов в Вирунге, получив охотничье ружье почти одновременно с Муньярукикой.

Браконьеры часто обращались к суму, очевидно, потому, что многие из магических ингредиентов добывались из лесных животных и растений. Осмелевшие под воздействием гашиша, они убивали серебристоспинных горилл, чтобы отрезать уши, языки, яички и мизинцы животных. Эти органы вместе с другими составными частями, добытыми у умушици, подмешивались в варево, которое должно было вселить в реципиента мужество и силу гориллы. Кое-кто из молодых сотрудников неохотно признавался, что их отцы до сих пор верят в силу такого эликсира, но сами они презрительно относились к нему. К счастью, от этой традиции, похоже, стали отказываться. Но горилл, особенно серебристоспинных, убивали также из-за черепов и рук. Эти жуткие трофеи продавались туристам или европейцам из близлежащих городов Рухенгери и Гисеньи за сумму, эквивалентную двадцати долларам. Такая практика продержалась недолго, но стоила жизни дюжине серебристоспинных горилл.

Учитывая жестокость преступной деятельности браконьеров, мне было легче смириться с вторжением в парк скотоводов батутси, несмотря на тяжелый урон, наносимый скотом растительности. Традиция выпаса скота в области вулканов Вирунга насчитывает по меньшей мере четыреста лет, и названия многих лугов и холмов прочно вошли в язык батутси. Выпасом скота занималась мужская половина семей батутси, и забота о семейном стаде часто ложилась на плечи трех поколений одновременно. Пока старики пасут скот в поле или в лесу, младший сын, как правило, сторожит икибугу с телятами и поддерживает костер. Ибианзи, деревянные сосуды, в которые сливается коровье молоко, передаются от отца к сыну и прячутся в лесных икибугах.

Из поколения в поколение передаются даже стада и пастбищные угодья на территории парка. Многие поколе-

ния одной семьи батутси пользовались лугами вокруг Карисоке до моего прибытия и считали их своей собственностью, хотя им было прекрасно известно, что они нарушают границы парка. Главой семейства был старик неопределенного возраста с царственной осанкой по имени Рутшема. Два его сына, Мутарутква и Рувенга, и даже их сыновья помогали Рутшеме пасти принадлежащие им триста голов скота, одно из самых крупных стад в парке.

Из-за того что это семейство, одно из многих кланов батутси, пользовалось лугами между Високе и Карисимби на протяжении многих лет, мне было крайне трудно добиться, чтобы они вывели скот за пределы парка. Читатель вправе спросить: «А почему же ты все-таки добивалась этого?» Мой ответ сейчас, как и полтора десятка лет назад, прост. Задачи охраны природы в установленных границах заповедных мест нельзя ставить под угрозу. И могу в свою очередь задать вопрос: «Нужно ли сохранять парки, специально созданные для защиты флоры и фауны, или их следует отдать нарушителям, стремящимся только к личной выгоде?»

Многие годы мне пришлось жертвовать бесчисленными днями наблюдения за гориллами из-за необходимости прогонять скот за пределы парка. Было еще одно неприятное и не менее обременительное по времени занятие — смешивание стад, принадлежащих разным кланам батутси. В результате этого маневра быки путали своих и чужих, и нарушались семейные линии, тщательно поддерживаемые в отдельных стадах. После нескольких лет войны, объявленной мной против скота, батутси сдались и вывели свои стада за пределы парка. Как ни странно, Мутарутква из клана Рутшемы не затаил против меня зла и позже не только стал хорошим другом, но и возглавил отряды по борьбе с браконьерами, добиваясь их изгнания за пределы парка.

Насколько остро стоит проблема скотоводства, можно убедиться, пролетев над областью Вирунга. Однажды ранним утром 1968 года я совершила облет двух действующих вулканов на территории Заира и шести потухших вулканов, разбросанных между Заиром, Руандой и Угандой. Полет оставил неизгладимое впечатление.

Сначала мы пролетели над самым восточным вулканом Мухавура высотой 4127 метров. Его название означает «указывающий путь», или «ориентир». По сложившейся традиции, Мухавура считается священной горой, где обитают лишь добрые духи. Согласно устным преданиям и письменным документам, вторжение скота и людей на ее склоны началось раньше других. Примерно треть Мухавуры расположена в Уганде на территории созданного в 1930 году Заповедника горилл Кигези. Вначале площадь заповедника составляла около 47 квадратных километров, но под давлением земледельцев к 1950 году она сократилась вдвое и с тех пор продолжала таять. В момент моего полета над горой ее обнаженные верхние склоны лежали под белым покровом выпавшего града, резко контрастировавшего с густыми бамбуковыми зарослями и возделанными полями у подножия. Гора выглядела гораздо более унылой, чем я предполагала, из-за обилия каменистой поверхности, поросшей скудным лишайником.

Между горой Мухавура и наименее красивым вулканом Гахинга высотой 3474 метра простирается плоская травянистая равнина. Гахинга означает «возделываемая гора». Окружающие ее перевалы издавна использовались руандийскими крестьянами, посещавшими Уганду для приобретения мотыг у кузнецов. Сравнительно ровные склоны горы густо поросли бамбуком и рощами гиперикума вплоть до самой вершины, где сохранился глубокий заболоченный кратер с крутыми стенками. Гахинга казалась более подходящей для жизни горилл, но их численность была ограни-

чена меньшими размерами горы и преобладанием бамбука, который гориллы едят только в определенное время года. Луга, лежащие между Гахингой и Мухавурой на востоке и горой Сабинио на юго-западе, выглядели достаточно узкими для перехода горилл с Гахинги на соседние горы. Но поскольку эти коридоры использовались людьми, как правило контрабандистами, гориллы опасались переходить по ним с одной горы на другую.

Вскоре мы оказались над третьей вершиной цепи, горой Сабинио (3645 метров), что в переводе означает «старик с большими зубами» — из-за пяти зазубренных гребней у вершины. Сабинио считается самой старой из всех гор Вирунга и представляет собой внушительное зрелище как с воздуха, так и с земли. Негостеприимная ее вершина покрыта скудной растительностью, однако ниже альпийского пояса, вдоль гребней, взгляд радуют купы гиперикумов и других деревьев, отделенных друг от друга лощинами с пышными зарослями. Подножие Сабинио оторочено широким бамбуковым поясом, вплотную примыкающим к возделываемым полям, как и на остальных горах. Узкие гребни резко ограничивают пути передвижения антилоп, а потому стали излюбленными местами для установки ловушек. Но по той же причине эта гора меньше притягивает и скотоводов.

Исключительно узкий травянистый коридор отделяет Сабинио от небольшого, заросшего бамбуком вулкана Мусиде, в свою очередь отделенного от горы Високе грядой холмов шириной 12 километров, также поросших бамбуком. В 1969 году эта гряда связывала три восточных вулкана с тремя западными. Поэтому популяции горилл обеих частей области Вирунга с шестью потухшими вулканами еще не были изолированы друг от друга. Но на узкую гряду неумолимо наступали поля, и вскоре животные оказались отрезанными друг от друга навсегда.

Над горой Високе летчик предельно снизился у лагеря, и мои сотрудники подумали, что мы прилетели на чашку чая. Эта гора высотой 3710 метров в переводе означает «место для водопоя стад». Однако имеется в виду не большое кратерное озеро на вершине горы, а традиционно используемое для водопоя озеро Нгези, примыкающее к ее северо-восточному склону. Впервые мне удалось увидеть кратерное озеро диаметром около 120 метров с крутыми берегами, поросшими альпийской растительностью. До этого я и не догадывалась, насколько велика поверхность горы, не затронутая процессом эрозии. Большая часть склонов поросла густой травой, что делало их идеальным местом для обитания горилл. Обширная седловина отделяет склоны Високе, за исключением восточного, от гор Карисимби и Микено. Эта местность и составляет центральную часть области Вирунга — последний бастион горных горилл.

С воздуха отчетливо просматривалось, как далеко земледельцы вторглись на территорию парка. Остатки вечнозеленой растительности, обозначавшей границу 1929 года, на шести потухших вулканах с руандийской стороны стояли подобно окаменевшим солдатам на плацу захваченного форта. Разоренный лес дымился кострами — жгли хагений, расчищая земли под плантации пиретрума. Эта деятельность наблюдалась до высоты 2700 метров на горе Високе и до 2950 метров на горе Карисимби.

Спрос на пиретрум в странах Общего рынка сильно повлиял на область распространения горилл, а также слонов и буйволов, поскольку от территории Вулканического национального парка было отчуждено около девяти тысяч гектаров. Большую часть этой площади занимал бамбук, но там же встречались рощи хагений. В 1967 году, за год до моего полета, у подножия горы Високе я установила контакт с одной из групп горилл, чья территория находи-

лась под угрозой. Членам этой окраинной группы (позже ей был присвоен номер шесть) пришлось мигрировать выше на гору Високе, где их новая территория оказалась на стыке с территориями основных и изучаемых мною групп и даже местами перекрывалась ими. Моя первая встреча с этой группой состоялась в девственном лесу хатений, впоследствии превращенном в зону отдыха и стоянку для машин туристов. В 1971 году, то есть через шесть лет после появления шамб, удалось заметить 14 животных, пытавшихся использовать несколько нетронутых полос между обширными полями пиретрума. Группа 6 проникала в эти узкие лесные выступы шириной немногим более 15 метров, чтобы полакомиться дарами леса. Гориллы не обращали внимания на посевы гороха, фасоли и картофеля и не выходили за пределы леса. Отдаляясь от горы на несколько сотен метров, они как бы пытались разведать, что произошло с их прежней территорией. Не раз жители деревни приходили в лагерь и просили меня увести горилл обратно в горы, к чему мы обычно прибегали сразу же, чтобы уберечь животных от возможной опасности. Я несколько раз входила в контакт с группой 6 на восточном склоне горы Високе по соседству с шамбами. Привыкнув к работе в лесной глуши, я никак не могла освоиться с наблюдением за гориллами в необычной обстановке, под звуки голосов жителей деревни, мычанье коров, блеяние коз и кудахтанье кур. Но гориллы из группы 6 не обращали внимания на шум, доносящийся из поселения, расположенного на 50 метров ниже, хотя те же животные немедленно пускались наутек, услышав человеческие голоса в лесу.

В 1975 году было решено провести новую границу между парком и сельскохозяйственными угодьями, обозначив ее посадками эвкалиптов и вечнозеленых кустарников. Позже, в тщетной попытке укрепить границу, было закуп-

лено двенадцать жестяных круглых хижин, расставленных по периметру руандийской части парка на расстоянии около пяти километров друг от друга. Предполагалось разместить в этих хижинах служащих охраны, патрулирующих территорию парка. План был бы эффективным, если бы охрану кто-нибудь контролировал, однако хижинами фактически пользовались редко. Часть их со временем пришла в полную негодность, а остальные перевезли на площадку для туристов у подножия горы Високе.

В год моего полета над горами лес подвергся новому вторжению. Три года спустя, якобы в целях «охраны», вдоль границы между Заиром и Руандой была вырублена и выжжена просека длиной четыре километра и шириной до десяти — двенадцати метров. Новая государственная граница совпадала с нанесенной на карту только там, где позволял ландшафт. Шрам, обезобразивший горный тропический лес, напоминал след пронесшегося урагана, а проку от него не было никакого. Технический консультант — самоуверенный европеец, громогласно восхвалявший эту идею, — искренне верил, что браконьеры и животные не станут пересекать демаркационную зону между Руандой и Заиром, поскольку она четко обозначена. Меня так и подмывало спросить его: а как быть с получением виз гориллами, слонами, буйволами или антилопами, собравшимися посетить родственников по ту сторону границы?

Затем под самолетом показалась моя прежняя вотчина — седловина между Високе и горой Микено (4437 метров). Название горы Високе, относящейся к двум древнейшим вулканам системы Вирунга, означает «бедный», ведь ее склоны столь негостеприимны для человека. Для меня это была самая ностальгическая часть облета — ведь прошел почти год с тех пор, как мне пришлось покинуть лагерь на лугу Кабара. Я еле сдерживала волнение, когда самолет, оставив позади верхушки деревьев густого девственного

леса, направился к лежащей впереди поляне. Как часто бывает в жизни, утопическая попытка вернуться в прошлое не удалась. Я была разочарована. Поляна была забита скотом, а хижина моих сотрудников сломана.

Оставив позади Кабару, самолет поднялся еще на полторы тысячи метров и направился к безлюдной вершине горы Микено, чьи крутые склоны искрились от слоя выпавшего града. Подлетая к ней, я пыталась выбросить из головы Кабару, но никак не могла избавиться от мысли, что если ее захватили скотоводы, то наверняка туда пробрались и браконьеры. Как там проживают мои гориллы? Мрачные мысли немного развеялись от открывшейся крупнопановой панорамы вершины Микено с ее отвесными скалами, каньонами и нагромождениями камней. Безлюдье придавало горе почти сверхъестественное могущество.

Я с сожалением отвела глаза от этого зрелища, когда мы снизились на подлете к двум действующим вулканам, расположенным западнее в Заире,— Ньирагонго (3470 метров), названного в честь духа женщины, и Ньямурагира (3056 метров), что означает «командир» или «надсмотрщик». Во время пребывания в Кабаре я считала, что эти два непредсказуемых вулкана суть полные жизни младшие братья Микено. И на самом деле, с воздуха различались длинные языки лавы, врезающиеся на несколько километров в глубь тропического леса. Они возникли после нескольких извержений средней мощности, происшедших в прошлом году и окрасивших ночное небо над Кабарой в ярко-красный цвет. Было довольно страшновато приближаться к серным кратерам, в чреве которых ощущалось что-то дьявольское. Они еще изрыгали клубы дыма, как в свое время и давно потухшие вулканы, ныне приютившие горилл.

На обратном пути в Руанду мы облетели гору Карисимби высотой 4507 метров над уровнем моря. Согласно пре-

даниям, душам добрых людей уготовано вечное пребывание на ее вершине. Название этой горы произошло от слова «нсимби» — белая ракушка каури. Насколько удачно это название, убеждаешься всякий раз, взглянув на часто покрытую градом вершину. Верхний кратер Карисимби окружен широкими кольцами лугов, расположенных на высоте около 3500 метров и усеянных множеством маленьких озер, от которых в разные стороны разбегаются ручейки. Как и следовало ожидать, луга кишели скотом (в общей сложности около трех тысяч голов), сведенным пастухами в стада, напоминающие сверху амёб.

Через пять минут после облета лугов Карисимби мы сделали круг и зашли на посадку на травянистую взлетную полосу в Рухенгери. Как только оба двигателя самолета остановились и наступила гробовая тишина, у меня возникло ощущение, что за девяносто минут я совершила путешествие во времени порядка миллиона лет.

Глава третья

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ В КАРИСОКЕ

Знакомство с судьбой Кабары с воздуха лишний раз подчеркнуло важность исследований в Карисоке. Но даже перспектива знакомства с новыми гориллами и наблюдения за ними не могла заставить меня забыть о судьбе кабарских популяций.

В Кабаре я изучала три группы общей численностью пятьдесят особей. В первый год моего пребывания в Карисоке я сосредоточила свои наблюдения за четырьмя основными группами, куда входила всего 51 особь. Группы занимали территорию площадью около 25 квадратных километров вокруг лагеря. Я их обозначила номерами в порядке установления контакта — 4, 5, 8 и 9. Другие группы были окраинными, и их территории либо примыкали к территориям основных групп, либо перекрывали их. Были также группы, обитающие на других горах, с которыми я встречалась лишь при подсчете численности горилл и не стремилась приучить их к себе.

Поскольку я пыталась равномерно распределить время, выделенное на изучение четырех основных групп, могли возникать интервалы в несколько дней между последовательными контактами с каждой из них. Я постоянно совершенствовала свои способности следопыта, поскольку за несколько суток гориллы проделывали больший путь, чем в случае ежедневного контакта. Моим руандийцам предстояло немало потрудиться, чтобы приобрести навыки хорошего следопыта.

Прошло полгода, пока мои люди не почувствовали себя достаточно уверенными, чтобы самим выйти в лес для выслеживания горилл. Но они предпочитали не отходить от лагеря дальше чем на час пути и избегали следов двух- или трехдневной давности из-за больших расстояний. Если след был старый, на поиски горилл выходил не один, а два следопыта. Они еще не ознакомились как следует с местностью и не могли избавиться от страха предстоящей встречи с дикими животными или браконьерами.

Научить руандийцев искусству выслеживания животных все же гораздо легче, чем студентов, приезжающих в Карисоке на стажировку. У местных жителей обострены органы чувств, особенно зрения. Процесс обучения сводился к тому, что я выводила своих сотрудников в лес на пару дней и, двигаясь впереди, давала нужные разъяснения. Бывало, я намеренно теряла след горилл (честно говоря, иногда это происходило ненамеренно) и засекала, сколько потребуется времени, чтобы следующие за мной парни поняли, что мы потеряли след. Еще один полезный прием при обучении заключался в том, что я незаметно оставляла отпечатки согнутых пальцев на сырой земле в направлении, противоположном пути следования горилл, обозначенного лунками от их пальцев. Санвекве оценил бы эту хитрость по достоинству! Обнаружив мои отпечатки, ученики радостно бросались в ошибочном направлении и уверенно шли

вперед, пока след не обрывался. Этот прием оказался лучшим способом научить избегать ошибок при работе со сложными следами на траве и особенно на каменистых склонах, где один отпечаток сапога может нарушить общую картину.

Выслеживать горилл в густых зарослях проще пареной репы. Ветки, как правило, оказываются согнутыми в направлении их движения, на попадающихся по пути обнаженных участках земли или тропах четко видны отпечатки согнутых пальцев, и весь путь следования обозначен кучками помета. Если горилл ничто не беспокоит, они никогда не идут гуськом. Поэтому следов может быть столько, сколько животных в группе. В таких случаях я стараюсь идти по среднему следу. Всякий раз, когда отдельные особи отлучаются в сторону, чтобы поест в одиночку, появляются многочисленные обрывающиеся следы. Со временем я научилась различать эти ответвления маршрута по двум уровням растительности. На верхнем уровне она отогнута в направлении движения всей группы, а на нижнем — в противоположном направлении, когда отдельное животное вначале покидает группу, а затем возвращается и следует за всеми.

Когда группа горилл пересекает местность, поросшую густой высокой растительностью, рекомендуется, чтобы зря не влиять и экономить время, заглянуть вперед по ходу их движения и высмотреть, где примяты кусты или сломаны ветки деревьев, куда животные залезали поест. Это особенно полезно на равнинных участках седловины, где следы горилл бывают полностью затоптаны проходившими слонами или стадами буйволов. Единственное, что уцелевает на земле между мини-кратерами от слонов, — это характерные для горилл строенные кучки помета или остатки их пищи, например разодранные стебли чертополоха и дикого сельдерея, которые нельзя ни с чем спутать. Иногда

следы горилл на короткое время сливались или переплетались со следами буйволов. В тех случаях, когда сами следы из-за травы не видны, я прошупывала их пальцами и глубокие отпечатки раздвоенных копыт подсказывали, что я сбилась с пути. Учитывая, что гориллы всегда выбирают для своих трапез незатоптанные участки растительного покрова, они редко следуют по буйволиным тропам на сколько-нибудь значительное расстояние.

К сожалению, нельзя сказать обратного. Как и все крупные рогатые животные, буйволы предпочитают двигаться по проторенным тропам, особенно в густой растительности. Наткнувшись на следы горилл, они часто выстраивались гуськом и топали по ним, словно коровы, возвращающиеся с пастбища домой. И я не раз оказывалась в хвосте стада буйволов, следующего за гориллами. Два раза гориллы, то ли раздраженные, то ли из озорства, разворачивались и бросались на буйволов, которые тут же пускались наутек и наталкивались на меня. Дальнейшие события развивались, как в немых кинокомедиях с Лорелом и Харди. У меня был выбор: либо вскарабкаться на ближайшее дерево, либо нырнуть в заросли, обычно крапивы, обрамляющие тропу, по которой сломя голову несло стадо буйволов. И я всегда охотно уступала им дорогу. Между прочим, это одно из главных правил, которое должен усвоить любой, кто работает среди диких животных, иначе последствия испытаешь на собственной шкуре.

Выслеживание горилл — довольно увлекательное занятие, хотя временами, когда след становился едва заметным, мои следопыты считали, что у четвероногих преследуемых вдруг вырастали крылья. Такое чувство чаще всего возникало при попытке выследить одинокую серебристоспинную гориллу, а не целое стадо, когда следы имели недельную давность и оставались на более или менее обнаженной местности, как, например, поляны или лавовые поля, или

когда следы горилл смешивались со следами копытных животных.

Однажды утром, идя по следам серебристоспинного самца-одиночки, я вынуждена была ползти по-пластунски по длинному сырому туннелю, образованному свалившимися хагениями и густо сплетенными лианами. Я почувствовала облегчение, когда метрах в пяти передо мной забрезжил свет, и заспешила, волоча за собой рюкзак. Проползая по освещенному месту, я, как мне показалось, ухватила за нижнюю часть ствола молодого дерева, чтобы подтянуться и выбраться из мрачного туннеля. Ствол не только помог мне выбраться из туннеля, но и протащил несколько метров сквозь заросли крапивы, пока я не догадалась разжать пальцы и увидела, что держалась за левую ногу изумленного буйвола. Несколько дней я отмывала волосы и одежду от «благоуханных» буйволиных излияний, вызванных вполне объяснимым испугом.

Однажды я совершенно случайно убедилась, что двигаться по следу горилл ползком, а не пешком гораздо более эффективно. Резкий запах серебристоспинного самца, напоминающий запах пота немытого человека, впитался в растительность, которую он задел сутки назад. Если бы в тот день я шла за одиноким самцом на своих двоих, а не ползла, я бы не догадалась о важной роли запахов на уровне земли. На теле горилл различаются два основных типа потовых желез. Под мышками у взрослых самцов расположены четыре — семь слоев крупных апокринных желез, источающих тот резкий запах страха, который присущ серебристоспинным самцам и который у самок выражен очень слабо. Ладони и подошвы самцов и самок тоже содержат апокринные железы и множество желез с наружной секрецией, выполняющих важную функцию смазки. Оба типа желез представляют собой эволюционное приспособление

к миграциям по земле и общению посредством запахов, особенно у взрослых самцов.

Наиболее резкий запах на свежей тропе горилл исходит от кучек помета. Здоровые гориллы оставляют за собой цепочки яблок, напоминающих конские по виду и запаху. Когда гориллы не спешат, строенные кучки располагаются цепочкой и каждое яблоко в кучке скреплено с другими растительными волокнами. Если животные до этого употребляли в пищу дикую ежевику (*Rubus runssorensis*) или напоминающие сливы плоды пигеума (*Pygeum africanum*), в помете встречались семена или даже целые плоды, что помогает определить место кормежки горилл. О свежести помета можно судить по количеству мух, летающих вокруг него, или по числу яиц, которые они успели отложить на его поверхности. Сотни белых яичек откладываются уже через несколько минут после дефекации, а через восемь — двенадцать часов в зависимости от погодных условий из них начинают вылупляться личинки. При определении свежести следа следует всегда учитывать погодные факторы. Если стоит теплая солнечная погода, свежие следы, такие, как помет или оторванные листья, быстро, буквально за несколько часов, сохнут и выглядят «старее», чем на самом деле, а в дождливую погоду или при густом тумане все наоборот.

В первые дни работы в Карисоке я возвращалась в лагерь с пробами свежего помета и растительных остатков, чтобы проследить процесс их старения в разных погодных условиях. Неоднократно повторяя эти эксперименты, я быстро научилась точно определять возраст следов. Для развития глазомера я вбила в землю у палатки колышки на расстоянии от 15 до 75 метров и ежедневно тренировалась.

Помет кормящих самок часто покрыт белесым налетом, скорее всего, потому, что матери обычно поедают кал своих детенышей в первые четыре — шесть месяцев их жизни.

Жидкие экскременты со слизистым налетом или без него, а также с кровавыми вкраплениями, оставленные отдельной особью в группе, часто свидетельствуют о заболевании животного. Если же большинство животных в стаде оставляют жидкие экскременты вдоль тропы, то, по-видимому, они напуганы другой группой горилл или, что вероятнее, браконьерами. Так, как правило, помечен путь бегства горилл, когда они цепочкой спешат прочь от возможной опасности. Каждый раз, когда я шла по таким следам, время, казалось, растягивается от беспокойных мыслей о том, что я увижу в конце пути.

Иногда группы горилл оказываются зараженными ленточным червем (*Anoplocephala gorillae*), причем установить какую-либо корреляцию между инфекцией и временем года или ареалом не удалось. Крупные (длиной около 25 миллиметров) сегменты этих ленточных глистов чаще всего попадались в экскрементах, оставленных в ночных гнездах. Когда я натыкалась на них рано утром, то паразиты еще шевелились.

Замечено, что все гориллы независимо от возраста и пола поедают собственные, а иногда и чужие экскременты. Копрофагия чаще всего наблюдается после длительных периодов дневного отдыха в сезон дождей, когда на кормежку и переходы отводится минимум времени. Животные просто приподнимают зад во время дефекации и подхватывают рукой яблоко до того, как оно упадет на землю. Затем откусывают от него и жуют, причмокивая губами от удовольствия. Поедание экскрементов свойственно почти всем позвоночным, в том числе и человеку, если он страдает некоторыми видами пищевой недостаточности. Копрофагия среди горилл, вероятно, вызвана нехваткой питательных веществ, особенно если учесть, что витамины, в частности витамин В₁₂, вырабатывающийся в заднем отделе кишечника, усваивается в переднем отделе пищеваритель-

ного тракта. Поскольку чаще всего копрофагия проявляется в холодную сырую погоду, мне кажется, что для горилл это то же самое, что для нас расфасованные в фольге обеды, которые перед употреблением разогреваются в духовке.

Размеры яблук в помете сильно различаются в зависимости от возраста и пола и колеблются от 75 миллиметров в поперечнике у серебристоспинных самцов до 10 — 25 миллиметров у детенышей. Анализ кала из ночных гнезд позволяет определить состав главных или окраинных групп, а также дает точное указание на рождение детеныша в группе или переход животных из одной группы в другую (роды чаще всего происходят ночью, а ночные гнезда содержат около половины всех экскрементов, выделенных за сутки каждой особью).

Гориллы ведут дневной образ жизни и каждый вечер строят себе гнезда на ночь в самых разных местах. В основном 98% ночных гнезд состоят из растений, которые не идут в корм гориллам, а поедаемые ими чертополох, крапива и дикий сельдерей не пригодны для строительства гнезд. Ночные гнезда взрослых животных представляют собой прочные компактные сооружения, похожие на вытянутые ванны, и создаются из мясистых листьев таких растений, как лобелия (*Lobelia giberroa*) и крестовник (*Senecio erici-rosenii*). Наиболее тщательно отделяется край гнезда, где используется множество стеблей, согнутых таким образом, чтобы листья на их концах выстилали ложе животного, делая его мягче. Гнезда могут располагаться как на деревьях, так и на земле, но тяжелые взрослые гориллы, как правило, устраиваются на земле. В сезон дождей излюбленными местами для гнездования являются дупла в стволах деревьев и в таких случаях можно обойтись только подстилкой из мха или рыхлой земли. Гнезда такого рода не только обеспечивают защиту от дождя, но и позволяют гориллам позавтракать сгнившей древесной корой и корнями.

Гнезда, сооружаемые малолетками, чаще всего представляют собой хлипкие конструкции из листьев, но со временем они начинают делать их более прочными и надежными. Самое молодое по возрасту животное, которое, по моим наблюдениям, само строило гнездо и пользовалось им для ночлега, имело от роду тридцать четыре месяца. Детеныши обычно ночуют в материнском гнезде до рождения нового отпрыска.

Когда гориллы устраиваются на ночлег рядом с границей парка или с местами, облюбованными браконьерами, в их выборе подходящего места проявляется некая закономерность. В этих случаях они выбирают возвышения или открытые склоны, с которых хорошо просматривается окружающая местность. То же поведение наблюдается и при близком расположении других групп горилл. При выборе места для дневных гнезд гориллы не столь привередливы, хотя предпочтение отдается хорошо прогреваемым солнцем полянкам, а не тенистым уголкам или густым лесным чащам.

На протяжении многих лет горные склоны непосредственно за лагерем составляли часть территории групп 4 и 5. Десятки раз мне доводилось видеть, как самки и более молодые гориллы строили себе ночные гнезда повыше, метрах в тридцати над лагерем, а серебристоспинные самцы устраивались на ночь у подножия холма. Такая диспозиция почти полностью исключает возможность незаметно приблизиться к гориллам. Когда группа 4 или 5 гнездилась за лагерем, я неоднократно пыталась незаметно подкрасться к ним утром в надежде, что удастся понаблюдать за еще непроснувшимися обезьянами. И каждый раз чуть не наступала на спящего серебристоспинного стража, укрывшегося в высокой траве у подножия холма. Трудно сказать, кто бывал больше испуган, когда внезапно разбуженное животное молниеносно вскакивало на ноги и с леденящи-

ми душу криками несло на «защиту» своего пробудившегося семейства.

Остатки гнезд могут висеть на деревьях до четырех лет — гораздо дольше, чем гнезда, устраиваемые в траве, которые сохраняются не более пяти месяцев в зависимости от погоды или места их расположения. Гроздь ночных гнезд, свитых из длинных стеблей лобелии, часто несут интереснейшую информацию о периодичности и длительности пребывания горилл в той или иной местности. Лобелии продолжают расти вверх даже после того, как их пышные верхушки обрываются для строительства гнезд. По моим подсчетам, скорость их роста составляет 50 — 75 миллиметров в год. Местность, где побеги растущей кругами лобелии достигли в высоту трех метров, свидетельствует о том, что гориллы строили здесь гнезда около тридцати лет назад.

Существует мнение, что ночные гнезда строятся либо для защиты от непогоды, либо являются инстинктивным действием, напоминающим о временах, когда предки горилл жили на деревьях. Обе точки зрения имеют равные права на существование. Я не раз наблюдала, как родившиеся в неволе и содержащиеся в зоопарках гориллы скорее инстинктивно, нежели в порядке имитации, находили предметы, отдаленно напоминающие растительные материалы, и укладывали их вокруг или под себя на манер животных, строящих гнезда на воле. Однажды ветер сдул соломенную шляпу с широкими полями с головы одной дамы и унес ее в загон для горилл. Самка немедленно схватила шляпу, старательно разорвала ее на куски и начала возводить жалкое подобие гнезда, ревностно защищая материал от притязаний соседей по загону.

Гориллы обычно тратят около 40% своего времени на отдых, 30% — на кормежку и 30% — на переходы или питание на ходу. Вокруг Исследовательского центра Карисоке на площади 25 квадратных километров можно выделить

несколько главных зон растительности, где велись наблюдения, причем каждая зона привлекала горилл в разное время года.

Седловина между тремя западными вулканами Високе, Карисимби и Микено представляла собой относительно ровную местность с холмами и гребнями высотой не более 30 метров. Она отличалась особым разнообразием выющихся растений и трав, а также рощами хагений и гиперикумов.

Вернония встречалась на отдельных участках седловины, а также на нижних склонах горы Високе. Цветки, кора и древесина этого дерева были излюбленной едой горилл. Вернонии так часто выбирались гориллами для гнездований и игр, что они стали встречаться все реже и реже там, где некогда произрастали в изобилии.

Небольшие участки в седловине и на нижних склонах Високе занимает зона крапивы, но в основном это растение сосредоточено в западной части подножия горы Високе, где оно образует густые заросли в поясе шириной полтора-два километра.

Зона бамбука ограничена в основном восточной окраиной парка. На ней расположена территория группы 5. Несколько изолированных островков бамбука встречается на территории группы 4, но, когда бамбук вступает в фазу стеблевания, группа покидает склоны горы и движется напрямиком к этим островкам, прекрасно зная, когда и где созревает их пища.

Зона кустарников приурочена в основном к гребням на склонах горы Високе и в меньшей степени — к холмам в седловине. Я выделяю кустарники в отдельную зону, потому что они представлены густыми зарослями таких излюбленных гориллами видов, как дикая ежевика и пигеум, а также более редкими деревьями и кустами, кора которых жадно поедается гориллами.

Зона гигантских лобелий расположена на склонах горы Високе на высоте от 3500 до 3800 метров. Она часто посещается гориллами в засушливое время года, когда на листве высокогорной растительности конденсируется влага ночных туманов и кустарника, деревья и прочие растения становятся сочными.

На афроальпийскую зону приходится самые высокие пояса гор, и она включает в себя в основном просторные луга или покрытые лишайником пустоши. Эта зона отличается скудной растительностью, и гориллам там делать нечего.

Гориллы перемещаются гораздо быстрее в местах, где пищевые ресурсы ограничены, и когда «отправляются на разведку» неизведанных территорий. В результате такой рекгносцировки одинокие серебристоспинные самцы или целые группы увеличивают свои территории в области седловины. Расширение границ за счет седловины помогает избежать чрезмерного перекрытия территорий разных групп, как это случилось на склонах Високе в конце 60-х годов. Часто, когда приходилось выслеживать горилл в длительных походах, мне живо представлялось, как серебристоспинный вождь уговаривает свое семейство: «Ну ладно, ребята, потерпите, давайте посмотрим, что там за соседним холмом?» Животные зачастую оказывались в совершенно непригодных для них местах, и им приходилось рыскать в поисках небольших оазисов съедобной растительности, а затем вновь пускаться на поиски подходящей территории. Иногда их маршруты были столь запутанными, что в туманные дни, когда вершины гор исчезали из виду, возникало ощущение, что животные заблудились...

Новые территории в основном осваивались в районе седловины, а не на склонах, потому что там чаще встречалась более обильная и разнообразная растительность. Гориллы употребляют в пищу около пятидесяти восьми видов

растений, распределенных по семи зонам района исследований. Листья, побеги и стебли составляют около 86% их рациона, а на плоды приходится всего лишь 2%. Поедаются также экскременты, грязь, кора, корни, личинки насекомых и улитки, но в гораздо меньшем количестве, чем зелень. К наиболее распространенным травянистым растениям, поедаемым гориллами, относятся чертополох, крапива и дикий сельдерей, которые достигают в высоту более двух метров. Чахлое вьющееся растение подмаренник (*Galium*) составляет основу диеты горилл, вероятно, потому, что, в отличие от прочих растений, встречается почти во всех высотных поясах лесной зоны и тянется от земли до верхушек веток деревьев, где до них легче добраться проворной молодежи, нежели взрослым животным.

Вполне возможно, что гориллы улучшают среду своего обитания как в высокой траве седловины, так и на горных склонах. Если скот и буйволы вытаптывают растения своими крепкими острыми копытами, то гориллы вдавливают их в землю мягкими руками и ногами, тем самым ускоряя возобновление растительного покрова, поскольку из междоузлий полупогребенных стеблей появляется множество ростков. Помечая небольшие участки, посещаемые только гориллами, только скотом и буйволами, а также вовсе не посещаемые, я убедилась, что за шесть недель наблюдений на делянках горилл растительный покров был гораздо гуще. Это прежде всего относится к крапиве и чертополоху.

Гориллы редко вступают в борьбу за пищевые ресурсы, если только источники излюбленной пищи не ограничены коротким вегетационным периодом или не сосредоточены на ограниченных участках. В качестве примера можно привести пигеум, похожее на дуб плодовое дерево, достигающее в высоту около 18 метров и растущее только на некоторых гребнях. Из-за сравнительно малой численности этих деревьев и довольно короткого периода их плодоношения,

всего два-три месяца в году, гребни, на которых они произрастают, привлекают к себе массы горилл в одно и то же время. Серебристоспинные вожаки, забиравшиеся на самые верхние ветви в поисках лакомых плодов, всегда являли собой захватывающее зрелище. Благодаря главенствующему положению вожака они пользуются правом первыми снимать пробу, а животные рангом ниже ждут своей очереди внизу и не лезут на дерево, пока не спустится патриарх. Набив щеки плодами и набрав их полные горсти, гориллы ловко перемещаются на ближайшую ветвь покрепче, усаживаются на ней поудобнее и принимаются лакомиться скудной добычей.

Другое редкое и излюбленное гориллами растение родственно омеле белой (*Viscum album*). Оно растет на тощих высокогорных деревьях, например гиперикуме. Подростки намного ловчее собирают мясистые цветущие стебли лорантуса (*Loranthus*), чем тяжеловесные взрослые, которым нередко приходится ожидать внизу, пока не свалится лакомый кусочек. Если подростки допускают ошибку и спускаются на землю, наивно полагая, что смогут полакомиться собранными ими растениями, взрослые тут же грубо отбирают у них добычу.

Еще одно лакомство горилл — гриб плоский трутовик (*Ganoderma applanatum*), паразитирующий на деревьях и похожий на большую тарелку. Поскольку такое блюдо трудно отделить от дерева, животные помоложе неуклюже обнимают ствол руками и ногами и отщипывают лакомство по кусочку. Взрослые гориллы, которым удастся отломать гриб, удаляются на сотню метров от дерева, бережно охраняя ношу от доминантов, пытающихся отнять ее. Гриб встречается довольно редко, гориллы его обожают, а потому внутри группы часто из-за него возникают ссоры. Как правило, они разрешаются серебристоспинным вожаком, который забирает «яблоко раздора» себе.

Ссоры в группе возникают также в тех случаях, когда на ограниченном участке произрастания ценной пищи животным становится тесно. Это чаще всего происходит при выходе группы горилл на крошечные островки бамбука в седловине. То же наблюдается в сухие месяцы, когда гориллы отправляются на гребни горы Високе подкормиться землей. В этот период она особенно богата кальцием и калием. Группа 5 издавна облюбовала себе одно местечко, и густо поросший деревьями гребень был так изрыт гориллами, что в нем образовались огромные пещеры, обрамленные искривленными корнями.

Однажды, подойдя к этому месту, вожак группы 5, как всегда, первым залез в облюбованную им пещеру, оставив остальных животных терпеливо ждать снаружи. Мне было как-то не по себе, когда серебристоспинная громада раздвинула паутину корней и исчезла в кромешной тьме. Выйдя из пещеры, усыпанный землей вожак отошел в сторонку, и внутрь ринулись его сородичи. Судя по раздраженным вскрикиваниям и урчанию, гориллам было очень тесно в пещере.

Группа 4 предпочитала брать землю с обнаженных склонов. Эти откосы стали излюбленным местом и для ласточек, купающихся в рыхлой земле и соорудивших в ней гнезда. Так же как и группа 5, группа 4 направлялась в земляные уголья в засушливое время года и, загребая землю пригоршнями, отправляла ее в рот. Наблюдая за гориллами по нескольку часов, я никогда не замечала, чтобы они пытались ловить взрослых ласточек и птенцов или собирать яйца.

Поскольку гориллы питаются в основном растениями, подготовка пищи требует большой ловкости рук и челюстей. Может быть, именно поэтому никто никогда не видел, чтобы гориллы изготавливали орудия из подручного материала. В отличие от них, живущие на воле шимпанзе известны своим умением сооружать хитроумные приспособления из веток и листьев, чтобы доставать пищу и воду.

Гориллы, очевидно, не нуждаются в орудиях для добы-
вания еды, поскольку она легко доступна в среде их оби-
тания. Однажды в 1969 году после четырехмесячной засухи
в районе наблюдений появились полчища термитов. Я ожи-
дала, что гориллы примутся на манер шимпанзе готовить
заостренные палочки для извлечения насекомых из трух-
лявых пней. Однако они не обращали внимания на тер-
митов и обходили зараженные ими места, направляясь к
источникам растительной пищи.

В теплые солнечные дни, когда гориллы испытывают
глубокое удовлетворение жизнью, их кормежка и отдых ча-
сто сопровождаются звуками, напоминающими урчание в
животе. Животное обычно выражает свое довольство сери-
ей двусложных сигналов: «на-уум, на-уум, на-уум». Звук
вызывает цепную реакцию у находящихся поблизости жи-
вотных, что позволяет определить местонахождение каждой
особи, участвующей в перекличке, и установить ее лич-
ность. Имитация этого звука людьми, пытающимися уста-
новить контакт с группами горилл, частично или полнос-
тью скрытых в зарослях,— довольно эффективное средство
коммуникации. Прибегая к нему, я как бы оповещаю жи-
вотных о своем присутствии и не вызываю их беспокой-
ства, с шумом продираясь сквозь заросли. Вы не представ-
ляете себе, какое удивительное ощущение испытываешь,
сидя среди отдыхающих горилл и участвуя в хоре довольно
урчащих животных.

Урчание является самой распространенной формой об-
щения внутри группы. Если оно долго не прекращается,
значит, гориллы довольны жизнью, а несколько укорочен-
ный вариант может означать попытку призвать молодежь
к порядку. Более серьезные дисциплинарные меры выра-
жаются «хрюканьем» — эдаким стаккато звуков, которые
можно услышать в свинарнике во время кормежки. Их ча-
сто издают серебристоспинные самцы в адрес других взрос-

лых горилл при возникновении споров во время кормежки или выяснения, кто кому должен уступить дорогу при передвижении группы, а также в адрес детенышей, особенно на последних стадиях процесса отнятия от груди. Молодые особи таким способом выражают свое недовольство, если с ними неучтиво обошлись во время игры собратья или взрослые.

В популярной литературе часто описываются зычные крики «вроаа» как наиболее частые в словаре горилл. И действительно, на ранней стадии моих исследований то были, пожалуй, самые обычные звуки, издаваемые еще не привыкшими ко мне животными, когда им казалось, что мое присутствие таит угрозу. Издаваемые гориллами звуки всегда представляли для меня большой интерес, и в течение нескольких месяцев я записывала их на магнитофон, чтобы провести последующий спектрографический анализ в лаборатории Кембриджского университета. Эта работа дала положительные результаты, ибо теперь при общении учащенные тревожные крики довольно быстро сменялись более спокойными звуками, свидетельствующими о расположении горилл ко мне. В конце 1972 года, когда в Карисоке начался наплыв студентов для прохождения стажировки, одним из моих первых уроков было обучение искусству подражания урчанию горилл. Некоторым новичкам так и не удалось как следует имитировать эти звуки. У одного из них урчание скорее напоминало блеяние козы, но через несколько недель гориллы все-таки привыкли и к его характерным приветствиям.

Иногда я и мои студенты внезапно сталкивались с гориллами с глазу на глаз, поскольку не подозревали об их близости. В таких случаях можно было подвергнуться нападению, особенно если группы передвигались по сосед-

ству с другими или пересекали опасную местность (например, часто посещаемую браконьерами) либо в группе недавно родился детеныш.

При таких обстоятельствах у серебристоспинного вожака обострялось чувство ответственности за группу и он постоянно был настороже. Однажды, карабкаясь по крутому склону сквозь густые заросли на встречу с группой 8, до которой, по моим расчетам, было еще несколько часов ходу, я стала объектом нападения. Тишину внезапно разорвали крики пяти самцов из этой группы, бульдозерами ринувшихся на меня сквозь кустарник. Как всегда, их крики были столь оглушительными, что я не могла определить, откуда они исходят. Мелькнула мысль, что на меня идут сверху. Вдруг высокая завеса растительности расступилась, и мне показалось, что с горы несется потерявший управление трактор.

Узнав меня, серебристоспинный вожак группы резко затормозил в метре от моей особы, и следующие за ним четыре самца врезались в него, моментально образовав кучу малу. Я медленно опустилась на землю в смиренной позе. Шерсть на макушке каждого самца была вздыблена, клыки полностью обнажены, зрачки обычно карих глаз сверкали желтым блеском — как у кошек, а не горилл, — а воздух буквально загустел от всепоглощающего запаха страха. Полчаса пятеро самцов издавали пронзительные крики при моем малейшем движении, пока наконец не позволили мне притвориться, что я мирно жую траву. Затем они решили удалиться и как-то скованно пошли вверх по склону.

Теперь я смогла выпрямиться и выяснить причину человеческих криков, доносившихся снизу с расстояния около 120 метров. Там, у тропы для перегона скота (это случилось в начале моей работы), стояла группа скотоводов батутси. Крики горилл выгнали их из разных уголков леса, где они пасли скот. Позже выяснилось, они были уверены,

что гориллы разорвали меня на куски. Когда же я предстала перед ними во весь свой рост, они сочли, что какое-то особое суму оберегает меня от гнева горилл, которых они страшно боялись.

Когда батутси разошлись, я вновь последовала за группой 8 — конечно, на почтительном расстоянии — и обнаружила, что они шли недалеко от группы 9. Судя по следам, гориллы из второй группы тоже было кинулись ко мне, но остановились на полпути. И только спускаясь со склона, я обнаружила одинокого серебристоспинного самца — вот почему на меня напали самцы из группы 8. Заслышав меня в густых зарослях, гориллы решили, что идет одинокий самец, а его присутствие было нежелательным для обеих групп.

Хотя известно, что нападение горилл чаще всего лишь их защитная реакция и они не собираются нанести физическое увечье, возникает инстинктивное желание бежать, а это может вызвать погоню. Я никогда не сомневалась во врожденном добродушии горилл и чувствовала, что их нападения — блеф, и потому без малейших колебаний застыла на месте. Однако, учитывая их ярость и скорость, я могла устоять на месте, только вцепившись мертвой хваткой в кусты. Иначе я бы не выдержала и пустилась наутек.

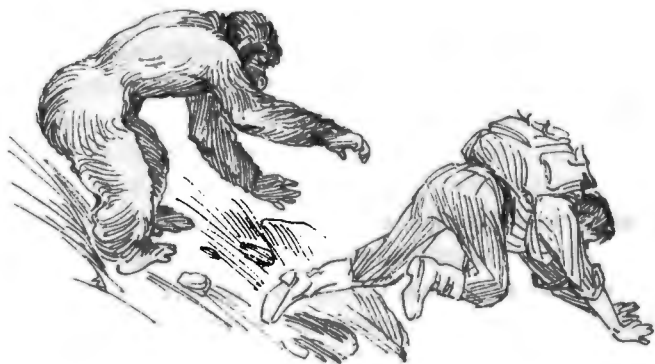
Как в любом случае нападения, виновата была я. Разве можно подкрадываться к гориллам по крутому склону, не дав предварительно знать о себе? Подвергшиеся нападению студенты-стажеры невольно повторяли ту же ошибку. Некоторые сотрудники, занимавшиеся учетом численности горилл, при встрече с новыми, ранее неизвестными группами за пределами района наблюдений, вынуждены были неоднократно возвращаться в лагерь и сменять одежду из-за рефлекторных реакций, вызванных нападениями. Людям, стоящим при нападении на месте, не грозит физическая расправа, если гориллы их знают, но иногда и они могут

схлопотать легкую оплеуху от проходящего мимо животного. Тем же, кто пускается в бега, не позавидуешь.

Один довольно способный студент совершил ту же ошибку, что и я, приближаясь к группе 8 прямо снизу. Он пробирался сквозь густые заросли в местности, часто посещаемой браконьерами, шумно расчищая путь с помощью панги, и не подозревал, что находится рядом с группой горилл. Такое неграмотное приближение вызвало бурную реакцию у серебристоспинного вожака, не видевшего, кто идет. Когда молодой человек инстинктивно повернулся и побежал, самец ринулся за ним в погоню. Он сбил юношу с ног, разорвал рюкзак и уже собирался вонзить ему в руку клыки, как вдруг узнал наблюдателя. Вожак, как мне доложили, немедленно отступил с выражением «извините, я ошибся» на лице и побежал обратно к группе, даже не удосужившись оглянуться.

В одном случае человек, спасавшийся бегством при падении на него горилл из неизвестной группы, всегда выражал сомнение по поводу эффективности подражания звукам, издаваемым животными. Его движения и действия в присутствии горилл часто бывали резкими, даже агрессивными. Но ему удалось проработать целый год с привыкшими к человеку гориллами, пока не случилось неизбежное. Во главе большой шумной толпы туристов он прямо снизу приближался к двум находящимся рядом группам животных. На него напал серебристоспинный самец, прокатился с ним кубарем метров десять, сломав неудачнику три ребра, а затем впился клыками в затылок. Укус был бы смертельным, если бы была задета яремная вена. Пострадавший остался в живых и потом всюду хвастал, что едва избежал смерти, но не говорил, что нарушил элементарные правила общения с гориллами.

В другом случае молодой турист попытался взять на руки детеныша из группы 5, несмотря на встревоженные

крики членов семейства. Не успел он коснуться младенца, как мать и серебристоспинный папаша бросились на защиту детеныша. Парень дал деру, споткнулся, упал, и гориллы принялись кусать его и рвать на нем одежду. Много месяцев спустя я встретила с этим незадачливым туристом в Рухенгери, на его ногах и руках еще виднелись глубокие шрамы — память о злополучной встрече.

Во всех рассказах о нападениях горилл животным обычно отводится неблагоприятная роль. Если бы не вторжение человека на их территорию, они, несомненно, нападали бы только при защите своих семейных групп от других горилл. Я питаю большие сомнения относительно целесообразности приучать горилл к человеку. И поэтому не стараюсь приучить их к моим африканским сотрудникам. В прошлом гориллы знали африканцев только в качестве браконьеров. Та секунда, которая понадобится горилле, чтобы решить, друг или враг на ее пути, может стоить ей жизни: в нее успеют выпустить копье, стрелу или пулю.

Ну разве это дело, когда сотне людей, вооруженных луками и стрелами, копьями или ружьями, дозволено уничтожать диких животных в заповедных местах, в том числе

и в последних убежищах горных горилл. И борьба с браконьерством в горах Вирунга должна стать одной из самых эффективных мер активной природоохранной деятельности.

Активные природоохранные мероприятия по своей сути довольно просты. Прежде всего необходимо проводить индивидуальную работу с каждым африканцем, для того чтобы у него не только проявилось личное чувство гордости за свой национальный парк, но и желание взять на себя часть ответственности за сохранность природного наследия. Для того чтобы поддержать это чувство и обеспечить эффективность мероприятия, следует позаботиться о таких элементарных вещах, как обувь, приличная одежда, в том числе дождевые плащи или накидки, хорошее питание и зарплата для служащих охраны. В Карисоке все это было обеспечено, и в области Вирунга за дело взялись сотни патрулей, уничтожая ловушки и капканы браконьеров, конфискуя оружие и выпуская попавшихся в ловушки животных на свободу. Такая работа на постоянно уменьшающейся территории заповедника, имеющего международный статус и тем не менее кишашего браконьерами, скотоводами, земледельцами и сборщиками меда, должна подкрепляться в законодательном порядке ужесточением законов по борьбе с браконьерами в Руанде и Заире, введением строгих штрафов за незаконную продажу мяса, шкур и бивней жертв браконьерства, а также за любую прибыль с подпольного промысла. Мероприятия такого рода не исключают долгосрочной природоохранной стратегии.

Теоретические основы охраны природы находятся в резком противоречии с реальными активными мероприятиями. Для столь экономически неразвитой страны, как Руанда, абстрактные положения куда привлекательней практических программ. В первом случае упор делается на

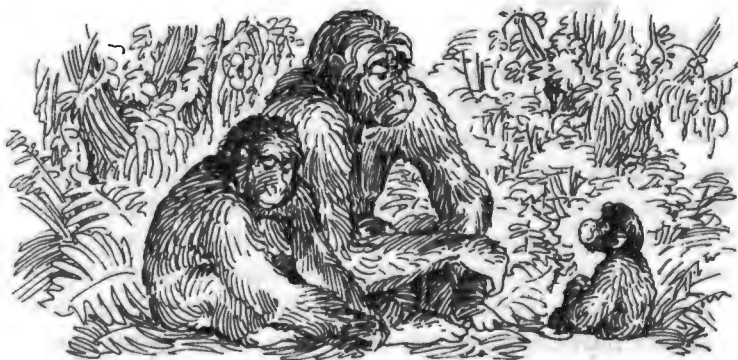
поощрение роста туризма путем улучшения существующих дорог, окружающих горы Вулканического национального парка, обновления здания управления парка и туристских пансионатов, а также на приручение горилл, обитающих возле границы парка, с тем чтобы туристы могли подходить к ним и фотографировать. Теоретические основы получили высокую оценку со стороны правительства Руанды и управления парка, которые, естественно, хотят, чтобы Вулканический национальный парк приобрел всемирную известность и тем самым экономически оправдывал бы свое существование в стране с дефицитом земель, пригодных для сельского хозяйства. В результате проведения такой политики число туристов, посещающих Вулканический национальный парк, резко возросло. Только в 1980 году доходы парка от туризма удвоились по сравнению с предыдущим годом.

Но тут мы сталкиваемся с полным непониманием того, что более актуальные задачи выживания двух сотен горных горилл и других диких животных, оставшихся в Вирунге, не могут решаться в рамках долгосрочной программы теоретической охраны природы. У горилл и прочих животных нет времени ждать. Убить гориллу можно одной ловушкой или пулей. Поэтому очень важно, чтобы действенные охранные мероприятия касались непосредственных опасностей, возникающих в парке. Все, что выходит за рамки этих мероприятий, следует отнести к теоретическим выкладкам. Можно научить местное население уважать горилл и тем самым поощрить туризм, но это никоим образом не поможет выживанию двухсот сорока двух горилл, которых не увидят будущие поколения туристов. Нельзя недооценивать значение теоретических положений в отдаленной перспективе, но они не должны заслонять неотложные задачи.

Вдали от глаз общественности горстка преданных своему делу людей в Вулканическом национальном парке про-

должает вести активную борьбу за сохранение парка и обитающих в нем животных. Среди выдающихся личностей, рискующих своим положением ради идеи, следует отметить Паулина Нкубили. В качестве начальника патрульной службы Руанды он накладывал огромные штрафы на покупателей и продавцов-браконьеров в Вулканическом национальном парке. Своими действиями он фактически ликвидировал торговлю трофеями, в том числе головами и руками горилл, идущими на изготовление сувениров. В клане Рутшемы нашлись батутси, которые, порвав с многолетними традициями незаконного выпаса скота в парке, стали активными участниками патрулей против браконьеров в Национальном парке Вирунга. Паулин Нкубили, верные сотрудники Исследовательского центра Карисоке и члены патрулей выполняли свою скромную работу, движимые личными убеждениями. Единственной наградой для них было сознание правоты своего дела. Надежда на светлое будущее Вирунги находится в их честных руках.

Глава четвертая

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА ГОРИЛЛ: ГРУППА 5

Как ни странно, моим знакомством с первой группой горилл на горе Високе (в дальнейшем группой 4) я обязана браконьерам. Два представителя народности батва преследовали дукера с луком и стрелами и, услышав пронзительные крики на склонах Високе, прибежали в лагерь и доложили мне о появлении горилл.

Я последовала за браконьерами и вернулась в лагерь довольная от мысли, что мне удалось выйти на контакт с гориллами в первый же день существования лагеря Карисоке. Когда в тот вечер я села за машинку, чтобы отпечатать сделанные за день заметки, со склонов горы Високе где-то за моей палаткой до меня доносились отчетливые звуки ударов в грудь и голосовые сигналы горилл. Эти звуки исходили из точки, удаленной на километр с лишним от того места, где я встретилась с группой 4. Поскольку гориллы

за день проходят не более 400 метров, я поняла, что это новая группа, ставшая в дальнейшем группой 5.

На следующее утро я поднялась к источнику звуков, услышанных накануне вечером, отыскала след и вышла по нему на поросший густым лесом гребень, поднимающийся над лагерем. Увидев меня, животные немедленно попрятались, за исключением подростка, который взобрался на дерево, постучал себя по груди и, эффектно перескакивая с ветки на ветку, с треском приземлился на низкий кустарник. Я тут же дала ему кличку Икар. Остальные члены группы — как выяснилось позже, их было пятнадцать — удалились метров на шесть-семь от того места, где питались, и принялись украдкой рассматривать меня сквозь заросли. Однако проказник Икар снова полез на дерево и, чтобы покрасоваться передо мной, стал выделять головокругооборотные акробатические трюки, а в перерывах с любопытством глазел на первого в его жизни человека, жующего стебли дикого сельдерея.

В первые же полчаса контакта с группой 5 мне удалось насчитать в ней двух серебристоспинных самцов, занявших фланговые позиции для защиты самок и детенышей. Обоих самцов легко было обнаружить и распознать по нестройным крикам. Более пожилого главенствующего самца, издававшего грудные встревоженные звуки «вроаа», я окрестила Бетховеном, а самца помоложе с более пронзительными криками я прозвала Бартоком. Позже я разглядела еще черноспинного самца и не смогла удержаться от соблазна назвать его Брамсом. В поле зрения также мельтешили четыре самки, таскавшие на руках детенышей разного возраста с глазами навывкате. Одна из взрослых особей спокойно уселась под деревом, на котором столь старательно усердствовал Икар. Она бережно прижала детеныша к груди, и по ее виду было ясно, что поведение Икара ее беспокоит. Я была уверена, это мать юного акробата, что

подтверждалось сходством черт лица и частыми попытками Икара ее успокоить. Я окрестила самку Эффи, а ее прижатого к груди детеныша с блестящими глазами — Пайпер. Прошло еще полчаса, и гориллы тронулись в путь. Поскольку одним из моих основных правил было не следовать за гориллами, если они решили уйти, я отправилась восвояси, хотя Икар и задержался на некоторое время в кроне дерева.

Процесс привыкания ко мне группы 5 проходил гладко благодаря регулярным контактам. За первый год работы в Карисоке они стали подпускать меня на расстояние пяти-шести метров. Бетховен довольно терпимо относился к остальным двум самцам в группе — Бартоку и Брамсу, — очевидно, потому, что он рассчитывал на их помощь в охране самок и детенышей. Превосходящая всех по рангу самка Эффи с двухлетней дочерью Пайпер и сыном Икаром пяти-шести лет от роду всегда располагалась ближе всех к Бетховену, на лице которого появлялось выражение удовольствия всякий раз, когда, потакая своим чадам, он позволял им играть на своей мощной серебристой спине. Второй по рангу самкой была Маркиза, явно опасавшаяся Эффи, хотя Пентси, полуторагодовалая дочь Маркизы, свободно играла с Пайпер и Икаром. Пентси страдала от хронической астмы, что сказывалось на ее манере издавать звуки. Зачастую глаза Пентси слезились, а из носа текли обильные выделения, но я никогда не видела, чтобы Маркиза пыталась вытереть ей лицо. Две самки так и не получили имен: я никак не могла различить их, поскольку они все время прятались в зарослях. И наконец, две последние — Лиза и Идано — были окрещены, когда перестали чураться меня и я научилась их распознавать.

Икар способствовал укреплению моих контактов с группой благодаря своему неутомимому любопытству и отваге, побуждавшим его устраивать феерические, зачастую риско-

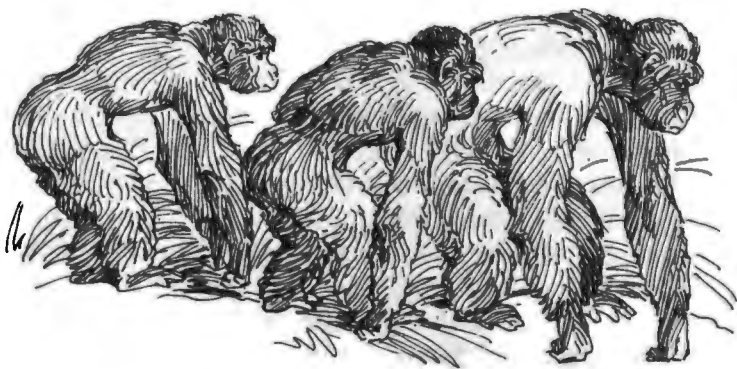

ванные акробатические представления на самых различных деревьях: от молодых саженцев до мощных старых хагений. Однажды, разучивая новый трюк на недостаточно прочном для его проделок молодом деревце, лопухий пострел неожиданно для себя вместе с обломанной веткой в руках плюхнулся на землю. Еще не улегся шум от его падения, как воздух сотрясли негодующий рокот и крики Бетховена и Бартока. Оба самца вместе с самками, которые держались у них за спиной, кинулись на меня, как будто я была повинна в падении Икара. Они остановились как вкопанные в трех метрах от меня, увидев, что целый и невредимый Икар полез на другое дерево, не обращая внимания на вызванный им переполох. Шалун олицетворял собой ан-

гельское смирение, но серебристоспинные самцы были напряжены. Воздух наполнился резким запахом страха.

Я разжала взмокшие ладони и отпустила ближайший куст, увидев, как Пайпер, сестра Икара, к моему ужасу, взобралась на сломанное деревце, только что покинутое Икаром. Малютка выдала серию неуклюжих кувырков, поворотов колесом и разных коленцев, а затем похлопала себя по груди. Поймав на себе взгляды горилл и приковав мое внимание, она заважничала еще больше. Еще ни одному канатоходцу не удавалось так завладеть аудиторией. Глаза серебристоспинных самцов переключались с Пайпер на меня и обратно, как будто они ожидали, что я вот-вот брошусь вперед и схвачу Пайпер за руку. Когда наши взгляды встретились, они шумно выразили недовольство. И тут Икар внезапно разрядил нервное напряжение горилл. Он легко вскочил на то же дерево и, затеяв с сестричкой игру в ловилки, подогнал ее к группе обеспокоенных горилл. Все три самца с облегчением принялись бить себя в грудь и снова в кустах, а потом увели группу в горы.

На склонах гориллы всегда чувствуют себя увереннее, если оказываются выше людей или чужих горилл. Меня никогда не привлекала перспектива приближаться к гориллам снизу, но иногда из-за густых зарослей ничего другого не оставалось. Хорошо помню один случай, когда я подползала к группе 5 снизу, волоча за собой тяжеленный магнитофон «Награ». Приблизившись метров на шесть к группе обезьян, занятых кормежкой, я тихими сигналами предупредила о своем присутствии. Закрепив микрофон на рядом стоящем дереве, я поставила его на землю. Любопытные детеныши и подростки расположились на деревьях и стали сверху рассматривать незнакомые предметы. Узнав меня, они кокетливо засуетились среди молодой поросли вернонии. Звуки, издаваемые кормящимися выше меня взрослыми гориллами, еще скрытыми растительностью,

прекратились, как только осмелевшая детвора затеяла рискованные и шумные акробатические игры. Как и следовало ожидать, серебристоспинные самцы в сопровождении самок с истерическими криками бросились в мою сторону и остановились метрах в трех. Из-за оглушительного крика животных стрелка на модулометре магнитофона задержалась как безумная и уперлась в ограничитель шкалы. Я хотела нагнуться и повернуть ручку регулировки громкости, но малейшее мое движение провоцировало возбужденных горилл на новую атаку. Забыв про микрофон, я в отчаянии промолвила: «Мне отсюда не выбраться живой!» Пленка кончилась, а я беспомощно взидала то на взволнованных серебристоспинных самцов, возвышавшихся надо мной, то на бешено вращающуюся пустую бобину у моих ног. Мне удалось выключить магнитофон, когда группа наконец ретировалась. Когда ночью прослушивала пленку в хижине, моя реплика в интервале между двумя взрывами криков горилл прозвучала так неожиданно, что я закатилась от хохота, так как совсем забыла, что произнесла эти слова.

Когда несколько месяцев спустя я провела спектрографический анализ записей, оказалось, что воспринимаемые

мною по-разному крики «вроаа» и другие звуки, издаваемые отдельными самцами, иначе выглядят и на фонограмме. Вот почему гориллы узнают друг друга по звукам даже на больших расстояниях.

В 1969 году, то есть на второй год работы в Карисоке, мне и моим сотрудникам еще не удалось полностью изгнать скот из седловины, и группа 5 вынуждена была держаться юго-восточных склонов горы Високе, где глубокие ущелья перемежались крутыми гребнями. Часто, выйдя по следам на край гребня, можно было обнаружить, что гориллы греются на солнце внизу, как самые настоящие пляжники. В таких случаях я старалась держаться как можно незаметнее, чтобы наблюдать естественные взаимоотношения между животными в группе.

В один из редких солнечных дней от группы 5, спрятавшейся в излюбленной густо заросшей котловине, исходило довольное урчание. Я тихо подкралась к краю гребня и, укрывшись в кустах, начала вести наблюдение в бинокль за мирно занятым семейством. Патриарх Бетховен восседал в середине круга загорающих животных — эдакая серебристая громадина вдвое больше окружающих его самок. По

приблизительной оценке, вес его составлял около 160 килограммов, а возраст — примерно сорок лет. Серебристая шерсть покрывала его бедра, затылок и плечи, которые из-за проседей соперничали в белизне с поясницей. Помимо крупных размеров и серебристой спины, к другим признакам полового диморфизма относятся ярко выраженный сагиттальный гребень на голове и клыки, полностью отсутствующие у самок.

Бетховен медленно покачнулся в сторону, отвалился на спину, издал довольный вздох и принялся осматривать последнее прибавление в семействе — шестимесячного детеныша Пака. Малыш игриво ползал по животу мамы Эффи, с лица которой не сходила кривоватая довольная усмешка. Бетховен нежно приподнял Пака за загривок, потряс буйного малыша над собой и начал его ласкать. Пак исчез из виду в массивной руке, которая в конце концов водрузила удивленного малютку обратно на живот Эффи.

Подобную картину, когда серебристоспинный отец любовно возится со своими отпрысками, мне доводилось наблюдать не раз. Столь необычная мягкость и нежность к детенышу со стороны взрослого самца полностью противоречит образу Кинг Конга.

Бетховен, вожак группы 5, обладал исключительными правами на случку с Эффи, Маркизой, Лизой и Идано, самками, либо приобретенными им за несколько лет взаимодействия с другими группами, либо доставшимися в наследство после естественной смерти предыдущего вожака группы. Бетховен терпимо относился к подчиненным ему самцам Бартоку и Брамсу. По сходству черт их лица можно было судить о том, что все они родственники. Однако по достижении половой зрелости более молодые самцы уже не могли оставаться в группе 5, так как у них не было ни малейших шансов на взаимность самок — ведь Эффи, Маркиза, Лиза и Идано безраздельно принадлежали Бетховену.

Впоследствии Барток и Брамс покинули группу 5 и после десяти месяцев блужданий по соседству с группой в радиусе 300 метров превратились в «серебристоспинных одиночек», пустившись в долгие странствия в поисках подходящей территории. В этих блужданиях обоим самцам часто приходилось вступать в контакт с другими группами для приобретения самок, из которых они могли бы составить собственные гаремы и образовать группу.

В 1971 году Барток и Брамс остановили свой выбор на двух четко ограниченных участках по соседству с территорией группы 5: Барток поселился на восточном склоне горы Високе над Слоновым проходом, а Брамс облюбовал себе холмы и часть седловины между горами Високе и Карисимби.

За последние четыре года из руандийцев выросли отличные следопыты, способные проследивать маршруты основных изучаемых групп, а также серебристоспинных одиночек и окраинных групп, изредка попадавшихся нам в районе Карисоке. Однажды рано утром ко мне подошли два следопыта и, запинаясь от волнения, сообщили, что вышли на след одинокого самца сразу же к югу от лагеря, и повели меня к Млима Моджа, что в переводе означает Первый Холм. Рассматривая ночное гнездо серебристоспинного самца, мы услышали истошные вопли, доносившиеся от подножия холма, где-то в 120 метрах ниже. Мы побежали на крики. Перед нами мелькнул Брамс, убегавший от браконьера с луком и стрелами, поднятыми высоко над головой. Выйдя внизу на след, мы двинулись за Брамсом в точку, где он встретился с браконьером. След гориллы был отмечен окровавленными листьями и жидкими экскрементами, а следы босоногого охотника стали шире, когда он, очевидно, бросился наутек. Вероятнее всего, и тот и другой пытались инстинктивно защищаться — Брамс на-

пал на браконьера, а тот выпустил стрелы в грудь животного.

Около трех часов мы следовали за раненым самцом, который старался уйти как можно дальше от места роковой встречи. Иногда Брамс устраивал привал, оставляя после себя круги пропитанной кровью растительности. Вначале я решила, что он смертельно ранен, но меня успокоили рев, удары в грудь и треск ломающихся веток, исходящие от разъяренного болью животного, давшего волю своему гневу.

В тот же день Брамс достиг нижних склонов горы Карисимби, где мы оставили его в покое, дабы зря не провоцировать и без того растревоженное животное. На следующее утро следопыты обнаружили, что в его пустом ночном гнезде крови мало, а утренние следы вели вверх к горе Карисимби и удалялись от района исследований в Карисоке.

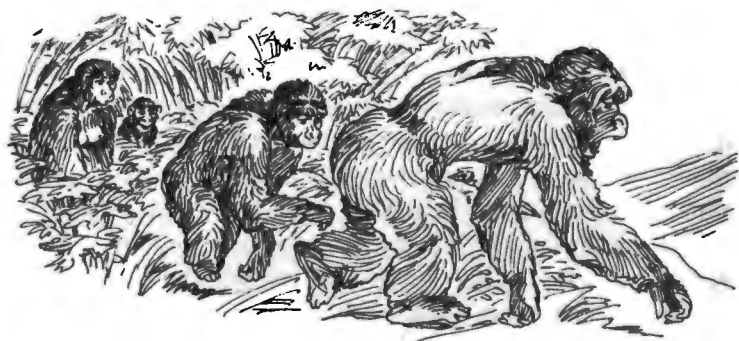
Через год Брамс обзавелся двумя самками из групп, обитавших на Карисимби. Меня страшно интересовало, научила ли Брамса встреча с неизвестным браконьером осторожности перед лицом опасности, которая могла угрожать не только ему самому, но и его подругам и детям.

В июне 1971 года Брамс и Барток покинули группу 5, где, я полагаю, они родились. Через полгода Бетховен присоединил к своему семейству прежде не рожавшую самку из группы 4. Мы прозвали ее Бравато. Такие самки, как правило, становятся подругами одиноких серебристоспинных самцов или переходят в меньшие группы, потому что ранг самок соответствует тому порядку, в котором они приобретаются серебристоспинными самцами-доминантами. Поэтому меня страшно удивило появление Бравато в группе 5, где издавна установилась иерархия старых жен Бетховена: Эффи, Маркизы, Лизы и Идано.

За десять месяцев с момента перехода Бравато в группу 5 ни разу не возникло ощущения, что она является полноправным членом семьи. А в октябре 1971 года настал день, когда Бравато удалось возобновить свои отношения с родной группой во время двухдневного контакта между группами 4 и 5. Встреча состоялась вблизи лагеря в местности «Гребни контактов». Речь идет о двух гребнях, отделенных друг от друга небольшой ложиной шириной около 30 метров, которая в то время обозначала границу раздела между территориями обеих групп. Группы 4 и 5 должны были неизбежно встретиться в этом месте, где серебристоспинным вожакам каждой группы предоставлялась возможность выяснить отношения и покрасоваться перед чужой группой.

Бетховен был гораздо более опытным вожаком, чем Дядюшка Берт — серебристоспинный патриарх группы 4, и с большой терпимостью относился к самцу помоложе, который вечно ходил с напыщенным видом, бил себя в грудь и ломал ветки деревьев, растущих на его гребне. Спектакли Дядюшки Берта сопровождался длительным улюлюканьем, обычно предшествующим ударам в грудь. Такое улюлюканье, свойственное серебристоспинным вожакам во время контактов между группами, разносилось на целую милю по всему лесу.

В первый день контакта Бетховен реагировал только на некоторые крики Дядюшки Берта, а взрослые самки в группе 5 почти не обращали внимания на выкрутасы молодого самца. Бравато сразу потянуло к прежней группе, и она перешла к ней через широкую ложину в сопровождении Икара и Пайпер. Оказавшись на противоположной стороне у группы 4, они стали беситься вместе с некоторыми подростками на склоне горы ниже Дядюшки Берта. Хотя прошло десять месяцев с тех пор, как они расстались с Бравато, было очевидно, что ее хорошо помнили в родной

семье. Молодежь обступила ее, они уморительно обнялись и закружили в играх.

К концу дня Дядюшка Берт совершил неосмотрительный поступок — направился на противоположную сторону лощины к Бетховену в сопровождении нестройной группы сородичей, а также Бравато, Икара и Пайпер. Столь вызывающее поведение неопытного самца не могло остаться без ответа со стороны Бетховена, с негодованием смотревшего на растянувшуюся по лощине процессию. Он намеренно важной походкой спустился к ней, оставив позади остальных членов семейства. Оба вожака приблизились друг к другу на расстояние около метра, остановились и замерли в неловких позах, отведя глаза в сторону. Животные из обеих групп тоже застыли, не произнося ни звука, и чувствовалось, что напряженное состояние вожаков передалось и им.

Вдруг, не выдержав напряжения, Дядюшка Берт встал на ноги, забил себя в грудь и принялся шумно хлопать по растительности, разделяющей его и Бетховена. Этого было вполне достаточно, чтобы вывести из себя старого самца, который до этого был самым воплощением терпимости.

Гневно зарывчав, Бетховен ринулся на Дядюшку Берта, и тот с позором удрал вниз вместе со своей группой. Воздух зазвенел от их истерических воплей. Отказавшись от преследования, Бетховен продолжал стоять на месте и презрительным взором провожал пришедших в замешательство членов группы 4. Дядюшка Берт остановился метрах в пятнадцати и, почувствовав себя в относительной безопасности, снова принялся бить себя в грудь, улюлюкать и кидаться из стороны в сторону. Бетховен с показным равнодушием повернулся и гордо прошествовал вверх на гребень, где его поджидало семейство. По пути он дважды останавливался и делал вид, что ест листья чертополоха, которые обрывал без спешки, чтобы не выпускать из виду Дядюшку Берта. За Бетховеном шла его юная дочь Пайпер, тогда как Икар и Бравато со дна долины с тоской поглядывали на группу 4.

И тут Дядюшка Берт совершил новую ошибку, решив вернуться к подножию гребня, на котором находилась группа 5, чтобы забрать с собой Бравато. Разъяренный Бетховен стремглав кинулся вниз и отогнал молодого вожака к обеспокоенным членам группы 4. После пристального взгляда прямо в глаза Дядюшки Берта Бетховен отвернулся и тол-

чками погнал Бравадо и Икара наверх, прочь от группы соперника. Вожак и члены его семейства заурчали и отпавились на кормежку. После небольшой передышки группа 4 молчаливо пошла в том же направлении, но ниже по склону.

Учитывая близость места встречи к лагерю, я ожидала, что ночью оба серебристоспинных вожака будут обмениваться улюлюканьем или биением в грудь. Но царившая тишина заставляла думать, что группы разошлись и отправились в глубь своих территорий. Поэтому, когда на следующее утро я вернулась к «Гребням контактов», то была поражена, увидев Дядюшку Берта, усиленно бившего себя в грудь и нерешительно улюлюкающего в процессе разминки перед очередной встречей с Бетховеном.

Полная дурных предчувствий из-за столь вызывающего поведения молодого самца, явно нарушившего протокол, я пошла вверх по ложбине между двумя гребнями и буквально потеряла дар речи, увидев, что Бравадо направляется к группе 4, ведя за собой Икара, Пайпер и маленькую Пен-си, дочь Маркизы. На гребне, занятом группой 4, их восторженно встретили молодые ее члены, и все снова принялись бутузить друг друга и кувыркаться.

На высшей точке гребня, метрах в двенадцати над веселящейся молодежью, Дядюшка Берт продолжал усиленно бить себя в грудь, метаться и улюлюкать, но Бетховен словно не замечал его потуг. Едва затихали отголоски одного сеанса, как начинался другой. Прошло около двух часов, и только тогда Бетховен нехотя покинул свой сторожевой пост и с важной молчаливостью зашагал в сторону группы 4, оставив позади своих самок и детенышей. Дядюшка Берт тут же затих. Он забегал вверх и вниз по склону. Его движения были так неестественны и утрированы, что создавалось впечатление, будто кто-то дергал сухожилия его ног, которые выписывали в воздухе несуразные кренделя. Запах,

исходящий от обоих самцов, становился все более резким, а ведь меня от них отделяло более 25 метров. Бетховен не спеша добрался вверх по склону до Дядюшки Берта, они оказались лицом к лицу и застыли, широко расставив ноги и вздыбив шерсть, от чего казались еще крупнее.

Через несколько секунд оба самца отвернулись друг от друга и разошлись в стороны, точно заводные солдатики: Бетховен потопал вниз, а Дядюшка Берт — вверх к своей затаившей дыхание группе, к которой примкнула Бравато. И тут Бетховен вдруг резко повернулся и помчался к группе 4. Он притормозил, когда вся группа с исступленными криками дружно ринулась ему навстречу. Однако Бетховен и не думал отступать, ворвался в гущу налетевших на него членов группы 4 и добрался до Бравато, которая при его приближении покорно встала на колени. Он схватил молодую самку за загривок и выволок из группы. Спускаясь с гребня, они встретились с другими членами группы 5, и Бетховен властно захрюкал, веля им следовать за ним. Его сородичи повиновались, поджав в страхе губы. Когда они отошли от группы 4 метров на 25, Дядюшка Берт разорвал тишину биением в грудь и улюлюканьем. Бетховен остановился как вкопанный и, повернувшись, бросил на молодого самца угрожающий взгляд, а затем снова погнал свое покорное семейство к подножию холма. Оказавшись на дне лошины, четыре подростка затеяли игру в догонялки, как бы разряжая обстановку. Бетховен спрятался от глаз Дядюшки Берта, обосновавшись в густых зарослях, что является обычным для горилл тактическим приемом в арьергарде.

Через несколько минут Дядюшка Берт необдуманно пошел вниз в сопровождении трех молодых членов своей группы, комически подражавших его смелой походке. Хотя Бетховен сидел в густых кустах, он знал о приближении Дядюшки Берта и не спешил, как бы размышляя, стоит ли связываться с ним напоследок. Потом решил спокойно

довести беглецов до группы 5 и тем самым исчерпать конфликт. На следующий день обе группы не выходили за пределы своих территорий и, как обычно бывает после таких напряженных встреч, занялись отдыхом и кормежкой.

Эта встреча между группами была одной из первых, которую мне довелось наблюдать от начала до конца, и представляла собой яркий пример поведения серебристоспинных самцов, избегающих столкновений, которые могут привести к физическим повреждениям. Бетховен, более пожилой и умудренный опытом вожак группы 5, мог без труда расправиться с неопытным Дядюшкой Бертом, вожаком группы 4, и нанести ему серьезные телесные повреждения. Но набор ритуальных взаимных угроз выявил сильнеешего без опасной стычки.

По прошествии многих лет, проведя тысячи часов полевых наблюдений, я пришла к выводу, что столкновения между одинокими самцами или отдельными группами являются причиной 62% всех ранений, получаемых гориллами обоего пола. Изучив 64 скелета, обнаруженных на шести вулканах области Вирунга, я констатировала, что 74% черепов несли следы заживших ран, а у 80% отсутствовали или были сломаны клыки.

Удивительная жизнестойкость горилл, наверное, никогда не перестанет удивлять меня. Ее можно проиллюстрировать примерами двух найденных мной черепов, принадлежавших неизвестным серебристоспинным особям. В надбровной дуге каждого черепа я обнаружила по застрявшему кончику клыка. Судя по наросту костной ткани вокруг пораженного места, укусы обоим жертвам были нанесены в юном возрасте. Находки свидетельствуют о необычайной силе серебристоспинных самцов. В связи с этим возникает вопрос: что — поведение или физическая сила — позволяет гориллам успешно исполнять роль мирных воспитателей, поддерживающих железную дисциплину в лоне семьи?

В августе 1972 года, через одиннадцать месяцев после двухдневной встречи групп 4 и 5, Бравато родила первого отпрыска — обаятельного малыша Кэрри. Это был шестой детеныш, появившийся в группе 5 с 1967 года. Как и у остальных, отцом Кэрри был Бетховен, единственный половозрелый самец в группе. Я надеялась, что с рождением Кэрри, явившимся неопровержимым свидетельством связи Бравато с доминирующим серебристоспинным самцом, положение новоиспеченной мамы в группе улучшится. Однако она по-прежнему опасалась четырех более высокопоставленных самок — Эффи, Маркизы, Лизы и Идано. Наоборот, Бравато стала даже больше сторониться группы, лишая Кэрри возможности освоиться в ней. Только когда Кэрри исполнилось девять месяцев и он превратился в живого и общительного малыша, Бравато стала подпускать к нему других детей Бетховена для совместных проказ и игр. Я решила, что затянувшийся период отчуждения Бравато наконец завершился.

Но произошло неожиданное. В апреле 1973 года, когда Кэрри было десять с небольшим месяцев, один из моих следопытов наткнулся на тело малыша на тропе, по которой группа 5 убегала после встречи с одиноким серебристоспинным самцом. При осмотре трупа я обнаружила десять ран от укусов разной силы. У Кэрри была сломана бедренная кость и перерезана кишка, в результате чего начался перитонит и наступила смерть. Когда я делала обмеры и фотографировала останки, то обнаружила на ладонях обеих рук малыша розовые отпечатки от впившихся в кожу ногтей. Так я впервые столкнулась с детоубийством среди горилл, обитавших на горе Високе.

На следующее утро после обнаружения тела Кэрри мы пошли по следам, и выяснилось, что серебристоспинный самец-одиночка напал на группу 5 во время дневного отдыха. Судя по многочисленным отметинам из жидких экс-

крементов и крови по пути следования горилл, встреча была довольно бурной. Кэрри бросили в пятистах метрах от места встречи, и группа 5 бежала еще добрых полтора километра, а потом принялась строить примитивные ночные гнезда. Когда мы вышли на контакт с группой, оказалось, что Бетховен, Эффи, Маркиза и Идано были сильно искусаны, скорее всего неизвестным одиночкой.

После смерти Кэрри поведение Бравато изменилось. Она стала общаться с подростками и детенышами группы. Когда Бравато пускалась за убежавшими малышами или играючи вступала с ними в борьбу, выражение озабоченности, не сходившее с ее лица в дни материнства, исчезало. Мне трудно было понять такую перемену ее поведения, ведь меня очень расстроила внезапная смерть Кэрри, а Бравато, против моего ожидания, не выказала ни боли, ни страдания. Мне еще предстояло узнать, что почти любая мать, родившая в первый раз, будет вести себя точно так же, как и Бравато после гибели Кэрри. Такое поведение объясняется возможностью укрепления уз, связывающих мать с остальными членами семейства в результате трагического происшествия. Вероятно, оно вызвано и внезапным обретением свободы после долгих месяцев ухаживания за детенышем во время кормежки и переходов.

Через два месяца после смерти Кэрри у группы 5 произошел контакт с небольшой окраинной группой, состоявшей, как мы полагали, из одного серебристоспинного самца и одного черноспинного. Дочь Эффи Пайпер и Бравато, которой тогда исполнилось восемь лет, перешли в новую группу, обитавшую далеко от района исследований на склонах горы Карисимби. Поэтому после июня 1973 года их больше никогда не удавалось опознать однозначно. Мне было очень грустно от расставания с двумя самками, которых я знала с самого детства, а также от мысли, что я

никогда не узнаю об их дальнейшей судьбе и под записями Карисоке о них придется подвести черту.

В результате перехода двух самок в другую группу и ухода Бартока и Брамса количество членов группы 5 уменьшилось с пятнадцати в 1967 году, когда я впервые вышла на нее, до десяти в июле 1973 года. За это время в группе родилось еще четыре детеныша. Вскоре после смерти Кэрри произошло еще одно несчастье — скончалась застенчивая стареющая Идано, и группа 5 лишилась еще одной взрослой самки. Незадолго до смерти у нее наблюдались слабость и ухудшение здоровья. В последние дни ее жизни при переходе с места на место Бетховен задавал такой темп, чтобы она не отставала от группы. Он спал рядом с ней в ночь ее смерти. Вскрытие, произведенное в Университете Бутаре, выявило, что она страдала от хронического энтерита, перитонита и плеврита, но непосредственной причиной смерти был инфекционный гепатит. Вскрытие также показало, что у Идано был выкидыш, очевидно во время трагического бегства после смерти Кэрри.

Среди оставшихся в группе 5 взрослых самок — Эффи, Маркизы и Лизы — главенствующая Эффи оставляла впечатление наиболее опытной матери и обладала самым ровным характером из всех горилл, с которыми мне приходилось сталкиваться. Благодаря терпению, твердости характера, сильному материнскому инстинкту и необычайной близости к Бетховену, отцу ее детей, Эффи удалось вырастить своих малышей в высшей степени успешно. Сочетая строгость с лаской, Эффи воспитала в детях чувство любви и спокойствия в период формирования их личности, а также чувство уверенности в себе, которые они сохранили уже будучи взрослыми. Взаимоотношения Эффи с ее тремя отпрысками — Тако (14 месяцев), Паком (55 месяцев) и Икаром (предположительно 11 лет — в 1973 году) — отличались необыкновенной гармонией. Казалось, что эта чет-

верка составляет тесно сплоченную мини-семью в рамках группы 5. Они одинаково вели себя по отношению к другим членам группы и обладали удивительным физическим сходством. Внешне, если не считать разницы по расположению ноздрей, по клочкам седеющей шерсти вокруг шеи, по расходящемуся косоглазию. Последняя особенность, характерная для клана Эффи, никоим образом не сказывалась на остроте зрения.

Второй клан по материнской линии в группе 5 возглавлялся Маркизой, самкой, чей возраст в момент нашего знакомства равнялся двадцати пяти годам. В 1967 году у более пожилой, но не столь плодовитой Маркизы был всего один ребенок, дочь Пентси, которой в то время было около семнадцати месяцев. В январе 1971 года, когда Пентси исполнилось четыре с половиной года, у Маркизы родился тощий мальчонка, названный мной Зизом. Клан Маркизы тоже был отмечен пороком развития — синдактилией, или наследственным сращением двух или более пальцев на руках или ногах. Эта аномалия, очевидно вызванная кровосмешением, наблюдалась и среди горилл из других групп, населявших склоны гор Вирунга. Но, как и косоглазие, она ни в коей мере не стесняла животных.

Зиз явно был маменькиным сынком, но Маркиза редко обращалась с ним столь же искусно, как Эффи со своими детьми. В отличие от отважных отпрысков Эффи Зиз ни на шаг не отставал от Маркизы и закатывал шумные истерики, как только она исчезала из виду хоть на минутку. Когда Зизу шел третий год, он еще сосал грудь и жалобно пищал, если Маркиза пыталась отлучить его от материнского молока.

Лиза, третья самка из оставшихся в группе 5 в 1973 году, занимала низшую ступеньку в табели о рангах. Ее старшей дочери Никки было около семи лет, когда та перешла в другую группу почти одновременно с Бравато и

Пайпер. Никки ушла ночью, и группа 5 бежала целых пять километров от того места, где произошла встреча с одиноким самцом. Внезапный уход Никки оставил Лизу с единственным ребенком, с очаровательнейшей трехлетней Квинс. В отличие от мамы Лизы с ней с удовольствием общались прочие члены группы, особенно во время игр и сеансов ухаживания. У Квинс с раннего детства сильно проявились материнские инстинкты, и ей было дозволено возиться с малышами Эффи и Маркизы. Хотя Квинс была старше Зиза всего на семь месяцев, она всегда проявляла о нем заботу, когда он на короткое время разлучался с Маркизой или ему не позволяли сосать грудь.

Годы наблюдения за детьми показали, что для большинства из них отнятие от груди наносит большую травму на втором году жизни, когда у матери возобновляется регулярный менструальный цикл или она снова забеременела. Не исключено, что затянувшееся кормление Зиза грудью было причиной длительных интервалов между рождением детей. У Маркизы они составляли в среднем пятьдесят два месяца по сравнению с сорока тремя у Эффи, если считать только удачные роды (когда следующий ребенок вынашивался до конца и выживал).

Как и принято у материнских кланов, Маркиза, Пентси и Зиз во время дневного отдыха обычно держались вместе, но где-то с краю, в отличие от клана Эффи, который располагался ближе всех к Бетховену и даже к Лизе.

Пентси стала проводить с матерью меньше времени, когда к концу седьмого года у нее начались регулярные циклы. У взрослых самок припухлости в промежности, вызванные приливом крови, появляются в возрастном интервале от шести лет и пяти месяцев до восьми лет (в среднем в возрасте семи с половиной лет).

В течение двух — пяти первых дней каждого месяца, когда у Пентси начиналась менструация, она становилась

наиболее привлекательной для молодых самцов группы, особенно для Икара. Пентси часто приставала к Икару, которому в 1973 году было около одиннадцати лет и он еще был неполовозрелым. Если приставания к Икару происходили в присутствии Бетховена, отца всех подростков и детенышей в группе 5, патриарх, как правило, отгонял их друг от друга, бегая вокруг парочки, похрюкивая или давая оплеухи обоим, а затем сам совокуплялся с Пентси. Икар притворялся, что не обращает внимания на заигрывания Пентси, если поблизости был Бетховен, принимая ее приглашения, когда вожак их не видел.

Как все молодые самки, Пентси в этот период становилась весьма кокетливой и не скрывала своего желания. И в большинстве семейств присутствие менструирующей самки в группе 5 — будь она в подростковом возрасте или половозрелой — приводит к тому, что остальные члены группы проявляют повышенную половую активность, выражающуюся в попытках совокупления между особями одного пола или животными разных возрастов. Между самцами такие попытки наблюдались в два раза чаще, чем среди самок. Если же речь идет о разных возрастах, то чаще всего взрослые самцы пытаются совокупляться с малолетками. Но ни разу не пришлось наблюдать малолеток, пытающихся совокупляться со взрослыми самцами, или самцов с собственными матерями.

По достижении Пентси половой зрелости ее материнские наклонности, более ярко выраженные только у молоденькой Квинс, нашли применение в августе 1974 года, когда у Лизы появился на свет Пабло, лопоухий мальчуган, первый детеныш, родившийся в группе 5 после двухлетнего интервала. Как любая молодая, никогда не рожавшая самка, Пентси привязалась к неутомонному Пабло и искала всяческой возможности «выкрасть» его и поиграть с ним в дочки-матери. Хотя Пентси не особо щадила общитель-

ного малыша, Пабло редко возражал, когда его таскали на загривке задом наперед или вниз головой на руках. Лиза спокойно и с интересом следила за ними и в конце концов столь же спокойно забирала сына к себе.

Лиза была добродушной матерью, получавшей огромное удовольствие от проказ маленькой заводной игрушки, которую она произвела на свет. Для Пабло правила существовали лишь для того, чтобы их нарушать, взрослые — для того, чтобы их развлекать, а остальные члены семьи созданы исключительно для его утех. Живость Пабло была заразительной, и его яркая личность, особенно бурно проявлявшаяся в течение первого года жизни, притягивала к нему остальных малолеток группы.

С рождением Пабло статус Лизы в группе заметно повысился, поскольку она стала проводить больше времени рядом с Бетховеном. Новое положение Лизы в семействе благотворно сказалось на ее дочери Квинс, которой к моменту рождения Пабло исполнилось сорок девять месяцев. По сравнению с другими членами группы Квинс больше времени проводила, обхаживая Бетховена, что резко улучшило ее социальное положение и упрочило семейные узы с единокровными братьями и сестрами.

Через полгода после рождения Пабло Бетховен оплодотворил Пентси. Спустя несколько месяцев поведение и личность этой самки в возрасте восьми лет и девяти месяцев претерпели заметные изменения. Она почти прекратила общение с остальными членами группы и проводила время, сидя с краю рядом с матерью Маркизой. Через три месяца после начала беременности Пентси началась менструация у Маркизы, и она зачала от вожака. Она родила в декабре 1975 года, но ее детеныш прожил всего лишь один день. Несмотря на тщательные поиски на территории группы, нам так и не удалось найти его тело.

Первый отпрыск Пентси, внук Маркизы по имени Банджо, родился в октябре 1975 года. Внешне детеныш выглядел вполне здоровым, хотя хныкал и скулил не в пример больше, чем остальные новорожденные. Отсутствие материнского опыта у Пентси проявлялось в неумении обращаться с ребенком. Новые обязанности, которые легли на ее плечи, казалось, приводили самку в замешательство и расстройство.

Банджо было три месяца, когда Маркиза по неизвестным причинам потеряла своего однодневного ребенка. Тогда Маркиза стала искать близости с Пентси, для которой поддержка матери оказалась как нельзя кстати при ее антагонистических отношениях с кланом Эффи. Ссоры возникали все чаще, вероятно, потому, что Эффи в пятый раз понесла от Бетховена. Главенствующая самка все чаще проявляла нетерпимость к попыткам Маркизы и Пентси полностью завладеть вниманием Бетховена.

Усилившиеся трения внутри группы стали явными после грубой стычки между группой 5 и неизвестной окраинной группой в апреле 1976 года. Место их встречи было залито кровью, и повсюду виднелись клочья шерсти серебристоспинных самцов, лужи жидких экскрементов и множество поломанных веток. Следуя за убежавшей группой, я вышла на нее и с ужасом обнаружила, что у Бетховена где-то возле локтя торчала правая плечевая кость, окруженная обнаженными связками и соединительной тканью. Икар, которому в то время было четырнадцать лет, помогал отцу в ожесточенной схватке, поскольку я насчитала у него восемь ран от укусов на руках и голове.

Бетховен, которому, по моим подсчетам, должно было быть около сорока семи лет, попадал во все большую зависимость от Икара, помогавшего ему в стычках с другими группами или одинокими серебристоспинными самцами. Поскольку Икар становился половозрелым, он начал ис-

кать встреч с другими группами, возможными источниками молодой самки для него. Что касается Бетховена, то его гарем сформировался уже давно, и его совсем не интересовали чужие группы. Объединение сил отца и сына было оптимальным как для стареющего Бетховена, который явно нуждался в поддержке, так и для Икара, который таким образом приобретал ценный опыт встреч с чужаками. Однако благодаря тесным родственным узам Бетховен все же сохранял главенство над Икаром.

Несколько недель после кровавой стычки Бетховен с Икаром отлеживались, склонив головы друг к другу во время долгих дневных привалов, и урчали, как бы выражая друг другу сочувствие по поводу полученных ранений. У сына раны зажили гораздо быстрее, и Икару вскоре надоели эти долгие передышки, в которых столь нуждался Бетховен. Молодой серебристоспинный самец в сопровождении части членов группы 5 часто уходил в сторону от дневных гнезд метров на тридцать на кормежку. Бетховен оставался один и сидел, склонив набок голову и прислушиваясь к звукам, издаваемым его сородичами, как старик, прильнувший ухом к радиоприемнику с севшими батарейками. Иногда, вспомнив о своей роли вожака и семейного арбитра, он вставал и подходил к группе. Конечно, если бы Икар вынашивал какие-либо мысли о насильственном захвате власти в группе, шестимесячный период выздоровления отца представлял для этого идеальные возможности.

Пока Бетховен поправлялся, случалось, что Икару кружил голову его повысившийся престиж в группе, и он начинал дико скакать среди самок. Пентси была излюбленной мишенью провокационных выходов Икара каждый раз, когда Бетховен оставался в одиночестве у дневных гнезд. Маркиза помогала Пентси защищать ее беспомощного малютку Банджо от наскоков и угроз Икара, Эффи и ее двух

отпрысков по имени Пак и Так. Совместными усилиями Пентси и Маркиза успешно снижали напряженность в группе, держась метрах в тридцати от других ее членов, и прежде всего от Икара. Маркиза была единственным членом группы 5, не состоящим в кровном родстве с Икаром, единоутробным братом Пентси. Не исключено, что на Пентси переносилось отношение Икара к Маркизе, которую тот не смел трогать из-за ее давней связи с Бетховеном.

К тому времени, когда Банджо исполнилось шесть месяцев, Пентси превратилась в опытную мамашу и умело таскала его на руках, прижимая к груди и защищая от осатаневшего Икара. В большинстве случаев матери носят своих детей на брюхе примерно до четырехмесячного возраста, а потом предпочитают таскать их на спине. Из-за нападений на Пентси было понятно, почему она таскала Банджо спереди — он был менее заметен. Поэтому, когда я однажды не разглядела Банджо, меня это не беспокоило. К тому же Пентси была частично скрыта зарослями, где она питалась вместе с Маркизой в удалении от остальной группы. Но через три дня стало очевидно, что Банджо исчез — Пентси вела себя столь же бесшабашно, как три года тому назад Бравато после смерти Кэрри.

Мы с африканцами предприняли тщательные поиски пропавшего малыша — это было равноценно поискам иглолки в стоге сена. Ночь за ночью мы возвращались в лагерь ни с чем, хотя каждый из нас ежедневно прочесывал территорию площадью в квадратный километр в непосредственной близости от того места, где группа находилась на протяжении семи дней и после исчезновения Банджо. Нам встречались только признаки стычек между группами в виде сломанных веток и жидких экскрементов. Но мы не обнаружили никаких следов, ведущих на территорию группы 5, свидетельствующих о возможной встрече с иной группой.

Чтобы не оставить нерешенной тайну исчезновения еще одного детеныша, как в случае сына Маркизы, я решила собрать экскременты горилл из ночных гнезд за целую неделю. Банджо не мог исчезнуть без следа, а я пока не обращала внимания на экскременты. Меня бросало в дрожь от мысли, что гориллы могли заниматься каннибализмом, хотя подобное отмечалось среди живущих на воле шимпанзе. К тому времени я уже работала с группой 5 девять лет и могла безошибочно опознать обитателя ночного гнезда по экскрементам, конструкции гнезда и его положению относительно соседних гнезд.

Мы притащили в лагерь рюкзаки, наполненные пометом в мешочках с бирками, где были указаны все данные и дата отбора проб. Затем приступили к трудоемкому процессу промывания через сито каждой кучки в ручье Кэмп-Крик. На эту кропотливую работу в поисках ключа к разгадке таинственного исчезновения Банджо мы потратили не один день. И только через неделю нам стали попадаться мельчайшие остатки костей и зубов в помете из ночных гнезд Эффи и ее восьмилетней дочери Пак. Правда, количество найденных остатков костей и зубов составляло ничтожную долю скелета детеныша гориллы. Наша работа осложнилась тем, что мы обнаружили волоски детской шерсти только в помете Эффи и Пак, у которых в то время не было детенышей.

В дальнейших попытках разгадать тайну пропажи малыша, который был слишком молод, чтобы выжить без матери, мы собрали весь помет с троп, исхоженных гориллами за семь дней до и после исчезновения Банджо. Более тщательное просеивание с промывкой в Кэмп-Крик позволило собрать дополнительные останки. К сожалению, помет с троп труднее отнести к тому или иному животному, нежели экскременты из гнезд, но яблоки с кусочками скелета были похожи на те, что мы взяли из гнезд Эффи и

Пак. Когда все пробы были просеяны и промыты, у нас оказалось в общей сложности сто тридцать три кусочка костей и зубов, которые, если их сложить, едва бы составили мизинец детеныша. Столь малое количество обломков не могло дать ответа на вопрос, куда делась остальная часть тела, и поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что Банджо оказался жертвой каннибализма. Хотя я до сих пор не исключаю такую возможность. Максимальное количество остатков костей и зубов в экскрементах из гнезд и с троп пришлось на первые два дня после пропажи Банджо. Этого я тоже не могу объяснить.

За долгие годы изучения живущих на воле горилл нередко приходилось прибегать к анализу их помета. Один из студентов, прибывших на стажировку в Карисоке, провел около шестнадцати месяцев, разглядывая в микроскоп сотни проб, взятых с доброй тысячи яблок, и не нашел ничего, хотя бы отдаленно напоминающего кости или зубы. Но не слишком ли странное совпадение, что стоило Банджо исчезнуть, как в помете двух членов группы появились кусочки костей? При очередном исчезновении детеныша следует немедленно приступить к промыванию помета. Только тогда можно дать положительный ответ на вопрос о каннибализме горилл.

Через три дня после пропажи Банджо моя печаль по поводу утраты детеныша немного развеялась, когда расплывшаяся Эффи с сильно увеличенными сосками родила. Это произошло 1 апреля 1976 года. Очаровательнейшая Поппи родилась через сорок семь месяцев после сестры Так и таким образом Эффи стала единственной самкой, имеющей одновременно четырех детенышей в группе (старшая дочь Пайпер покинула группу 5 тремя годами раньше).

По сравнению с проказником Пабло, сыном Лизы, которому в то время исполнилось двадцать месяцев, Поппи была просто красавицей с огромными нежными темно-кариими глазами, обрамленными длинными тонкими ресницами. Характерное для Эффи и ее потомства косоглазие в данном случае проявилось в гораздо меньшей степени.

Дети Эффи с раннего возраста отличались индивидуальностью и самобытностью. Каждый из них обладал развитым чувством любопытства к окружающей природе во всем ее объеме, а также к необычным предметам, таким, как объективы, термосы и прочие принадлежности, которые я брала с собой. Их интерес к подобным предметам облегчал наблюдение за поведением детенышей, потому что животные в таких случаях оставались в поле зрения наблюдателя, а не прятались за густой завесой растительности. В мои намерения не входило снабжать их игрушками, ибо они могли повлиять на естественные повадки горилл и взаимоотношения друг с другом. Тем не менее часто случалось, что меня окружало слишком много нетерпеливых юнцов, и я просто не успевала уберечь свои вещи от их проворных рук.

На небольшом участке территории группы 5 росла роща деревьев, приносящих твердые плоды, похожие на грейпфруты. Местное население называло дерево мтанга-танга. Их обожают слоны, объедающиеся ими до опьянения, но мне ни разу не доводилось видеть, чтобы их поедали гориллы. Однако детеныши Эффи не раз карабкались на самый верх этих деревьев и сбрасывали плоды на землю исключительно из баловства. Пак в детском возрасте часто пользовался плодами мтанга-танга, приняв демонстрационную позу и зажав зубами стебель, малыш ударял плодом себя в грудь. В результате возникали резонирующие гулкие звуки, которые мне не удавалось воспроизвести, как я ни старалась. Детеныши из группы 5 использовали эти плоды

в качестве мяча и нередко играли ими в футбол или бейсбол.

Дневные периоды отдыха группы 5 были затяжными, пока у Бетховена полностью не зажила рука. Казалось, что вожак никак не отоспится. Ежедневно он спал по несколько часов с открытым ртом, громко всхрапывая. Его короткие ноги подергивались во сне. Мускулы на лице приходили в движение всякий раз, как доносились далекие посторонние звуки, например людская речь. Когда пошел третий месяц его болезни, некоторые из молодых животных, особенно Пак, стали проявлять беспокойство.

Пак вел себя более или менее нормально в компании Эффи и младших сестер Так и Поппи, но во время долгого дневного отдыха он первый начинал показывать, что страдает от скуки. Демонстративно водил указательным пальцем вверх и вниз по руке или, зевая, поглядывал по сторонам в поисках развлечения. Одним из таких развлечений были жужжащие вокруг него мухи. Он сосредоточивался, привставал, взмахивал рукой, и, если делал это достаточно проворно, муха оказывалась у него в кулаке. Его и без того косые глаза совсем сходились к переносице, когда он пытался разглядеть муху, выющую в нескольких сантиметрах от лица. Затем, зажав муху указательным и большим пальцами, он начинал разрывать ее на мелкие кусочки, внимательно их разглядывая и выбрасывая. Чем дольше длился процесс расчленения, тем сосредоточеннее становилось лицо Пака — у него отвисала нижняя губа, и он все больше походил на шимпанзе, а не на гориллу. Когда от мухи ничего не оставалось, он поджимал недовольно губы и начинал искать другие развлечения.

И частенько принимался потрошить мой рюкзак, извлекая фотоаппарат, объективы и бинокль. Когда эти предметы попадали в руки Пака, это сообразительное создание смотрело сквозь них или на свое отражение в стеклах. В

бинокль он смотрел с обратной стороны, потому что только так он мог приставить его к широко посаженным глазам. По его реакции на увиденное я была уверена, что он смотрел именно в бинокль, а не просто подражал людям. Он шевелил пальцами прямо перед биноклем, а затем быстро отводил его в сторону и внимательно рассматривал их, как бы желая убедиться, что пальцы действительно принадлежат ему. Его удивление по поводу искажения рассматриваемых в бинокль окружающих предметов являло собой умиляющее и комичное зрелище.

Пак придумал игру в адмирала Нельсона, во время которой он вертел 300-миллиметровый объектив на манер подзорной трубы как бы в поисках земли и направлял его на удаленные деревья или на других членов группы. Многим из них было странно видеть, как их сородич обращается с таким сложным инструментом. Пак также изображал Марию Кюри, направляя все тот же 300-миллиметровый объектив в землю и внимательно разглядывая траву.

Некоторые из моих вещей стоили довольно дорого, но Пак обращался с ними крайне бережно и ревностно защищал их от посягательств других горилл. Иногда группа уходила на кормежку до того, как Пак пресытился изучением окружающих предметов. Скоро я перестала паниковать при виде того, как дорогой объектив или бинокль утаскивается в заросли. Правда, после ухода животных я всегда чувствовала себя дура душой, ползая на коленях в поисках брошенного предмета.

Однажды во время длительного дневного отдыха, незадолго до полного выздоровления Бетховена, у меня появилась прекрасная возможность отснять отдыхающих животных с близкого расстояния. Я не отдала фотоаппарат Паку, хотя он минут десять настойчиво дергал за ремешок свисающего с шеи «Никона». Потом с недовольной миной бросил свои попытки и, отойдя на несколько метров, при-

нялся строить себе дневное гнездо, демонстративно прибивая руками траву к земле и всем своим видом показывая, что от этой работы его просто воротит. Затем небрежно плюхнулся в кое-как сложенное гнездо, и, в то время как остальные животные преспокойно отдыхали, он битый час кривлялся и скалил зубы. Чтобы успокоить недовольного подростка, я нарушила правило не давать гориллам посторонних предметов и сунула ему в руки номер журнала «Нэшнл джиогрэфик». Меня поразило проворство, с каким Пак начал перелистывать страницы, с интересом рассматривая крупные фотографии с лицами. При этом он не издавал никаких звуков и нельзя было понять, доволен он или нет, но скука, во всяком случае, отлетела прочь.

Через полчаса он положил журнал на землю, а группа направилась на кормежку. Пак тут же вскочил, подбежал ко мне и стал обеими руками хлопать меня по плечам, как будто все это время только и ждал, когда ему представится возможность сорвать на мне свое дурное настроение, охватившее его во время отдыха. Бетховен — я его видела — захрюкал от неудовольствия из-за громкого шума, вызванного шлепками Пака по моему пластиковому дождевику. Услышав призывы папаши к порядку, Пак на минутку прекратил свое занятие, а потом привстал и снова возобновил его с большим усердием. Бетховен не выдержал. Он подбежал к нам, недовольно хрюкая, и остановился около меня — я успела лечь навзничь. Насупив брови и поджав губы, Бетховен уставился на Пака, который спрятался позади меня. Вожак группы стоял молча до тех пор, пока Пак смиренно не пополз вниз по склону с обиженным выражением лица.

Восстановив тишину и порядок, Бетховен раздвинул толпу окруживших нас зрителей и увлек их за собой на кормежку. Я же не шевелясь пролежала несколько минут и, когда приподнялась, чтобы оглянуться по сторонам, к

величайшему изумлению, заметила сидящего поодаль и мастурбирующего Пака. Голова гориллы была закинута назад, глаза в экстазе — закрыты. Он с ухмылкой на устах поглощал себя указательным пальцем правой руки в промежности. Минуты две наслаждался Пак, затем замер, привел себя в порядок и побежал вслед за остальными животными. Думая, что Пак ушел насовсем, я начала подбирать раскиданные вещи и укладывать их в рюкзак. Неожиданно Пак вернулся. Остановился как вкопанный рядом со мной, встал на обе ноги, подумал, дать ли мне еще одну оплеуху напоследок, и снова побежал за группой.

Этот эпизод мне запомнился надолго. В первый и последний раз за все время наблюдений мне довелось видеть на воле мастурбирующего гориллу. В результате этого акта Пак получил удовлетворение, хотя мастурбация — не совсем обычный способ отыгаться за полученное от Бетховена дисциплинарное взыскание. Особенностью этой встречи было еще и то, что Пак обижался на меня еще целых два часа. Такой длительный промежуток времени был сам по себе примечательным, и меня заинтересовало, как долго гориллы, живущие в группе, могут таить друг на друга обиду после ссор или мелких дразг.

В отличие от Пака, детеныша Эффи, добродушная шестилетняя дочь Лизы, Квинс, была крайне огорчена ужасной раной на руке Бетховена. Квинс, которая наиболее усердно ухаживала за отцом, ни разу не чистила его шерсть за полугодовой период его выздоровления. Но она подолгу сидела рядом с Бетховеном и с тревогой заглядывала ему в глаза, как бы пытаясь утешить его своим присутствием.

Лиза, занимавшая более низкую ступеньку в иерархии семейства, и ее дети Квинс и Пабло стали проводить рядом с Бетховеном больше времени, очевидно, благодаря силь-

ной привязанности Квинс к отцу, а также его терпимости к младшему сыну Пабло, нашедшему в добрейшем вожаке группы крепкую опору. Как только Бетховен окончательно выздоровел, выражение беспокойства исчезло с лица Квинс и она снова принялась холить массивное тело отца. Мне часто приходилось наблюдать, как она сидела рядом с отцом и с обожанием смотрела на него, словно ожидающий ласки щенок. Всякий раз, когда она встречала на себе ответный взор Бетховена, ее охватывала заметная дрожь. Однажды в конце длительного дневного отдыха Квинс подбежала к отцу после игр и развлечений с другими членами группы. Как только она уселась рядом с Бетховеном и установилась ему в лицо, он выдал серию урчаний, давая понять, что проголодался. Остальные члены семейства стали издавать такие же звуки, слившиеся в хор, где ведущие партии исполнялись Квинс и Бетховеном. Со стороны могло показаться, что ворчит стая гончих, а не стадо горилл.

Квинс также уделяла много внимания младшему брату Пабло. Озорной малыш нуждался в постоянном присмотре со стороны Квинс и Лизы, вменивших себе в обязанность снимать вечного искателя приключений Пабло с колен, голов или спин работников исследовательского центра, включая меня.

В один из солнечных дней после плодотворных наблюдений за группой 5 — Пабло к этому времени было почти два с половиной года — гориллы собрались идти на кормежку. Упрямый Пабло заартачился и решил остаться. Он, как котенок, поудобнее устроился у меня на коленях и наотрез отказывался сдвинуться с места, хотя к нам подошла Лиза и стала властно похрюкивать на нас обоих. Надеюсь, что я выгляжу столь же беспомощно, как и чувствовала себя в тот момент, я откинулась назад, чтобы Лиза забрала своего строптивого мальчика и удалилась. Захрюкав еще громче, Лиза схватила Пабло за руку и потащила к

себе. Тот захрюкал в ответ и отчаянно вцепился свободной рукой в мою куртку, еще более осложнив обстановку. Тогда я тоже хрюкнула на Пабло, оторвала его пальцы от куртки и подтолкнула к матери. Когда Лиза усадила его на спину, Пабло обернулся и с укором смотрел на меня, пока они не исчезли за поворотом.

Как и большинство подростков, Пабло был неисправимым похитителем перчаток. Однажды он схватил лежавшую рядом перчатку, которую я не успела спрятать и, довольный добычей, побежал к Бетховену; размахивая ею, швырнул на колени патриарха, и она приземлилась с громким шлепком. Старый самец вскочил с криками ужаса, а окружавшие его гориллы разбежались от страха. Только когда животные убедились в отсутствии опасности, они успокоились и расселись неподалеку, продолжая вопросительно смотреть на жожака. Сконфуженный Бетховен вернулся на место и сделал вид, что перчатка его несколько не интересует.

Когда озорство Пабло выходило за разумные пределы, мне приходилось оборачиваться осьминогом, чтобы сохранить содержимое рюкзака или записи. Однажды вечером после трехчасового контакта с группой я положила на землю блокнот, куда занесла результаты наблюдений за день. Довольная проделанной работой, я только было собралась упаковывать фотоаппарат, как подскочил Пабло и схватил блокнот. Я поползла за ним, но негодник подбежал к Бетховену, уселся рядом с ним и стал одну за другой вырывать страницы с записями. Я беспомощно наблюдала, как он разжевывает каждую страницу в кашицу под скептическими взглядами мамы Лизы и папы Бетховена. В надежде спасти хоть что-нибудь от блокнота я на следующее утро обшарила ночное гнездо Пабло, роясь в его помете, но мои попытки оказались тщетными. В ученом мире он бы по праву прослыл похитителем научных данных.

Пабло, на которого никто не мог найти управу, часто вовлекал других детенышей группы 5 в игры, доходящие порой до драки, как правило, в непосредственной близости к Бетховену. Одним из лучших партнеров в этих играх была Так. Будучи на двадцать семь месяцев взрослее Пабло, его старшая сестра на себе испытывала реакцию негодующего Бетховена, вдруг разбуженного ударами маленьких ручонок и ножек. В такие моменты Пабло, воплощение невинности, оставался в стороне, а Бетховен, серебристоспинная громада, хватал Так за что попало и прикусывал своими огромными клыками, правда не причиняя боли и недовольно похрюкивая.

Оказавшись в положении козла отпущения, Так реагировала, как любой человеческий ребенок, с которым поступили несправедливо. Ее лицо складывалось в гармошку, и она принималась жалобно плакать. Если хныканье затягивалось или становилось громким, Бетховен поворачивал в ее сторону голову и громко клацал зубами, широко раскрывая и резко закрывая рот, и Так неслась к Эффи за утешением, а потом начинала приводить себя в порядок. Таким способом Так как бы пыталась разрешить внутренний конфликт и походила на людей, которые в трудный момент почесывают затылок.

В середине 1976 года, когда Бетховен полностью оправился после серьезного ранения, он вдруг стал так озорничать, будто с цепи сорвался. Казалось, он выработал новую тактику — сначала делал вид, что не замечает меня, потом, подойдя поближе, начинал бить себя в грудь, бросать на меня охапки травы, топал ногами и даже катался по земле, с лукавой улыбкой резко поднимая ноги вверх. Столь недостойное поведение стало как бы выражением радости по поводу выхода из состояния полугодовой вынужденной неподвижности. Временами у меня возникали сомнения, выживет Бетховен или нет, особенно когда из

раны обильно сочился гной, привлекавший тучи насекомых. Поскольку рана находилась у самого локтя, Бетховен не мог вылизывать ее, что затянуло период ее заживления. Возвращение в строй старого самца лишний раз доказало необычайную жизнеспособность горилл.

Патриарха группы снова окружили жены и дети, тогда как Икар, достигший возраста четырнадцати с половиной лет, взял на себя обязанности сторожа группы. Однажды, выходя на контакт с группой 5, я взглянула на высокую хагению с пышной кроной и увидела Икара, спокойно следившего, как я ползу на карачках, оставив позади следопыта. До группы было метров двадцать. Икар походил на огромного серебристого панду, разлегшегося на ветви, с которой, покачиваясь, свешивались две худосочные ноги. Когда я очутилась у дерева, он соскользнул с него, как толстый пожарник, усталый на меня и тут же приступил к строительству похожего на ванну дневного гнезда на полпути между мной и группой. Когда он задремал, мне оставалось лишь сидеть на месте, ибо я не могла обмануть его доверия. В то время, когда молодой самец спал, я разглядела множество шрамов и заживающих ран, испещривших его массивную голову. Все они свидетельствовали о бесчисленных стычках со взрослыми самцами из других групп.

Пока я сидела в бездействии, оставшийся позади следопыт случайно наступил на ветку. Раздался едва слышный хруст, но Икар мгновенно проснулся, глянул в сторону звука, вылез из гнезда и бесшумно, как кошка, пошел в направлении хруста. Я поразилась чуткости его сна. Повезло, что Немейе не уступал Икару в бдительности. Сообразив, что к нему приближаются, молодой следопыт быстро отполз в сторону, пока Икар не успел наброситься на него.

С момента смерти Банджо прошло около четырех месяцев. Суда по активности любовных утех Икара с Пентси,

мне казалось, что он достиг половой зрелости. Бетховен уже остыл к Пентси и не мешал своим отпрыскам. К тому же у Маркизы снова началась менструация, и Бетховен проникся к ней большим интересом.

Хотя я об этом не догадывалась, мать и дочь понесли почти одновременно — Пентси от одинокровки Икара, а Маркиза от Бетховена. Забеременев, Маркиза стала держаться с краю группы 5, а Пентси — проводить больше времени вблизи клана Эффи. Каждый раз, приближаясь к Икару или к мачехе, Пентси давала знать о себе негромким урчанием, но избегала физического контакта с Эффи и ее детенышами.

Однажды во время длительного дневного отдыха мне удалось увидеть от начала и до конца весь ритуал сближения Пентси с Икаром, отдохнувшим рядом с матерью и сестрами. Пентси улеглась рядом с молодым самцом и принялась гладить его по спине и голове тыльной стороной правой руки. В ответ Икар протянул руку и стал нежно поглаживать шерсть на ее руке, а на его лице появилось выражение живого интереса. Через некоторое время он приподнялся, уселся и пристально уставился в глаза Пентси, вопросительно сморщив лоб и растянув губы в неуверенной улыбке. Потом сладострастно задрожав, он притянул ее к себе за зад и слился с ней. Любовники глубоко вздыхали и нежно урчали, будто мурлыкая. Они совершенно забыли об Эффи, и о ее любопытных отпрысках, ну и, конечно, обо мне.

По мере того как приближались роды Маркизы и Пентси, группа 5 стала передвигаться медленнее, чтобы обе самки могли насытиться. За три месяца до родов Маркиза постоянно шла замыкающей в группе и всегда оказывалась первым членом семьи, с которым я сталкивалась при выходе на нее. Если Маркиза теряла группу из виду, мое присутствие казалось ей угрожающим, и она начинала кри-

чать или бить себя в грудь, встав во весь рост. В ее положении бить себя в грудь было нелегким делом. Всякий раз, когда ее кулаки попадали в верхнюю часть брюха, мне казалось, что из ее необъятного чрева тут же выскочат пять близнецов. И я никак не могла отделаться от мысли, что, привяжи ее за ногу ниточкой и как следует дунь, она взойдется в воздух, словно огромный мохнатый шар, наполненный гелием.

Как-то в непогожий день в декабре 1976 года группу замыкала не Маркиза, а Пентси. Я очень расстроилась, увидев, что правая сторона ее лица была основательно повреждена. Правый глаз затек и не открывался, и из него, как и из носа, сочилась густая слизь. Вернувшись по тропе, я не заметила следов встречи с другой группой или одинокими самцами. По-видимому, Пентси вновь стала жертвой агрессии внутри группы, скорее всего, со стороны Эффи и ее старших отпрысков. Последующие два с половиной месяца Пентси проводила в одиночку поодаль от группы и часто сидела сгорбившись, обхватив себя руками и упершись подбородком в грудь.

К концу февраля 1977 года меня крайне беспокоили состояние здоровья Пентси и невероятная раздутость Маркизы. Я не сомневалась, что Пентси погибнет, а Маркиза родит близнецов. Вечером 27 февраля 1977 года Маркиза родила хрупкого малыша, которого мы позже назвали Шинда, что на местном наречии означает «превозмогающий». А тремя днями позже Пентси ночью родила крупную рыжевато-коричневую девочку Мураху, нареченную в честь недавно пробудившегося вулкана в Заире. Маркиза во второй раз стала бабушкой.

Трудно было себе представить более разительный контраст между двумя малышами — дядей Шиндой и его племянницей Мурахой. Когда я впервые увидела Шинду, он висел, прилипнув, как головастик, к брюху Маркизы, ко-

жица его была розовой, и на ней кое-где торчали кустики короткой блестящей черной шерсти. Единственной общей для обеих детенышей чертой был похожий пяточок на месте носа, торчащий, как у поросенка. К концу первого месяца их жизни Мураха уже оглядывалась по сторонам, и ее осмысленный взгляд останавливался на цветах и движущихся предметах, чего не наблюдалось у ее малолетнего дядюшки.

Родив почти одновременно, Маркиза и Пентси сплотились в дружную оборонительную ячейку, эффективно отстаивавшую свои позиции, особенно когда на подмогу являлись папаши — Бетховен и Икар. Впервые я почувствовала, что в случае возникновения семейных распрей они в полной безопасности. Меня также обрадовало быстрое выздоровление Пентси после рождения Мурахи.

В результате появления на свет двух малышек Лиза снова была отодвинута на второй план. Пабло приближался к трехлетнему возрасту, и у Лизы могли возобновиться менструальные циклы; однако Бетховен игнорировал ее, а другие мамы с трудом выносили шумного Пабло. Для Пабло Мураха и Шинда были прежде всего новыми игрушками, которые следовало изучить. Его бесцеремонные посягательства на малышек вызывали серию недовольных хрюканий, привлекавших внимание Икара или Бетховена, а то и обоих сразу, и те, присоединившись к хрюканью матерей, наводили порядок.

Теперь уже никто не «защищал» Пабло, когда он заигрывал со мной или другими наблюдателями. Наоборот, казалось, что группа будет только благодарна, если я засуну его в рюкзак и унесу в лагерь, где буду держать, пока он не станет вести себя как следует.

Неутомимость юркого Пабло в сочетании с цепкостью его рук и ног делала малыша совершенно неуправляемым. Его крошечные, но острые как бритва зубы насквозь про-

кусывали джинсы и нижнее белье. Я с трудом сдерживалась, чтобы не дергаться от его игривых и болезненных укусов и не тревожить находящихся рядом животных, обычно пугающихся неожиданных телодвижений. Наконец я выяснила, что, если Пабло исподтишка ущипнуть, он мгновенно разжимает зубы. Недовольный озорник, с укором глядя на меня, начинает потирать ущемленное место. Для поддержания спокойствия в группе я предпочитала незаметные щипки более явному вздрагиванию.

Пабло еще не исполнилось и трех лет, как он стал проявлять живой интерес к половой жизни животных в группе. Он часто пытался рассматривать половые члены старших самцов, но в таких случаях Бетховен, Икар и Зиз обычно отпихивали его от себя. Многочисленные заигрывания с Поппи, которая была на двадцать месяцев моложе его, закончились тем, что он однажды прильнул к ней сзади. Такие игры вызывали у Пабло эрекцию, и он ложился на спину с загадочной улыбкой и начинал играть с внезапно появившейся игрушкой. Если в этот момент рядом оказывалась Поппи, она с интересом наблюдала за Пабло и иногда пробовала сей диковинный плод на язык.

После родов Маркизы и Пентси Эффи, как и Лиза, тоже сократила время пребывания рядом с Бетховеном. Отходя в сторонку, она благоразумно не ввязывалась в семейные ссоры и удерживала от них малышку Поппи. Однажды Эффи кормилась метрах в шести от группы, а Поппи, увязавшись за ней, раскачивалась на крестовнике. Наблюдатель, бывший в поле зрения обеих, следил за Эффи, которая вдруг повернулась и уставилась на Поппи. Проследив за взглядом Эффи, стажер увидел, что Поппи сорвалась с высокой ветки и ее шея застряла в развилке ствола. Бедная малышка брыкалась ногами и размахивала руками, но ее движения постепенно замедлялись по мере того, как шея все больше сдавливалась, нарушая приток

воздуха в легкие. Эффи бросилась к дочери. Она с неимоверным усилием дергала Поппи, пытаясь высвободить малышку. На лице Эффи появилось выражение страха, как у любой матери, чей ребенок оказался в смертельной опасности. И все это время Эффи с упреком поглядывала на наблюдателя, словно ожидала помощи, ведь каждая секунда была на счету. Наблюдатель, естественно, не шелохнулся, что было совсем непросто, учитывая серьезность ситуации, но его решение было единственно верным, ибо любое неосторожное движение могло вызвать истерическую реакцию группы, и Поппи оказалась бы в более худшем положении. Как только малышке удалось освободиться, Поппи захныкала и вцепилась в сосок Эффи. Минуты через четыре мать понесла ее, прижав к животу, к семейству, не зная, какой трагедии только что удалось избежать.

Это уникальное наблюдение было единственным свидетельством развитого материнского инстинкта у горилл. И тем более поразительно, что Эффи, сидевшая спиной к замолкшей Поппи, почувствовала, что ее дитя попало в беду, раньше, чем наблюдатель, который следил за обоими животными.

После рождения Шинды и Мурахи группа 5 ушла далеко на юго-запад от своей привычной территории. Как-то она встретила с небольшой окраинной группой, в которой было два серебристоспинных самца и один черноспинный. В результате стычки Бетховен, Икар, Пак и Эффи получили ранения. Эффи пострадала больше других животных, и, кроме глубокого пореза на руке, основные раны были на затылке, голове и плечах. До них ей было трудно дотянуться, чтобылизывать.

На протяжении целой недели ее раны обильно сочились, и, если бы не пятилетняя дочь Так, на их заживление потребовалось бы гораздо больше времени. Так с огромным вниманием и усердием взяла на себя функцию сиделки,

отталкивая всех, кто вмешивался в ее заботы об Эффи. Она даже отталкивала руки Эффи, которая из-за болезненного состояния хотела, чтобы ее оставили в покое. Так тщательно вылизывала следы укусов, пока они полностью не зажили, на что ушло около шести недель.

За этот короткий промежуток времени у Так появилась необычная манера здороваться поворотом головы из стороны в сторону, что она делала только при приближении к Эффи для очередного сеанса лечения. Я так и не поняла, что Так хотела этим выразить. Молодая самка, подойдя к матери, начинала так быстро вертеть головой, что я не успевала проследить за ее движениями. После минуты приветствий Так приступала к зализыванию ран, а у меня буквально кружилась голова при попытке уловить каждое ее движение. Эффи смотрела на дочь с не меньшим удивлением. Такое странное поведение впоследствии никогда не повторялось, когда раны у Эффи зарубцевались.

Очевидно, для того чтобы избежать новых стычек с окраинной группой, группа 5 отправилась дальше на юго-запад и оказалась в местности, где, насколько мне известно, она прежде еще ни разу не бывала. Явно потеряв ориентацию, Бетховен вывел группу на субальпийский луг, расположенный на высоте около 4000 метров над уровнем моря, неподалеку от горы Карисимби. Там животные сосредоточились в узких полосках низкорослых гиперкумов, окруженных безбрежными лугами и болотами. Это место было облюбовано браконьерами, потому что на открытом пространстве лугов охотиться с копьями легче, а в узких лесных полосках, отделяющих луга друг от друга, можно было ставить ловушки.

На переход от лагеря до плато требовалось несколько часов, поэтому мы не успевали уничтожать все ловушки браконьеров. Я ожидала со дня на день, что один из членов группы 5 обязательно попадет в ловушку, и попросила

следопытов и одного из стажеров, приятного молодого человека, увести группу 5 из этой местности обратно на гору Високе.

Операция завершилась удачно. Напуганный невидимыми браконьерами, Бетховен повел семейство к горе Високе, а Икар, накопивший достаточный опыт встреч с людьми и другими гориллами, замыкал шествие, обеспечивая охрану с тыла. Кстати говоря, в 1977 году, то есть через десять лет после нашего первого знакомства, Икар стал не только отцом, но и, что более важно, вторым по рангу в группе, возглавляемой отцом. Его самоуверенность иногда просто пугала меня. В отличие от Брамса, покинувшего группу 5 девять лет назад и напоровшегося на браконьеров в качестве серебристоспинного одиночки, Икар, по всей видимости, считал себя неуязвимым. Стажер, руководивший операцией увода группы 5 из высокогорных лугов на прежнюю территорию, рассказывал мне, что Икару очень хотелось оказаться с глазу на глаз с невидимыми преследователями и однажды, устроив засаду в кустах, молодой самец «выскочил из них, как снаряд из пушки».

Добравшись до склонов Високе, группа 5 устроилась на отдых, длившийся несколько суток, и животные дружелюбно встречали наблюдателей. Но едва я почувствовала облегчение от возвращения горилл «домой», как возникла новая опасность — наступил период прорастания бамбука. Он обычно длится с июня по декабрь, и бамбук в это время составляет около 90% пищи группы 5. Но бамбук произрастал всего лишь на одной пятой ее территории в местности, примыкающей к обработанным полям, отторженным от национального парка.

Между парком и полями, засаженными пиретрумом, не было никакой буферной зоны, и жители деревни устанавливали ловушки на антилоп на территории парка в нескольких минутах ходьбы от своих хижин. Вместе с сот-

рудниками Исследовательского центра Карисоке мне приходилось часто патрулировать в узкой бамбуковой полосе вдоль восточной границы Вулканического национального парка и уничтожать ловушки, установленные после ухода горилл из этих мест. На этот раз группа вернулась в бамбуковые заросли до того, как мы успели их проверить.

Мое беспокойство по поводу поджидавших группу опасностей несколько улеглось, когда я вспомнила, что умудренный опытом встреч с ловушками Бетховен однажды успешно высвободил четырехлетнего Пака из проволоочной петли, установленной в зарослях бамбука. Мне казалось, что у Бетховена выработалось чутье на ловушки, о чем свидетельствовали неоднократные наблюдения, когда, ведя группу, он умело обходил ловушки, установленные посреди тропы, где часто проходили дукеры, бушбоки и гориллы.

Однажды, когда мы со следопытом Рвелеканой приближались к группе 5, от пограничного пункта, известного под названием «обрыв Джамбо», донеслись громкие голоса жителей деревни. Испугавшись, что наши гориллы попали в беду, мы побежали на голоса. И вздохнули с облегчением, увидев, что гориллы преспокойно сидят над обрывом и с любопытством смотрят, как земледельцы мотыжат землю на грядках пиретрума под ними. По всей вероятности, гориллы не опасались людей у границы парка, так как их присутствие в этих местах стало обычным; другое дело — лесная чаща, где человеческие голоса повергают горилл в неопишуемый ужас. Земледельцы в свою очередь почтительно относятся к гориллам, зная, что поля пиретрума не представляют для них интереса.

Сезонные возвращения группы 5 к границе парка всегда становятся событием для жителей деревни. Они собираются в толпу и кричат: «Нгаги! Нгаги!» («Горилла! Горилла!») Возвращаясь к событиям того дня, скажу, что, насмотревшись на крестьян, гориллы группы 5 ушли с обрыва Джам-

бо и принялись за еду, а люди снова взялись за мотыги. Но стоило мне взобраться на обрыв, чтобы выяснить, куда отправились животные, снизу снова раздались крики. На сей раз крестьяне кричали: «Ньирамачабелли! Ньирамачабелли!» — что означало «пожилая женщина, живущая в лесу без мужчины». Хотя предполагалось, что моя новая кличка вовсе не оскорбительна, мне не совсем нравился подтекст.

Несколько недель мы со следопытами прочесывали бамбуковые заросли по ходу группы в поисках ловушек и, убедившись, что полоса длиной в четыре километра чиста, наконец приступили к наблюдениям по полной программе, а не к обезвреживанию ловушек. Именно в этот период, в июле 1977 года, группа 5 однажды вечером решила устроить привал на небольшой полянке, окруженной густыми зарослями бамбука. Гориллы явно чувствовали себя неуютно от непривычной тесноты. Целых полчаса они не могли найти себе места, и Зиз, которому в то время было шесть с половиной лет, встал и отправился в близлежащие заросли. За ним немедленно последовали его мать Маркиза и сестра Пентси с детенышами, взобравшимися им на спины. Как бы обрадовавшись возможности снова пуститься в путь, остальные члены группы тут же двинулись за кланом Маркизы. Бетховен шел в арьергарде.

Стоило животным исчезнуть в зарослях бамбука, как тут же раздались душераздирающие крики. Когда они достигли кульминации, Бетховен разразился резким хрюканьем, вскоре его поддержали остальные животные. Шум продолжался около трех минут и выражал тот истерический ужас, который охватывает горилл при встрече с браконьерами. Поскольку гориллы не стремились удрать, дело было, очевидно, не в браконьерах. Возбуждение животных можно было, скорее всего, объяснить лишь ловушкой.

Я поползла в заросли, но разглядела только сбившуюся в круг массу черных тел. Хрюкая, Бетховен пробился сквозь

толпу горилл, собравшихся вокруг согнутого бамбукового шеста. Через секунду его серебристая спина скрылась за черными телами. Поскольку я сидела на тропинке, предоставляющей гориллам единственную возможность вернуться обратно, то медленно попятилась назад через бамбуковый туннель и вышла на освещенную солнцем поляну. Через несколько минут Бетховен вышел из зарослей в сопровождении Зиза и прочих членов группы. Не обращая на меня ни малейшего внимания, животные, успокоив друг друга урчащими звуками, направились в сторону склонов горы Високе, их обычного убежища в сложных ситуациях. Выдерживая положенную дистанцию, я двинулась за ними, стараясь выяснить, кто же стал жертвой смертоносной проволочной петли, но отстала от группы.

На следующее утро мы с Рвелеканой вернулись на место происшествия и обнаружили вытоптанную поляну метров пять в поперечнике, окруженную поломанными ростками бамбука и другой растительностью. Перекопанная земля была покрыта жидкими экскрементами, большими клочьями шерсти горилл и следами босых человеческих ног. Кто-то побывал здесь до нас. Подробности происшедшего накануне стали проясняться. Небольшая яма в сорок квадратных сантиметров в то же утро была наспех засыпана землей владельцем ловушки. Бамбуковый шест, петля и колышки для натягивания петли тоже исчезли. Более того, побывавший до нас человек сделал попытку замести следы горилл вокруг ловушки.

Ползая на четвереньках, мы с Рвелеканой обнаружили еле различимые человеческие следы, ведущие к несработавшей проволочной петле рядом с тем местом, где группа 5 накануне располагалась на отдых. Очевидно, согнутый бамбуковый шест и проволочная петля были в поле зрения. Этим объяснялась нервозность животных, их скученность и внезапное решение перейти на другое место. Мы с Рве-

леканой двинулись ползком по их следам вдоль границы парка. И обнаружили еще восемь взведенных ловушек. С чувством огромного удовлетворения мы конфисковали смертоносные петли и изрубили бамбуковые шесты. Убедившись, что нам удалось расчистить этот участок, мы вернулись на исходные позиции и пошли по свежим человеческим следам. Они вывели нас к плантации пиретрума у границы парка и затерялись в сети тропинок, проторенных жителями деревни. Было очевидно, что нам не удастся отыскать дом браконьера, и мы начали долгое восхождение на гору в поисках группы 5.

Как выяснилось, жертвой ловушки оказался Зиз. Свидетельством тому была узкая глубокая рана, опоясывающая наподобие браслета кисть правой руки, розовые пятна на ободранной ладони и длинные царапины, идущие от бицепса до кисти. Вспоминая последовательность вчерашних событий и действия Бетховена, я была уверена, что старый самец клыками стянул петлю с кисти Зиза.

Зиз сам бы никогда не высвободился из петли: его высоко поднятая вверх рука была недостижима для собственных зубов. Бетховен не смог просунуть свои толстые пальцы под туго затянутую проволоку на руке Зиза. Следует учесть, что гориллы не любят трогать посторонние предметы руками. Скорее всего, Бетховен схватился за верхнюю часть руки Зиза, чтобы она не двигалась, и завел клыки сверху вниз (отсюда длинные царапины на руке Зиза), под петлю, захлестнувшую запястье жертвы. Затем он, очевидно, стянул петлю зубами, ободрав ладонь Зиза.

Через неделю рука Зиза зажила, и он снова стал свободно владеть ею. Остаток лета, проведенного в бамбуковой роще, прошел без происшествий. Очевидно, браконьеры поняли, что за группой 5 ведут постоянное наблюдение сотрудники центра в Карисоке. Браконьеры заплатились бы за свои деяния и решили не ставить новых ловушек.

Мурахе и Шинде тем временем исполнилось по шесть месяцев. Контраст, заметный еще с момента рождения, стал более разительным. Шинда по-прежнему выглядел писклявым головастиком, цепляющимся за живот мамыши, хотя Маркиза с трехмесячного возраста неоднократно пыталась приучить его сидеть на ее спине. А Мурахе, его племяннице, мама Пентси не позволяла залезать на спину до конца четвертого месяца.

С первых дней Мураха была пушистым, смешливым, игривым и жизнерадостным комочком. В отличие от Маркизы Пентси была без ума от своего чада. Днем во время отдыха Пентси часто с широкой улыбкой на лице качала Мураху, поднимая ее над головой, пока мама и дочь не начинали кричать от удовольствия, издавая звуки, похожие на хихиканье человека. Между прочим, такое потряхивание над головой преследовало чисто практическую цель. После этого малышка испражнялась, ее жидкие желтые экскременты были характерны для детенышей в самом раннем возрасте, когда их питание в основном состоит из материнского молока. Маркиза никогда не раскачивала Шинду, а потому ко времени, когда Шинде исполнилось четыре месяца, вся шерсть на его животе была пропитана рыжеватой-желтой массой. Пентси также разрешала Мурахе подолгу играть на ее массивном туловище, предоставляя ей живот в качестве горки для катания, а руки и ноги ее служили как бы куклой, используемой борцами при тренировке. Восторг малышки в таких играх обычно выражался оскалившимися в улыбке зубками.

Кстати, зубки у Мурахи прорезались в трехмесячном возрасте, и она уже пробовала грызть стебли растений. Ее нескоординированные движения при выдергивании стеблей напоминали попытки пьяницы ухватить двоящийся и отказывающийся стоять на месте стакан. В том же возрасте ее дядя Шинда довольствовался тем, что сидел, тупо уста-

вившись на окружающую растительность, и подбирал с колен мамыши оброненные кусочки пищи.

На четвертом месяце Мураха уже осмеливалась отходить от матери на три метра, хотя обычно детеныши горилл до шести месяцев всегда держатся на расстоянии вытянутой руки матери, то есть около полутора метров. Мураха довольно устойчиво опиралась на руки, а ноги ее слушались плохо и часто подгибались и разъезжались в разные стороны, как вареные макароны. Детеныши горилл всегда начинают передвигаться одинаково. Им с самого рождения приходится активно пользоваться верхними конечностями, чтобы цепляться за материнский живот, особенно в чрезвычайных ситуациях, когда группа бежит и матери не могут их держать на руках. Короткие ноги с толстыми пальцами лишь позволяют им с трудом обхватить широкую талию матери.

В четырехмесячном возрасте Мураха оказалась участницей сценки, запомнившейся мне на всю жизнь. Когда я вышла на контакт с группой 5, та располагалась на мирном отдыхе на нижних склонах горы Високе. Я уселась в двух с половиной метрах от Пентси, лежащей неподалеку от Икара. Мураха, игравшая между мамой и папой, с интересом уставилась на меня, а затем поползла в мою сторону. Как только малышка отдалась от родителей, Пентси и Икар присели с удивленным выражением на лицах. Мураха подбиралась все ближе ко мне, при этом ноги ее расплзались в скользкой траве. Лицо Мурахи растянулось в улыбке, когда она приблизилась вплотную к моим ногам, громадной горе в джинсах по сравнению с гномиком высотой 30 сантиметров.

Мураха осторожно притронулась пальчиками правой руки к джинсам и стала обнюхивать их. Икар и Пентси с любопытством следили за отважной путешественницей, а я сидела затаив дыхание, не смея шевельнуться. Когда Му-

раха приготовилась к восхождению на мои колени, Пентси лениво встала, зевнула и глянула на меня как бы с извиняющейся улыбкой. Затем неторопливо приблизилась, сделала вид, что ее заинтересовала попка Мурахи, понюхала ее, лизнула, бережно подобрала дитя и понесла обратно. Я сочла поведение Пентси в высшей степени деликатным.

Пентси и Икар улеглись в прежних позах, но в глазах Мурахи озорной блеск жажды приключений не померк. Она снова покинула Пентси, заковыляла ко мне и стала карабкаться по ноге. Пентси со смущенным видом снова подошла и забрала малышку, избегая смотреть мне в глаза. Под тем же предлогом проверки попки Мурахи она сунула ее под мышку и медленно удалилась в окружающие заросли. Волнение от столь полного доверия горилл долго не покидало меня.

Если Пентси могла позволить Мурахе провести несколько мгновений со мной, ее отношение к другим детенышам в группе 5, пытавшимся приблизиться к ее дочери, было совершенно иным. Когда Поппи исполнилось четырнадцать месяцев, малышка пыталась «взять на воспитание» двух четырехмесячных детенышей, как год тому назад это делали Квинс и Пабло. Поппи-малолетка хитро подкрадывалась к ним короткими шажками, затем приседала, делала вид, что приводит себя в порядок, позевывала и снова подкрадывалась, если кто-нибудь из детенышей на мгновение оказывался вне объятий матери, хватала его и удалялась. Казалось, что Шинда, присосавшийся к Маркизе, как пиявка, мало интересовал других детенышей в группе 5. Это могло быть вызвано разницей в поле или непредсказуемой реакцией Маркизы.

Квинс, чей материнский инстинкт был развит сильнее, чем у любой другой молодой самки, сильно огорчалась, когда Маркиза или Пентси не позволяли ей ласкать или таскать их детенышей. В то время Квинс исполнилось семь

лет, и через год она переходила в разряд взрослых. У нее и ее трехлетнего брата Пабло были насупленные лица, как у шимпанзе. Когда их не подпускали к малышам, они отходили обиженные, с отвисшей нижней губой — необычным для горилл выражением лица.

Начало 1977 года совпало с тяжелым временем для Пабло — отлучением от груди, когда на него посыпались все шишки, ибо остальные члены группы все чаще подвергали детеныша дисциплинарным взысканиям. У самца был такой вид, будто он никак не может понять, что происходит с окружающим миром, которым он столь успешно управлял на протяжении трех лет. Будь Пабло человеком, то собрал бы свои любимые вещи — блокноты и фотопленку — в мешок и ушел на все четыре стороны в поисках новой семьи, где бы его приняли как следует.

Самым хорошим временем для него, пожалуй, были те два-три дня в месяц, когда у матери начинался менструальный цикл. В такие дни Лиза переставала отсиживаться в стороне от группы, а кокетливо призывала своих сородичей поиграть с ней. На третьем году жизни Пабло ее груди сильно отличались друг от друга по размерам. Левая, облюбованная Пабло грудь сильно увеличилась, а пустая правая свисала плоским мешком. В эти дни Пабло предоставлялась возможность спокойно сосать грудь, потому что Лизу отвлекало повышенное внимание со стороны остальных членов группы. Однако Бетховен по-прежнему ее заигрывания отвергал.

Хотя Так пыталась сделать все, чтобы ублажить Пабло, вступая с ним в игры или ухаживая за ним, когда у него портилось настроение, стало очевидным, что чаша терпения Эффи переполнилась из-за его непрерывных приставаний к Поппи. Однажды Пабло дернул Поппи за ногу и неосмотрительно укусил за руку Эффи, когда та заворчала на него. Поступи он подобным образом с любым другим

членом группы, ему бы здорово влетело, а Эффи продолжала сжимать Поппи в объятиях. Тогда Пабло осмелел, снова приблизился к Поппи, сел на безопасном расстоянии от Эффи и начал корчить рожи. Через несколько минут Поппи сама подошла к нему и заскулила, когда игра приняла грубый характер. Эффи зло захрюкала, и Пабло поспешно ретировался. Мать успокоила Поппи, проказница вернулась к Пабло, и все снова повторилось. На этот раз Эффи оттащила Поппи за руку, куснула Пабло и вернулась к себе в гнездо с внучкой под мышкой. Расстроенный наказанием Пабло присел и целую минуту бил себя по голове. Лицо его кривилось в гримасе, а глаза были прищурены. Наконец он встал на ноги, окинул Эффи и меня разгневанным взглядом и, хныкая, пошел искать маму Лизу.

Поппи была общей любимицей группы 5. В ней было что-то умильное и неотразимое. Она была просто не способна сделать что-нибудь не так. В отличие от Пабло ее не интересовали такие незнакомые предметы, как фотоаппараты или пленки, и вполне удовлетворяли привычные окружающие предметы. Особенно малышку привлекали брошенные птичьи гнезда. Она обычно хлопала ими по груди или по земле, пока от них не оставались одни клочья. Ей также нравилось разбирать их по травинке до конца.

Иногда Поппи с удовольствием усаживалась на колени наблюдателей в ожидании ласки. Каждый раз, когда она «оказывала честь» мне или моим студентам, Бетховен, Эффи и прочие гориллы начинали хрюкать или угрожающе смотреть на нее. Бетховен нередко вылезал из гнезда, подходил к Поппи и массивной головой нежно сталкивал ее с чужих колен. Молодежь — Пак, Так, Квинс и Пабло — также беспокоилась, когда видела Поппи на коленях наблюдателей, подбегала к нам и забирала ее. Такая коллективная забота о Поппи резко контрастировала с полным

равнодушием к Пабло, когда этот проказник общался с людьми.

Третьей дочери Эффи — Так — пришлось смириться с явно недостаточным вниманием матери после рождения Поппи, но я редко замечала за ней какие-либо проявления ревности к сестренке. Только иногда, когда Так был поглощен ухаживанием за Эффи, а она с не меньшим усердием ласкала Поппи, на лице Так появлялось мрачное выражение, как бы говорящее «плохо быть не старшей, не младшей, а средней дочерью». Но врожденное добродушие Так всегда брало верх. Когда она нуждалась в физическом контакте с матерью, она просто прижималась к Эффи, даже если та ласкала Поппи. Если же Поппи играла с другими животными, возбужденная Так неслась прямо в объятия Эффи, как бы крича: «Ура, наконец-то она моя!»

Ровный темперамент Эффи не только способствовал нормальному развитию ее детенышей, но и помогал удерживать свое главенствующее положение в гареме Бетховена, куда входили три половозрелые самки. Однажды, располагаясь на дневной отдых во время дождя, Эффи и Пентси соорудили большие, похожие на ванну гнезда из мохнатых ветвей гиперикума и с удовольствием разлеглись в них. Бетховен же спал себе гнездо кое-как и нехотя плюхнулся в него, ворча на усиливавшийся дождь. Прошло около получаса, и до него дошло, что Эффи и Пентси устроились куда лучше. Он встал, подбежал трусцой к Эффи и с укором уставился на нее. Эффи повернулась на бок, сделав вид, что не замечает главу семейства. Тогда Бетховен с обиженной миной подошел к Пентси и снова застыл в чопорной, несколько устрашающей позе у самого изголовья молодой матери, не оставляя ей ни малейшего сомнения относительно своих намерений.

Я ожидала, что Пентси послушно уступит Бетховену место, подчиняясь его немому приказу. Но вместо этого

она явно дала понять, что его надежды тщетны, уставившись ему в глаза и недовольно заворчав. Бетховен немедленно ретировался и поплелся обратно к гнезду Эффи. Он стал рядом с ней с раздосадованным выражением лица. Бетховен осторожно коснулся ее плеча и принялся тормошить ее, но Эффи только плотнее прижала к себе Поппи. Так, которая тоже находилась в гнезде Эффи, теснее прижалась к матери.

Промокший до нитки Бетховен все-таки умудрился втиснуть свое массивное тело в переполненное гнездо за спиной Эффи. Большая часть туловища старого самца свисала из гнезда, и подобное положение никак нельзя было назвать удобным. Но это как будто самца не смущало, и было видно, что его устраивало компромиссное решение, ставшее возможным благодаря доброй душе Эффи.

Поскольку у Эффи и Маркизы было по ребенку, которые полностью зависели от матерей, Лиза оказалась единственной самкой, у которой периодически начинался менструальный цикл, но Бетховен продолжал ее игнорировать. Ее усилившаяся потребность во внимании приводила к резким вспышкам, и она начинала дико метаться, награждая оплеухами любого, кто попадался ей под руку. Единственным животным, которого терпела Лиза, был Пак, пассивно воспринимавший приставания старой самки. Когда Квинси исполнилось восемь лет и она вступила в ряды взрослых, менструальные циклы Лизы совпали с циклами ее дочери. Однако в отличие от матери Квинс охотно заключали в свои объятия и Зиз, и Икар, если она не была занята материнскими ухаживаниями за Шиндой и Мурахой.

В декабре 1977 года, через девять месяцев после полного отлучения Пабло от груди, Лиза снова начала кормить своего сына грудью, поскольку, по всей вероятности, у нее возобновилось обильное выделение молока. Ее поведение было типичным для самок, готовых вот-вот разрешиться

или родивших мертвого детеныша. Незадолго до этого Лиза большую часть времени кормилась поодаль от группы, как беременная самка. У меня создалось впечатление, что у Лизы произошел выкидыш, которого ни я, ни мои следопыты не заметили. Лиза вернулась в лоно группы и полгода пыталась привлечь к себе внимание Пабло.

Затем произошло неожиданное. После встречи с окраинной группой 6, обитавшей на восточном склоне горы Високе, Лиза исчезла. Мне казалось невероятным, что Лиза перешла в другую группу, оставив восьмилетнюю Квинс и почти четырехлетнего Пабло. И я была поражена, когда увидела, что в группе 6 она ведет себя так, словно всегда была ее членом.

Лиза была второй взрослой самкой, перешедшей в другую группу после первого же контакта и родившей от серебристоспинного вожака. Обеих самок объединяло то, что их попытки стать матерями в родных группах ни к чему не привели. У них возобновлялись менструальные циклы при переходе их отпрысков из детенышей в подростки, но их попытки привлечь к себе внимание самцов оставались тщетными на протяжении целого года. Кроме того, было замечено, что их отпрыски иногда прикладывались к груди даже в возрасте сорока шести месяцев. По-видимому, затягивающийся лактационный период задерживает оплодотворение, и перешедшие в новые группы самки рожали через четырнадцать месяцев. Переход в другую группу приводил не только к тому, что самки наконец рожали, но и улучшали свое социальное положение. Каждая из них была среди первых приобретений вожаков новых групп, а положение самки в семье зависит от очередности ее появления в группе.

К моему удивлению, Пабло не очень расстроил уход Лизы из группы в июле 1978 года. Он стал проводить больше времени рядом с Бетховеном во время дневного отдыха

и ночевал с ним в одном гнезде. К тому же за Пабло ухаживала Квинс, и он часто обращался к ней за материнской лаской.

Квинс превратилась во взрослую самку в тот месяц, когда из группы ушла Лиза. Ее доброе отношение и внимание к другим гориллам, особенно к отцу, брату, единокровным братьям и сестрам, оставались прежними, как и ранее, когда она сама была детенышем. Мне казалось, что Квинс была просто создана для роли матери, а Икару было суждено стать отцом ее первого ребенка.

К моему великому огорчению, Квинс сильно расстроил уход матери из группы 5. И хотя она продолжала неустанно ухаживать за Бетховеном и подростками группы, ее жизнерадостность и непосредственность как-то поблекли.

Однажды утром, через три месяца после ухода Лизы, в ночном гнезде Квинс было обнаружено несколько сгустков крови. Поскольку ей было только восемь лет, вряд ли она забеременела или у нее случился выкидыш, хотя такую возможность нельзя было сбрасывать со счетов. Прошло несколько дней, и состояние здоровья Квинс явно ухудшалось, но она продолжала свои обычные ухаживания, надевая материнскими ласками своих сородичей.

Через две недели Квинс сильно ослабла, и ей требовалось напрягать все силы, чтобы не отстать от группы при ее переходах с места на место. Она ползла на дрожащих коленях, запястьях и локтях, и видно было, что страдает от боли.

Бетховен был единственным, кто проявлял озабоченность состоянием молодой самки. Он заставлял группу идти медленнее и не спешить с кормежкой, чтобы она поспевала за всеми, и защищал ее от усиливавшихся нападков со стороны других членов группы. Чем больше слабела Квинс, тем больше ей приходилось переносить тумачивания и нападений, особенно со стороны клана Эффи. В таких слу-

чаях Квинс предпринимала слабые попытки защитить себя ответным хрюканьем, пинками или укусами, а ведь еще недавно она прекрасно относилась ко всем членам семейства.

Тому, что нам кажется столь несправедливым и вызывающим сочувствие отношением, можно найти объяснение. Из-за слабости Квинс не могла реагировать на враждебное отношение к ней, как сделало бы здоровое животное. Она была физически не способна проявлять покорность или защищаться, как ожидали окружающие ее гориллы. По мере ослабления Квинс животные уже не могли вызывать у нее привычные реакции, а потому приставали к ней все назойливей. По-моему, по отношению к Квинс совсем не применимо понятие «жестокость», потому что и «агрессоры», и сама Квинс в последний период ее болезни вели себя не совсем обычно.

В октябре 1978 года, через двадцать пять дней после появления крови в ночном гнезде Квинс, бедняжка скончалась. Я обнаружила ее еще неостывшее исхудавшее тело под бревном посреди выбранной для ночлега группой 5 поляны. Остальные животные ходили по кругу на расстоянии около пятидесяти метров. Носильщики быстро и бесшумно вынесли Квинс из прохладной тьмы. Как установили позже в больнице Рухенгери, причиной смерти была малярия. Я похоронила Квинс в нескольких сотнях метров от своего домика в Карисоке в земле ее родных гор.

После смерти Квинс Пабло остался единственным потомком ушедшей из группы 5 Лизы. Этот беззаботный шут продолжал развлекать семейство даже после смерти сестры. Он ночевал в одном гнезде с Бетховеном, а весь день проводил в играх, особенно со ставшей его любимицей Поппи, достигшей возраста двух с половиной лет. Эффи относилась теперь к Пабло с большей терпимостью, даже позво-

ляла ему в холодные дождливые дни устраиваться вместе с ней, Так и Поппи. Наряду с Так, которой было уже около шести с половиной лет, она взяла на себя заботы о нем. Так что Пабло без матери и сестры жилось неплохо.

Очевидно, благодаря своей близости к клану Эффи Пабло заразился любознательностью от его членов. Однажды Пабло и Так наткнулись на детеныша дукера, сидевшего в одиночку в густых зарослях. Сгорая от любопытства, Пабло принялся дергать малыша за ноги и шерсть, тыкать пальцами в его тело, притягивал его голову к своему носу и принюхивался, не обращая внимания на писк маленького дукера. Так проявляла не меньший интерес, но ограничивалась любопытными взглядами, обнюхивала и поглаживала дрожащее тело. Она тщетно пыталась удержать Пабло, чтобы он не тормозил детеныша, хрюкая и хватая его за руки. Через час Так и Пабло охладели к находке и, раздвинув в стороны окружавшую детеныша растительность, ушли, оставив малыша на виду. Я надеялась, что мать найдет его раньше браконьеров.

Не раз я наблюдала молодых горилл, шаловливо носящихся за дукером без малейшего намерения изловить его.

Почти все, что могло двигаться — от дукера до лягушек, — заставляло их бросаться в погоню. Как ни странно, исключение составляли гусеницы и хамелеоны, которых гориллы пытались или пришибить, или осторожно отодвинуть в сторону.

В июне 1978 года, за четыре месяца до смерти Квинс, Пак по непонятным для меня причинам начал проводить все больше времени в отдалении от Эффи и сестер Так и Поппи. Он чаще шел в хвосте группы 5 при передвижениях или кормежке, а не рядом с кем-нибудь из животных.

В один из таких дней мне повстречался Пак, плетущийся за группой, среди зарослей молодых верноний, где животные не были по меньшей мере четырнадцать месяцев. В скудном подлеске еды для горилл было мало, и я удивилась, увидев, как Пак внезапно остановился и сосредоточенно уставился на верхушку погибающей хагении. Нижние десять метров ствола были плотно увиты лианами и покрыты густой растительностью. Посередине ствола еще различались какие-то признаки жизни, но выше торчали лишь засохшие ветви.

Пак стоял, вперив взор в дерево, целых три минуты, а затем стал карабкаться вверх по лианам. На высоте пяти метров Пак задержался, мысленно рассчитал дальнейший маршрут и полез на самые верхние мертвые сучья. Там он выдернул обеими руками большой кусок коры, обнажив огромные соты с вьющимися вокруг них пчелами. Как только кора оказалась у него в руках, Пак спустился на землю с проворством пожарника и помчался к группе. Я также быстро бросилась в противоположном направлении подальше от хагении, из которой вылетела затмившая небо туча свирепо жужжащих пчел.

Описав большой круг, я догнала группу 5 и увидела Пака, безмятежно жующего зелень среди других горилл. Наблюдения этого дня были особенно ценными, потому

что выявилась необыкновенная память Пака, запомнившего местонахождение пчелиного гнезда в местности, которую группа не посещала целых четырнадцать месяцев. Пак никогда не переставал удивлять меня.

Четырнадцатого ноября 1978 года Пак родил! Как только я услышала эту новость от ошарашенного стажера, вернувшегося с очередной, как ему казалось, обычной встречи с группой 5, я воскликнула: «Не может быть!» Первый ребенок Пак так и был окрещен: Не-может-быть.

Молодой «самец» Пак стал примерной матерью и сделал Эффи второй бабушкой в группе 5. Пак окружила своего детеныша такой же заботой и лаской, какую сама получала от матери. К концу 1978 года члены клана Эффи все теснее спланивались друг с другом. В него входили Эффи, беременевшая от Бетховена вскоре после рождения Не-может-быть, одиннадцатилетняя Пак с мальчуганом, Так в возрасте шести с половиной лет и тридцатидвухмесячная Поппи.

Прошло три ничем не омраченных месяца, и у Эффи, по нашим подсчетам, случился выкидыш на втором-третьем месяце беременности. Это произошло после двухнедельного бегства группы 5 от группы французских кинооператоров. До этого выкидыша интервал между родами составлял у Эффи в среднем сорок три месяца. После нарушения этой закономерности Эффи не рожала вплоть до июня 1980 года, когда у нее появился шестой отпрыск, девочка Мэгги, и, как во всех предыдущих случаях, отцом был Бетховен.

Когда в клане Эффи прибавилась Мэгги, под уверенным руководством Бетховена и его сына Икара процветал и клан Маркизы. В августе 1980 года Маркиза и дочь Бетховена Пентси, которой исполнилось четырнадцать с половиной лет, успешно растили внучку Мураху (41 месяц). В декабре того же года родилась еще одна внучка Маркизы Джози, причем в обоих случаях отцом был Икар. Другие два отпрыска Маркизы — Зиз в возрасте девяти с полови-

ной лет и Шинда в возрасте сорока двух месяцев, отцом которых был Бетховен,— замыкали линию, идущую от Маркизы.

И все же клан Маркизы оставался подчиненным клану Эффи, хотя за тринадцать лет они кровно породнились через Пентси и Икара. В результате связи между Икаром и Пентси началось смешение генофондов подчиненной и главенствующей женских линий. Маркиза оказалась единственным членом группы 5, не имеющим кровного родства с Икаром.

Пятого августа 1980 года один из моих стажеров вышел на контакт с группой 5, которая в тот день кормилась на склонах горы Високе. Прошло полчаса, и вдруг из седловины метрах в тридцати ниже места кормежки раздались крики и удары в грудь Икара. Группа 5 направилась на звуки в сопровождении стажера. Он увидел, как Икар бил себя в грудь и бегал по кустам вокруг бездыханного тела Маркизы, лежащей под вернонией. Старушка либо скончалась, либо находилась в коматозном состоянии и не подозревала о переполохе.

Члены группы собрались вокруг Икара и стали наблюдать за его действиями. Потом каждое животное, за исключением Эффи, подошло к Маркизе и пощупало ее тело. После почти двухчасового спектакля, устроенного Икаром, он выволок безжизненное тело из-под вернонии и стал колотить по нему обеими руками. Это продолжалось еще три часа. Бетховен изредка вмешивался, когда Икар волок тело Маркизы по земле. Так же как и Квинс двадцать два месяца назад, Маркиза была не способна противиться такому обращению с ней. Икар становился все агрессивнее. Он не только бил ее, но и, подпрыгивая, плюхался на неподвижное тело Маркизы.

На следующее утро группа 5 по-прежнему толпилась вокруг Маркизы. Икар за ночь оттащил ее еще на несколько метров в сторону. Осмотр ночных гнезд показал, что

маленький Шинда ночевал с отцом, Бетховеном. Икар продолжал бесчинствовать над телом Маркизы, но в момент передышки Шинда с жалким видом пытался сосать грудь матери или подлезал под ее похолодевшую безжизненную руку. Другие подростки группы 5 тщательно обследовали труп, засовывая пальцы или языки ей в рот. Дочь Эффи, Поппи, которой было уже пятьдесят два месяца, вскарабкалась на Маркизу и тоже начала колотить ее и прыгать на ней. Мураха же поглаживала ее каждый раз, когда Икар прерывал почти ставшие ритуалом нападки. Всех животных объединяло, похоже, инстинктивное желание вызвать хоть какую-то реакцию со стороны Маркизы, так долго бывшей одним из активнейших членов группы 5.

Произведенное впоследствии в больнице Рухенгери вскрытие показало, что у Маркизы в селезенке образовались многочисленные, заполненные водой кисты, явившиеся, скорее всего, причиной смерти. Очень важным результатом вскрытия было то, что Маркиза не готовилась стать матерью и у нее не было менструации.

Как ни соблазнительно, но искать аналогии с человеком в последовательности событий, сопутствующих смерти Маркизы, было бы серьезной ошибкой. Ее смерть, вероятно, лишила Бетховена возможности еще раз стать отцом, поскольку у Эффи, последней самки из его гарема, в тот момент на руках была двухмесячная дочь Мэгги. Эффи не могла понести по крайней мере еще два с половиной или три года. Не исключено, что возбуждение Икара было вызвано тем, что Маркиза не находилась с ним в кровной связи, но это чистые домыслы. Наблюдения за другими группами горилл показывают, что, если кто-нибудь из их членов умирает естественной смертью, серебристоспинные самцы, не находящиеся с ним в родстве, и другие отдаленные родственники никогда не нападают на мертвое тело и не бесчинствуют столь рьяно, как поступил Икар.

Излагая историю группы 5, я обнаружила, что как бы выкладываю мозаику воспоминаний — забавных, грустных и трогательных. За эти годы генофонд группы сложился из тридцати одной особи, связанных тесными семейными узами. Из пятнадцати животных, числившихся в группе во время первой встречи, в ней осталось только четыре — Бетховен, Эффи, Икар и Пентси.

Мне очень повезло, что я наблюдала жизненный путь таких горилл, как Икар, Пентси и Пак, с самого раннего возраста, когда они начинали познавать окружающий их мир, до зрелых лет, когда они, порой в трагических ситуациях, обретали жизненный опыт, столь необходимый для того, чтобы впоследствии стать полноценными родителями.

Группа 5 больше чем какая-либо другая из пяти групп, изучаемых мною в Карисоке, наглядно проиллюстрировала, как прямые родственные связи приводят к крепкой сплоченности семьи горилл во времени. Успех группы 5 мог бы послужить прекрасным примером для человеческого общества и был своеобразным завещанием Бетховена.

Глава пятая

КАК СИРОТЫ КОКО И ПАКЕР ОЧУТИЛИСЬ В НЕВОЛЕ

Прошло около четырнадцати месяцев с момента основания Исследовательского центра Карисоке, и к рождественским праздникам в конце 1968 года меня стало беспокоить усиление деятельности браконьеров на территории Вулканического национального парка. На Рождество увеличивается спрос на мясо незаконно убитых животных, их чучела и охотничьи трофеи. Соответственно растут цены. В этот период удачливый браконьер может неплохо заработать. К тому времени патрулирование с целью пресечь деятельность браконьеров в Вулканическом национальном парке обеспечивалось мною и служащими охраны парка, согласившимися на эту работу при условии, что я буду выдавать им зарплату и снабжать продовольствием и обмундированием. Я охотно шла навстречу выдвинутым требованиям в надежде, что это как-то стимулирует их и пробудит от летаргического сна.

Поэтому я очень обрадовалась, когда незадолго до Рождества ко мне неожиданно приехал руандийский директор парка в сопровождении нескольких служащих охраны. Его прибытие означало, что служба парка была готова взять на себя ответственность за борьбу с браконьерами. Можете себе представить мое потрясение, когда директор попросил помочь отловить детеныша гориллы в одной из изучаемых нами групп. Я потеряла дар речи. Сообщив, что ему никогда не приходилось бывать в парке до моего приезда в сентябре 1967 года, директор объяснил, что представители муниципалитета Кёльна (ФРГ), находящиеся с визитом в Руанде, хотят получить горную гориллу для городского зоопарка. В обмен они обещали подарить «лендровер» и выделить солидную сумму денег на природоохранные мероприятия в Вулканическом национальном парке. Директор изложил свою просьбу так спокойно, как будто спрашивал, который час.

Я обстоятельно объяснила, почему руандийские власти не должны соглашаться на подобную сделку. Пыталась также разъяснить, насколько крепки у горилл семейные узы, и подчеркнула, что, поскольку они не допустят, чтобы у них отобрали детеныша, многие из горилл погибнут в неизбежной стычке. Возможность массового убийства животных, однако, не смутила молодого чиновника, которому поручили добыть детеныша гориллы. Впрочем, ему было наплевать и на возможный международный резонанс, который мог быть вызван его действиями. Сначала мне показалось, что он задумался над моими словами и что я его убедила. По своей наивности я совершенно забыла о том, что для большинства чиновников гориллы представляли собой лишь предмет торговли, в обмен на который они могли получить требуемые политические или материальные блага. Охраной природы занимались люди, не имеющие соответствующей подготовки и совершенно равнодушные к проб-

лемам защиты животных или территории парка от браконьеров и заморских гостей. Ни в одной из трех стран, лежащих между собой область Вирунга, гориллы не стояли во главе повестки дня при обсуждении вопросов, связанных с охраной природы.

Как и ожидалось, рождественские праздники сопровождались многочисленными жертвами среди антилоп, буйволов и слонов. Но, насколько мне было известно, гориллы никогда не становились мишенью браконьеров. В феврале 1969 года изучение групп горилл, обитающих в районе Карисоке, и процесс их привыкания к людям протекали гладко. Даже вторжение скота и людей на территорию парка было сведено до минимума. И вдруг 4 марта в лагерь прибыл мой приятель из ближайшего города Рухенгери и сообщил, что шесть недель назад браконьеры изловили детеныша гориллы и тот сейчас сидит в маленькой клетке в кабинете директора.

Я немедленно бросила все дела и подъехала к обшарпанным старым баракам, в которых тогда ютились многочисленные службы парка. Посреди небольшой, открытой со всех сторон площадки за бараками стояло несколько строений и в самом внушительном из них размещался созданный недавно гараж для нового «лендровера» директора. Между машиной и штабелем дров стоял похожий на гроб ящик, окруженный толпой смеющихся людей, в основном детей. Рядом валялась пустая клетка. Пробравшись через толпу зубоскалящих детей, я медленно вынула засов на дверце ящика и приоткрыла ее, чтобы разглядеть узника, забившегося в дальний угол. Крошечное мохнатое черное создание сразу же набросилось на меня, крича от страха и негодования. Я быстро захлопнула дверцу под непрекращающийся громкий смех окружающих, до которых не доходил весь трагизм положения.

Я распорядилась, чтобы ящик перенесли в кабинет директора, где воцарилась относительная тишина. Несмотря на его протесты, я распахнула дверцу ящика настежь, чтобы выпустить животное. Малышка тут же выскочила наружу. Не успел директор сделать и шага, как она вонзила ему в ногу свои острые зубки. Затем подбежала к окну, за которым хохотала собравшаяся толпа. Обезумевшая от ужаса горилла стала биться о стекло с такой силой, что я испугалась, как бы она не разбилась. Бегая от окна к окну, малышка оставляла за собой лужицы жидких экскрементов и, поскольку ее организм был полностью обезвожен, вылизывала их. С помощью наполненной водой пепельницы мне удалось заманить ее обратно в ящик.

Я задала несколько вопросов директору о том, как к нему попала эта горилла, думая только о том, как ее быстрее доставить в лагерь. Каждая минута разговора отнимала минуту ее жизни. Я не знала, удастся ли ее спасти вообще. Без малейшего смущения директор признался, что пригласил в парк известного браконьера Муньярукико и велел ему собрать группу людей для поимки гориллы. Сколько и кому заплатили, я так и не узнала, но в тот момент мне было не до того. Браконьеры поднялись на гору Карисимби и выбрали группу горилл с детенышем. Позднее я узнала, что при поимке было убито десять животных из этой группы.

Детеныша привязали проволокой за руки и ноги к бамбуковым шестам и притащили в небольшую деревушку рядом с границей парка. Горилла две недели провела в специально приготовленной для нее служащими охраны клетке, где она не могла ни встать, ни повернуться, и до перевоза в Рухенгери ее кормили кукурузой, бананами и хлебом. В Рухенгери ее сунули в этот гробоподобный ящик. Горилле также стали давать суп, опасаясь за ее здоровье и не зная, как с ней обращаться.

Остается неясным, как осиротевшая малютка умудрилась выжить в тесной клетке, несмотря на скудную пищу и воспалившиеся раны от проволоки. Она смогла продержаться еще две недели до моего приезда в Рухенгери. Не желая терять времени в кабинете директора, я сообщила ему о намерении увести гориллу в лагерь. Он отпустил меня, не выразив ни малейшего раскаяния своими действиями. Его, очевидно, вполне устроило, что он переложил на меня ответственность за судьбу бедняжки, которой, вероятнее всего, грозила смерть.

Прежде всего малышке нужно было дать побольше жидкости, витаминов и глюкозы, и я намеревалась как можно быстрее перевести ее на естественную растительную пищу. К сожалению, для покупки всего необходимого пришлось ехать в угандийский город Кисоро, задержав тем самым возвращение в горы и лагерь еще на один день.

На своей «Лили» я отвезла ящик из шумного Рухенгери в относительно тихий дом европейской пары, проживавшей неподалеку от границы парка под горой Високе. Там я перенесла малютку в детский манеж, прибила к нему гвоздями крышку и стала готовиться к поездке в лагерь на следующий день. Перенос из одной клетки в другую вызвал дополнительную нервозность и сопровождался безумными криками страха и ярости. Как только горилла оказалась в манеже, я дала ей кусочки подмаренника и чертополоха, которые она тут же съела и от изнеможения погрузилась в сон. Я прилегла рядом и успокаивала малышку всякий раз, как она начинала кричать во сне.

За эту долгую ночь я твердо решила, что, если девочка выживет, я выпущу ее на волю, скорее всего в группу 8, и не допущу, чтобы ее заключили в клетку в кельнском зоопарке. По моим подсчетам, ей было три с половиной или четыре года — возраст, позволявший ей выжить на свободе под защитой и присмотром взрослых горилл. Я на-

звала ее Коко в честь старой самки из группы 8, недавно умершей естественной смертью.

На следующее утро начался второй этап путешествия маленькой Коко. Сорокаминутная поездка от дома моих европейских друзей до подножия горы Високе по ухабистой дороге через лавовое поле была изматывающей. Всякий раз, когда нас встряхивало, малышка вскрикивала от боли и страха. У подножия горы я наняла восемь носильщиков, которые по очереди несли манеж в лагерь. Как только мы преодолели первый крутой склон, отделявший нас от шума шамб, и оказались на противоположной стороне каменного туннеля, Коко заинтересовалась знакомой лесистой местностью. Иногда она издавала жалобные звуки, обычные для горилл, потерявших мать из виду. Мне было интересно, вспоминала ли Коко свою жизнь до поимки. Единственное, чем я могла ее утешить, были успокоительные звуки и периодические остановки, чтобы набрать ей зелени на время долгого пятичасового восхождения в лагерь по скользкой от грязи слоновой тропе.

Мои сотрудники в Карисоке подготовили к прибытию пленницы вторую комнату моего домика. В записке, отправленной через носильщика в лагерь, я просила, чтобы на окна прибили проволочную сетку для защиты стекол и самой Коко и чтобы между нашими комнатами соорудили дверь из такой же сетки. Я также велела насыпать на дощатый пол в комнате Коко зелень для еды и сооружения гнезд, а между полом и потолком пристроить молодые деревца вернонии, чтобы она могла по ним лазать. К тому времени, когда мы с Коко наконец добрались до лагеря, комната превратилась в миниатюрную копию среды обитания горилл.

«Чумба таяри!» Этим криком возбужденные африканцы известили меня, что комната для малышки готова, как только первый носильщик вышел из лесной чащи на по-

ляну. Мои сотрудники действительно поработали на славу — домик был переоборудован до неузнаваемости. В него внесли два таза с водой и камнями и поставили так, чтобы обезвоженная горилла не перепила. Затем с криками и восклицаниями на киньярунда носильщики протиснули манеж в дверной проем и установили его между торчащими из пола деревьями. Наконец мы с Коко остались наедине в блаженной тишине.

Осторожными движениями я приподняла крышку с манежа, не зная, как отреагирует обезьяна. Как поведет себя малыш: спокойно, агрессивно или апатично? Я буквально дрожала, когда Коко преспокойно выбралась из манежа, покачиваясь, подошла к растениям и стала ощупывать листья и стебли, как бы желая убедиться в том, что они настоящие. Ослабев в пути, она сделала лишь слабую попытку принять важную позу, чтобы показать, кто тут хозяйка. Затем остановилась, уставилась на меня и смотрела целую минуту, а потом робко полезла ко мне на колени. Мне так хотелось сжать ее в объятиях, но я боялась сделать лишнее движение, чтобы не подорвать доверия к человеку.

Коко спокойно просидела у меня на коленях несколько минут, потом слезла и направилась к длинной скамье под окнами, из которых открывался вид на близлежащие склоны Високе. С большим трудом она взобралась на скамью и стала смотреть на гору. Вдруг она зарыдала, и из ее глаз потекли настоящие слезы — такого я не замечала за гориллами ни до, ни после этого случая. Когда стемнело, она свернулась калачиком в гнездышке, приготовленном мною из растений, и, похныкав еще немножко, уснула.

Мне нужно было покинуть домик на час с лишним, и по возвращении я ожидала увидеть ее погруженной в сон. Но когда я распахнула дверь, в комнате царил хаос. Рогожа, которую мои сотрудники прибили к настенным полкам с запасами продовольствия для всего лагеря, заверяя, что го-

рилла никогда не доберется до них, была сорвана. Коко восседала среди банок и вскрытых коробок и снимала пробу с сахара, муки, варенья, риса и макарон. При виде учиненного ею разора, моя тревога улетучилась, сменившись восторгом, ведь чтобы сотворить такой беспорядок, надо было обладать неуемной энергией и любопытством.

Два следующих дня Коко поедала все большие количества зелени — подмаренника, чертополоха, крапивы. После упорного сопротивления она сообразовала принимать молочную смесь с лекарствами, необходимыми для подкрепления ее здоровья. Но Коко все-таки часто плакала, особенно глядя в окно. Однажды до домика донеслись крики, издаваемые гориллами группы 5, питавшимися на склонах за лагерем, и малышка запричитала как никогда. Я включила радио на полную громкость, чтобы заглушить возбуждающие звуки, но Коко целый день неотрывно смотрела на гору и всхлипывала, чувствуя, что поблизости бродят ее сородичи.

На третий день любопытство, вызванное новым окружением, было частично удовлетворено, и ее здоровье сразу ухудшилось. Такой переход всегда наблюдался у всех только что пойманных горилл, с которыми мне приходилось сталкиваться. У любого животного хватает мужества и воли к выживанию, но частенько сильная травма, вызванная попаданием в неволю, в сочетании с дурным обращением со стороны людей оказывается чрезмерной. Помощь обычно приходит слишком поздно. Коко перестала есть, и у нее начались кровавые жидкие выделения. Она лежала свернувшись калачиком у собранного на скорую руку гнезда и тряслась всем телом. Ничто, в том числе и магнитофонные записи со звуками, издаваемыми другими гориллами, не могло вывести ее из полубетаргического состояния. Я ввела в ее рацион антибиотики, но не заметила ни малейшего

признака улучшения, и состояние ее здоровья продолжало ухудшаться с катастрофической быстротой.

На шестые сутки пребывания Коко в лагере я уложила ее с собой в постель, думая, что это последняя ночь перед ее смертью. Единственное, что я могла ей дать, было тепло и покой. Когда я проснулась в пять утра, вместо трупы со мной лежала живая Коко, а простыни были перепачканы. Она выглядела более оживленной, и я надеялась, что кризис миновал. Дав ей лекарство, я вывела ее в большой, отгороженный провололочной сеткой загон рядом с ее комнатой, где она могла погреться на солнце. Я закрыла дверь, ведущую из загона в комнату Коко, чтобы убрать комнату и наполнить ее свежей зеленью.

Пока мы занимались этим делом, я вдруг услышала голоса приближавшихся к лагерю носильщиков. Я выбежала из домика и увидела шестерых человек со странной поклажей. Они несли нечто вроде огромной пивной бочки, подвешенной на длинный шестах. Старший носильщик вручил мне записку от приятеля из Рухенгери, навещавшего нас с Коко, когда ей было плохо. «Они изловили еще одну гориллу и хотят, чтобы ты ее выходила. Они не знали, как доставить ее к тебе, так что пришлось прибегнуть к импровизации. Полагаю, с первой гориллой все в порядке. Боюсь, у этой гориллы мало шансов выжить».

Ошеломленная содержанием записки, я заплатила носильщикам и распорядилась, чтобы бочку внесли в комнату Коко, которая пока оставалась на солнце в загоне. Теперь стало ясно, что неделю назад директор решил избавиться от Коко, считая, что ей осталось жить считанные часы. И велел поймать для кельнского зоопарка вторую гориллу. Гораздо позднее я узнала, что вторую гориллу тоже добыли на горе Карисимби из группы, в которой было около восьми особей, как и в группе Коко, погибших при защите детеныша.

Я выдернула гвозди из бочки. В отличие от Коко, пойманное животное отказалось покинуть бочку и забилося в угол. Я привела Коко обратно в комнату, чтобы она выманила пленника, но он никак не реагировал. Тогда я оставила их одних и стала наблюдать из своей комнаты. Коко обуяло сильное любопытство, и она засунула голову в бочку, похрюкивая каждый раз, когда новичок делал какие-то движения. Иногда животные протягивали руки, но, не успев коснуться друг друга, отдергивали их.

Пленник, похоже, не собирался вылезать из бочки. Потеряв терпение, я вошла в комнату, повалила бочку набок и вытряхнула гориллу на покрытый растениями пол. Меня охватил ужас при виде юной самки четырех с половиной или пяти лет, выглядевший хуже, чем Коко при первой встрече. Из нанесенных пангой ран на голове, руках и ногах, а также из глубоких порезов от веревок сочился гной. Судя по состоянию ран и прочим признакам, было видно, что гориллу поймали примерно в то же время, что и Коко, и, следовательно, она провела в заключении на неделю больше.

Новенькая отбежала в дальний угол комнаты и забилась под стол. Коко стала прохаживаться перед ней взад и вперед в важной позе, как обычно поступают гориллы при первом знакомстве. Я обрадовалась, что буквально через несколько часов после сильной болезни у Коко вновь проявился интерес к жизни, но сомневалась, что Пакер («хмурая» — я ее назвала так за подавленное состояние, в каком она пребывала в то время) когда-нибудь оживет.

Я принесла свежий сельдерей, чертополох, подмаренник и целый поднос ежевики, собранной моими сотрудниками. При виде знакомой пищи у Пакер в глазах на мгновение мелькнул интерес, но, поскольку эти яства, наверное, напомнили ей былую свободу, она жалобно захныкала, как в свое время Коко. В знак солидарности Коко

стала было вторить ей и скривила губы, но тут же подошла к подносу и отобрала несколько ягод покрупнее. Я снова покинула комнату и принялась следить за ними через сетчатую дверь. Пакер медленно подошла к любимой еде и осторожно взяла ягодку. Гориллы обменялись хрюкающими звуками, ведь им предоставилась первая возможность поделиться горем друг с другом. Затем они набрали по полной горсти ягод и разбежались по противоположным углам, где начали уплетать их за обе щеки, продолжая похрюкивать. Я поняла, что им может помочь выжить некоторое соперничество.

В первый день знакомства небольшой антагонизм сочетался с сознанием того, что они нуждаются друг в друге. К концу дня гориллы улеглись в гнездо, прижавшись друг к другу, поплакали немножко и заснули в обнимку.

Я потратила три дня, чтобы приохотить Пакер к тому же снадобью на молочном порошке, которое принимала Коко. Мне удалось это сделать благодаря тому, что Пакер начала впадать в такое же летаргическое состояние, как и Коко, сразу после прибытия в лагерь. Сходство между ними этим не ограничивалось — как и Коко, Пакер хорошо воспринимала лесную растительность, принесенную в комнату, и ей тоже нравились бананы. Их пристрастие к бананам, которые не растут в области Вирунга, свидетельствовало о том, что браконьеры продержали их в неволе достаточно долго, чтобы привить вкус к незнакомому фрукту.

Пока Пакер болела, Коко сильно привязалась ко мне и постоянно требовала, чтобы я прижимала ее к себе, держала за руки и играла с ней. Если ее потребность во внимании сразу не удовлетворялась, ее хныканье перерастало в шумные истерики. Во время них Пакер, утешая ее, начинала урчать из своего гнезда на верхней полке для хранения запасов. Постоянное присутствие Коко и наша дружба с ней помогла Пакер преодолеть критическое состояние.

У нее постепенно возродился интерес к еде, и она иногда даже завладевала принадлежавшей Коко долей любимой пищи, несмотря на сопротивление подруги по несчастью.

Это были трудные денечки. К тому же решил уволиться новый повар, когда я попросила его приготовить питательную смесь и простерилизовать бутылочку. Он высокомерно заявил на суахили: «Я готовлю для европейцев, а не для животных». Многие из служащих тоже роптали, слыша постоянные требования носить из леса свежую еду и убирать из комнаты не менее свежий помет. В этот период мне очень помог Мутарутква, по-прежнему незаконно пасший скот на территории парка неподалеку от лагеря.

Когда однажды мы с молодым следопытом Немейе вышли на наши ежедневные и довольно утомительные сборы крупной, сочной и спелой ежевики, что трудно сделать даже в разгар сезона, нам встретился Мутарутква. Понаблюдав за нашими бесплодными попытками, он вдруг вскочил и ринулся в густые заросли. Прошло около получаса. Нам с Немейе удалось собрать от силы дюжину ягод. Вдруг пастух появился так же бесшумно, как и исчез. С робкой улыбкой он протянул нам руки. В каждой руке он держал большой лист лобелии с кучкой сочных ягод ежевики. Я с благодарностью приняла дар. Это были первые из множества ягод, которые Мутарутква с удовольствием собирал для наших горилл, избавив нас от долгих часов блуждания по лесу.

К счастью, Коко пристрастилась к молоку с лекарствами и три раза в день опустошала не только свою миску, но и миску Пакер. Пакер было невдомек, как Коко могла пить такую гадость. Но снова чувство соперничества перебило. Чем упорнее Коко пыталась завладеть миской Пакер, отталкивая ее и похрюкивая, тем отчаяннее Пакер пыталась защитить свое добро. И, отстояв ее, Пакер выпивала лечебную жидкость с перекошенным от отвращения лицом.

Я была беспредельно благодарна Коко за ее невольную помощь, ибо даже восемь суток спустя Пакер не позволяла мне дотрагиваться до нее и не подходила ко мне, что резко отличалось от поведения Коко в первые дни. Пакер, которая, по моим подсчетам, была на год старше Коко, имела более замкнутый характер и сильнее реагировала на малейшие изменения обстановки. Несмотря на попытки убедить Пакер, что ей больше ничего не грозит, она все время была как на иголках, особенно когда рядом с их комнатой или загоном раздавались человеческие голоса или появлялись люди.

Первые попытки подойти ко мне маскировались «защитой» Коко, которую часто приходилось отвлекать игрой от излюбленного занятия — обдирания обивки со стен и потолка. Со временем Коко обнаружила, что обивку можно не только рвать на куски, но и жевать и что, ободрав обивку потолка, она может попасть на чердак. Понадобилось несколько недель, чтобы как следует законопатить потолок и отучить Коко от привычки мочиться с чердака на мою половину.

Когда я, играючи, пыталась оттащить Коко от обивки, Пакер приходила ей на помощь и, с хрюканьем бегая вокруг меня, норовила ударить или укусить за ногу. С одной стороны, могло показаться, что она хотела принять участие в игре или получить свою порцию ласки, но малейшие попытки с моей стороны сделать это рьяно пресекались ею. Такое проявление ревности и несколько психически неуравновешенное поведение вызвало у меня чувство жалости. Очевидно, оно было вызвано травматическими воспоминаниями о поимке и дальнейшем заключении. Испытывая чувство вины, я продолжала уделять основное внимание Коко не столько потому, что та требовала его, сколько потому, что хотела заставить Пакер перебороть замкнутость. Мне казалось, что, как и

при соперничестве за еду, соперничество за внимание сыгрывает положительную роль.

Однажды ночью — с момента появления Пакер прошло почти две недели — она незаметно подкралась к Коко, игравшей со мной на скамье в их комнате. Пакер ухватила Коко за ногу и попыталась стянуть ее с моих колен. Коко стала сопротивляться. Пакер нервно зашлепала губами и принялась отрывать мою руку от Коко. Я осторожно погладила Пакер. Она вздрогнула, оцепенела и отвернулась от меня. Своим прикосновением ко мне Пакер сделала первую попытку войти в контакт с человеком. Два следующих дня она действовала в таком же духе и всякий раз, когда я держала Коко, на мгновение дотрагивалась до моей руки. Как только она приближалась ко мне, я пыталась наложить мазь на гнойные раны на ее руке, но Пакер удавалось увернуться, и на целый день ее доверие ко мне бывало подорвано.

Наконец настал день, когда Коко достаточно окрепла, чтобы можно было выпустить ее побродить среди деревьев и на полянах вокруг лагеря. Что касается Пакер, ее раны еще не совсем зажили, и я боялась, что она не будет меня слушаться. В первый раз мне пришлось тащить Коко на спине, потому что она робела от открывшихся просторов. Даже когда мы залезли на огромную хагению, увитую подмаренником и прочими лакомствами горилл, она не решилась слезть с меня.

За тридцать минут первой прогулки на «воле» мы отошли от домика на расстояние около 50 метров. Пакер, следившая за нами из загона, тихо заскулила. Постепенно ее хныканье превратилось в громкие рыдания, а когда мы с Коко отошли еще дальше, она стала истерически кричать. Пришлось вернуться, хотя Коко, казалось, не обращала

внимания на крики Пакер. Та перестала выть, увидев, что мы возвращаемся, но стоило нам войти в комнату, как Пакер сделала вид, что нас не замечает и якобы занята едой. Ее поведение могло показаться смешным, она удивительно напоминала набалованного ребенка, но я знала, что она вела себя так от отчаяния, и мне ее было очень жаль.

Я еще несколько раз выходила на прогулку с Коко под аккомпанемент криков Пакер. Коко быстро привыкала к окрестностям лагеря, совершенно непригодным для горилл из-за просторных лугов, кудахтающих кур и моей терпеливой и игривой собачки Синди. Коко в восторге бросалась вдогонку за курами и хватала самых нерасторопных за хвост. Ей нравилось ездить на Синди верхом или гонять ее бесконечными кругами до тех пор, пока обе они не валились с ног.

Однажды утром, когда я собиралась вывести обеих горилл на прогулку, в лагерь неожиданно прибыли служащие охраны парка с копьями и ружьями. Гориллы в это время находились в загоне. Малышки в неопишемом ужасе влетели в комнату, забрались на самую верхнюю полку и про-

сидели там весь день, прижавшись друг к другу. Егеря потребовали, чтобы я передала им горилл для отправки в кельнский зоопарк. Через час мне удалось отправить их восвояси, убедив, что гориллы еще не выздоровели — в случае с Пакер так оно и было. Только через два дня я смогла выманить горилл из комнаты.

Наконец они поправились настолько, что могли резвиться на свободе под присмотром Синди. Благодаря необыкновенно доброму нраву и игривости Синди завоевала полное доверие Коко и Пакер. Меня это обрадовало, ведь при поимке горилл браконьеры непременно использовали собак. Способность малышей довериться человеку или собаке после всех их мытарств была поистине необычайной. Не исключено, что пленницы так хорошо поладили с Синди, потому что за два года пребывания в лагере она ни разу не видела других собак и разучилась лаять. Неумение лаять и добрейший нрав делали мою собачку непохожей на тех, с которыми гориллам пришлось иметь дело при поимке.

Когда гориллы заигрывались, Синди было трудно совладать с ними. Ее щипали, покусывали, шлепали, ездили на ней верхом, тыкали в ребра, дергали за усы, нюхали, гонялись за ней. Я до сих пор удивляюсь, как ее не разорвали на части во время буйных игр на дворе. Временами у меня возникало сомнение: а знает ли Синди, кто она — горилла или собака? Ответ на этот вопрос, по-видимому, становился для нее ясным, когда Коко и Пакер залезали на деревья, а она бегала внизу и не могла последовать за ними, поскольку Бог наделил ее иным телосложением.

Время, проведенное на воздухе с гориллами и Синди, было самым прекрасным в нашей жизни в лагере в те дни, когда погода позволяла выходить из дома. Пленницам так и не удалось полностью избавиться от тревожного чувства,

когда они попадали на просторные луга, окружающие лагерь, но их следовало пересечь, чтобы выйти к поросшим деревьями холмам, где им предоставлялась отличная возможность лазать, играть и лакомиться разнообразной пищей. Десятки таких холмов располагались недалеко от лагеря, но каждый раз по дороге туда и обратно мне приходилось нести Коко на руках, а Пакер либо пыталась залезть мне на закорки, либо цеплялась за ноги. После выздоровления обе гориллы весили в общей сложности килограммов пятьдесят, и переходы через луг с этой беспокойной ношей превратились для меня в адские муки.

Я пыталась заставить Коко идти пешком, но с таким же успехом я могла научить слона летать. Если я ее оставляла позади, она начинала плакать, выдавая жалостную серию приглушенных «уууу», постепенно переходивших в пронзительные вопли, и мне приходилось возвращаться и

брать ее на руки. Пакер вела себя более независимо, и я не всегда могла совладать с ней.

С первого же дня «вольной» жизни Пакер устремляла на горы тоскующий взгляд, в котором можно было заметить и некую хитринку. Она как бы намекала, что гориллам не место на открытых лугах, их прибежище — лесные чащи на склонах горы. Этот внутренний конфликт у Пакер однажды получил дополнительный заряд, когда с горы за лагерем донеслись громкие крики группы 5. У меня под рукой не было радиоприемника, чтобы заглушить эти крики.

Без малейшего промедления Пакер побежала на звук, а Коко последовала за ней. Я их догнала, когда они уже готовились отправиться вверх по склону, выбрав для этого, как положено туристам, самую утоптанную тропу, основательно исхоженную слонами. Коко, успевшая каким-то образом очутиться впереди, остановилась при виде первого огромного следа, наполненного водой, и решила было бросить эту затею, как Пакер, увидевшая, что я подкрадываюсь сзади, с силой толкнула Коко, и та очутилась по шею в грязной жиже. Этого оказалось достаточно, чтобы Коко бросилась ко мне, и Пакер пришлось последовать за ней.

Даже не слыша манящих звуков, Пакер продолжала соблазнять Коко отправиться с ней в горы. К счастью, мне ничего не стоило приманить к себе Коко бананами. И я всегда отправлялась на прогулку, набив ими полные карманы.

Однажды, когда мы пошли гулять по новой местности, Пакер внезапно ринулась к большой группе хагений, растущих на опушке леса, ведущего к горе. Коко вырвалась из рук и кинулась вдогонку, что было довольно необычно. Я подумала, что они решили удрать в горы, и быстро вытащила бананы из кармана. Но гориллы остановились под одним из больших деревьев. Они неотрывно глядели вверх, как детишки в канун Рождества смотрят в трубу камина в

надежде увидеть Санта-Клауса. Я никогда не видела, чтобы их так заворожило дерево, и никак не могла понять, что приковало их внимание. Вдруг обе гориллы быстро полезли вверх по огромному стволу, оставив меня в еще большем недоумении. Метрах в десяти от земли они остановились, захрюкали друг на друга и вгрызлись зубами в огромный трutowик. Я уже описывала эти похожие на тарелки грибы, растущие на стволах хагении. Они встречаются в лесу довольно редко, и до этого мне никогда не доводилось видеть, чтобы живущие на воле гориллы проявляли к ним интерес. Как Коко и Пакер ни старались, им не под силу было отделить гриб от дерева, и они откусывали маленькие кусочки. Через полчаса гриба не было и в помине. Гориллы нехотя сползли вниз и, возвращаясь ко мне, с вожделением поглядывали на дерево с лакомством. Вряд ли стоит говорить о том, что на следующий день я попросила всех в лагере отправиться в лес на поиски трutowиков.

Еще одним лакомством, вызывающим ссоры между Коко и Пакер, было паразитическое цветущее растение, относящееся к семейству омеловых (*Loranthus luteo-aurantiacus*). К счастью для горилл, мои люди точно знали, где оно растет в изобилии.

Наблюдая за гориллами, я выяснила, что они часто выковыривают личинок насекомых из трухлявых сердцевин растений, но не подозревала, что они откажутся от такого лакомства, как ежевика, ради червей и личинок, богатого источника белка. Они знали, где надо сдирать кору с живых и мертвых деревьев, чтобы наестся личинок. Иногда, не успев слизать их с одного куска коры, они уже отдирали следующий и мурлыкали от предвкушения удовольствия. Червей при этом они раздирали пополам (довольно отвратительное зрелище) и каждую половину с удовольствием пережевывали. Поскольку Коко и Пакер обожали такую пищу, я включила в их рацион вареные рубленые биф-

штексы, «гамбургеры», и они поедали их в качестве закуски перед излюбленными растениями и фруктами.

Прогулки на воздухе перемежались с сидением в комнате, где Коко и Пакер получали три раза в день самую разнообразную еду, включая зелень, а также периодически принимали лекарства.

Гориллы обычно просыпались около семи часов утра. Они беззастенчиво оповещали о своем пробуждении, неистово колотя по покрытой сеткой двери, разделяющей наши комнаты. После обмена утренними объятиями я разливала по мискам молочную смесь. Миски были прикреплены болтами к верхней части манежа. Затем, чтобы выгнать горилл из помещения для мытья пола и полок, а также очистки комнаты от вялых растений и прочих остатков пищи, я разбрасывала на улице бананы или дикую ежевику. В это время мои сотрудники собирали свежую траву для кормежки и гнезд, чтобы гориллы могли вернуться в «свежий лес», правда немного пахнувший дезинфекцией.

В пасмурную или холодную погоду они проводили за едой взаперти около получаса, а потом сооружали себе гнезда. Если же светило солнце, то требовали выпустить их на воздух, где они могли поразмяться, борясь друг с другом, бегая наперегонки или лазая по деревьям.

В двенадцать тридцать я на полчаса приводила их домой на очередной прием лекарств и пищи. Послеобеденные занятия тоже зависели от погоды, но обе проказницы предпочитали проводить остаток дня в неге. В 16.00 старая растительность заменялась на молодые побеги вероники с сочными листьями, которые они получали также для ночных гнезд. В 17.00 я покидала горилл, примерно час они ужинали. Все это время их довольное мурлыканье и урчание заглушал стук пишущей машинки. В доме каждый вечер царил атмосфера покоя и уюта.

Как только Коко и Пакер завершали свой ужин, мы вчетвером, включая Синди, начинали беситься в погоне друг за другом, кувырканиях и борьбе в миниатюрном лесу их комнаты. Эти минуты вспоминаются как самые прекрасные из проведенных в лагере, потому что Пакер, обычно сдержанная в первой половине дня в присутствии посторонних людей, полностью расковывалась, когда мы оставались вчетвером.

Во время этих непринужденных игр я узнала о поведении горилл многое из того, что ускользнуло при наблюдении за живущими на воле животными, не привыкшими к моему присутствию. Если я щекотала Коко и Пакер, в ответ раздавалось довольное хихиканье, и игры длились гораздо дольше. Сначала я попробовала пощекотать Коко и, заметив, что это ей очень понравилось, переключилась на Пакер. Через несколько недель я перешла от легкой щекотки к настоящему щекотанию, как это обычно делают родители или бабушки со своими детьми и внуками. Позже мне не раз предоставлялась возможность щекотать детенышей на воле, и каждый раз они получали такое же удовольствие, как Коко и Пакер. Но я старалась не злоупотреблять этим, ибо наблюдатель не должен вмешиваться в действия животных на воле.

Почувствовав, что гориллы устали от игр, я отрывала от вернории верхние ветки с самыми большими листьями и укладывала их поверх мха на верхней полке стеллажа. После того как я укладывала последнюю ветку, малышки знали, что пора спать. Спустя семь недель Коко и Пакер научились делать гнезда и подбирали для них самые пушистые ветки. Таким образом мне удалось приучить горилл к необходимой на воле самостоятельности, ведь я собиралась отпустить их на свободу. В ночной тиши я нередко грустила при мысли, что рано или поздно придется с ними расстаться, и в то же время предвкушала то мгновение,

когда они войдут в состав группы 5 и проведут остаток жизни в родных лесах.

Однажды снова появился неожиданный гость — директор, которого Коко, защищаясь, укусила в Рухенгери около семи недель назад. Своим поведением гориллы как нельзя лучше выразили те чувства, что я испытала, увидев пришельца: Коко спряталась, а Пакер подошла к двери, разделяющей наши комнаты, и с треском захлопнула ее, что меня крайне позабавило.

Директор предпринял утомительное восхождение в лагерь, чтобы вновь потребовать горилл для отправки в кёльнский зоопарк. Я продолжала настаивать, что здоровье малышей не позволяет им совершить столь длительное путешествие. Пока я отчаянно добивалась новой отсрочки, из соседней комнаты доносились отзвуки резвых игр. Я про себя обругала проказниц за неподходящее время для игр, хотя, впрочем, обрадовалась, что они затеяли игры, несмотря на присутствие директора. Чем сильнее я ратовала за горилл, тем упорнее он настаивал на необходимости забрать их. Он уверял, что дирекция зоопарка давила на него и требовала передачи горилл в любом состоянии их здоровья. Но директор скрыл, что зоопарк предоставил ему возможность поехать в Кёльн якобы для сопровождения горилл. Дирекция зоопарка и городские власти собирались устроить торжественный прием в его честь. Для человека, никогда не выезжавшего за пределы своей страны, такая перспектива была весьма соблазнительной.

После долгих пререканий на повышенных тонах директор заявил, что, если я немедленно не сдам Коко и Пакер, он пошлет Муньярукико и других браконьеров в лес за новыми гориллами. Этим он пресек мои возражения. В тот же день я отправила в кёльнский зоопарк телеграмму, извещающая дирекцию, что они могут забрать горилл после того, как я сочту, что они выдержат длительное путешествие.

Отправка телеграммы ради предотвращения новых убийств оказалась одним из самых больших компромиссов, на который мне пришлось пойти за долгие годы работы с гориллами. В то время почти не существовало правил, распространяемых на вывоз или ввоз видов, находящихся под угрозой уничтожения. Намерения директора парка отловить еще двух детенышей не оставили мне иной возможности, как отдать Коко и Пакер. Когда директор удалился, я пошла к малышам, где меня ждал восторженный прием. Прижав их к себе, я чувствовала себя предательницей.

Коко и Пакер по-прежнему проводили дни в кормежке и играх. По своей резвости они напоминали двух девченок-сорванцов в летнем лагере, где время, как правило, тянется бесконечно. Я же не испытывала обычного удовольствия, видя, как они превращаются в нормальных жизнерадостных горилл. Мысль, что кончается их срок прогулок по лесу и что их ждет унылое будущее, постоянно угнетала меня, особенно от бессилия изменить ход событий. Я написала в Кёльн письмо с просьбой разрешить мне вернуть горилл на волю в составе «опекунской группы», но в ответ получила категорическое «нет».

Через несколько недель после визита директора в лагерь заявили служащие охраны и стали с угрозами требовать выдачи горилл, размахивая ржавыми ружьями. К тому времени Коко и Пакер привыкли к моим сотрудникам, но сохранили страх и неприязнь к незнакомым африканцам. Гориллы бросились в атаку на охранников, яростно крича и сотрясая ударами сетчатую изгородь. Увидев реакцию своих любимцев, я разрешила егерям забрать горилл, но при этом не рассчитывать на мою помощь. Ничто, даже возможная взбучка директора, не могло заставить охранников войти в загон к разбушевавшимся животным. Через несколько минут они удалились восвояси. Позднее я узна-

ла: они сказали директору, что гориллы еще не готовы к путешествию.

А спустя несколько дней директор явился в лагерь в сопровождении служащих охраны. Они приволокли с собой небольшой ящик, похожий на гроб, в котором пленницам предстояло лететь самолетом из столицы Руанды Кигали в брюссельский международный аэропорт, а оттуда в Кёльн. Единственным отверстием в ящике была небольшая дверца. О вентиляции никто не подумал. Более того, директор нагло потребовал, чтобы я заплатила за ящик. В конце концов он ушел, получив сумму, эквивалентную двадцати долларам. А я испытала лишь слабое утешение от того, что удалось вырвать еще несколько недель до ужасного путешествия, сославшись на то, что ящик следует полностью переделать.

В это время в лагерь прибыл Роберт Кэмпбелл, фотограф журнала «Нэшнл джиографик», чтобы отснять материал о жизни горилл на воле, а также о Коко и Пакер. С помощью Боба мы переделали ящик, расширив его и просверлив множество крупных отверстий сбоку и сверху. Затем мы поставили ящик в комнату горилл, чтобы они привыкли к нему. В нем они стали получать специально приготовленную для них пищу и молочную смесь. Через несколько дней гориллы придумали игру с погоней друг за другом вокруг ящика. Коко проявляла в этой игре большую сообразительность, чем Пакер. Она обнаружила, что резкий разворот всегда заставлял Пакера врасплох и завершался забавным столкновением лбами. Коко также нравилось незаметно прятаться в ящик во время погони, а Пакер пробегала еще несколько кругов, пока до нее доходило, что Коко скрылась в ящике. Как им ни нравилась эта новая игрушка гигантских размеров, мне ящик постоянно напоминал о неизбежной разлуке и о тех муках, которые предстоит испытать моим любимцам.

Когда настал день злополучного расставания, Боб Кэмпбелл согласился сопровождать горилл до крошечного аэропорта в Рухенгери, откуда им предстояло лететь до Кигали, а затем навсегда покинуть Африку. Все приготовления к отправке были закончены. Я написала несколько страниц инструкций по обращению с животными по пути из Рухенгери в Кёльн. К стенкам ящика были прикреплены котелки с молочной смесью и пучки свежей лесной зелени — последней в их жизни. Я также вложила в ящик два больших гриба-трутовика. В тот момент, когда ничего не подозревающие малышки влетели в ящик и кинулись на грибы, мы закрыли дверь и задвинули засов. Пройдет еще несколько секунд, и носильщики понесут ящик вниз. Будучи не в силах вынести горе, я выбежала из домика, пересекла луг, где мы так часто гуляли, и убежала в лес. Даже теперь, по прошествии более чем десяти лет, у меня нет слов, чтобы описать ту боль, которую я испытывала от потери.

На протяжении нескольких лет сотрудники кёльнского зоопарка регулярно оповещали меня о состоянии здоровья Коко и Пакер и присылали их фотографии. Гориллам явно было несладко в клетках. Работая над этой книгой, я узнала, что в 1978 году с интервалом в один месяц Коко и Пакер скончались в неволе.

Глава шестая

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ГОСТИ КАРИСОКЕ

Первый год работы в Карисоке был таким же плодотворным, как и первые шесть месяцев в Кабаре, благодаря тому, что мне без каких-либо помех удавалось проводить все время в наблюдениях за гориллами. День за днем я искала следы горилл и наблюдала — обычно в бинокль — за этими робкими, еще не привыкшими ко мне животными. По вечерам я сидела в палатке на раскладушке и печатала на машинке, установленной на ящике. Вокруг на высоко натянутой веревке в теплом токе воздуха от мирно шипящей керосиновой лампы, но на достаточно безопасном расстоянии от нее была развешена промокшая одежда.

Лампа была моим добрым гением, особенно когда приходилось выходить из палатки на пронизывающий до костей холод среди беспросветно черной ночи. Временами становилось жутко от мысли, что, не считая редких костров браконьеров, это, пожалуй, единственный свет во всей Вирунге. Когда я думала о безбрежных просторах необитаемой

горной местности с обилием всяческой живности, мне казалось, что в мире найдется мало людей, которым повезло так, как мне.

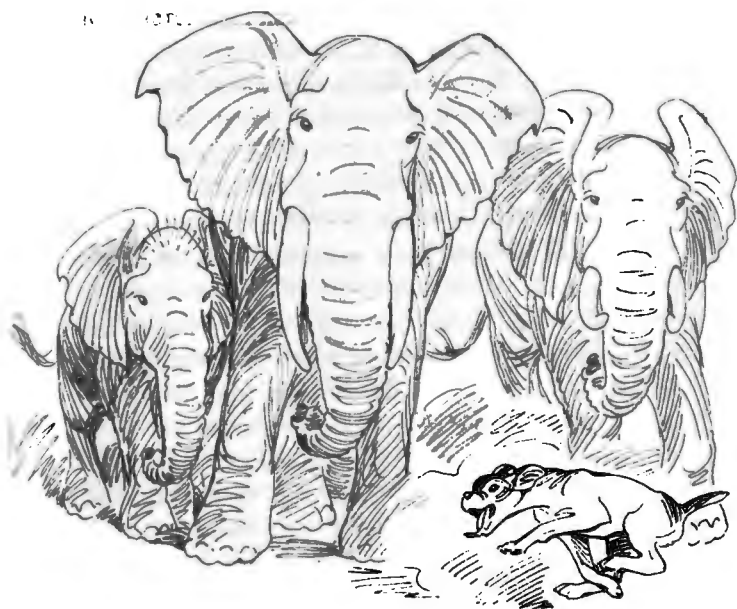
Переносить одиночество трудно. Ночной рев слонов и буйволов, приходящих на водопой в Кэмп-Крик, в сочетании с похожими на скрип несмазанной двери криками древесных даманов — неотъемлемая часть окружающей меня тишины. Это были волшебные минуты.

Метрах в ста восьмидесяти от меня располагалась палатка трех руандийцев, которые доставляли воду и собирали хворост, а впоследствии научились читать следы горилл. После естественной смерти Люси и Дэзи, привезенных из Кабары, руандийцы подарили мне петуха Вальтера и курицу Вильму, и они прожили в палатке несколько месяцев. Вальтер был незаурядным петухом. Утром, когда я отправлялась на работу, он следовал за мной по пятам несколько сотен метров, словно собака. После обеда он выбегал мне навстречу с радостным хлоптаньем. По вечерам он занимал место на каретке пишушей машинки и застывал, не шелохнувшись, при ее перемещении взад и вперед.

Не прошло и полутора лет, как палатка начала трещать по всем швам. Мои европейские друзья из руандийских городов Рухенгери и Гисеньи решили построить для меня небольшой однокомнатный домик с окнами и камином. Сначала сама мысль о домике пришлась мне не по вкусу, поскольку это предполагало постоянное жительство в то время, когда я еще не совсем оправилась от бегства из Кабары. Несмотря на мою неуверенность в ходе развития событий, первый домик в Карисоке все-таки был возведен общими усилиями за какие-то три недели. Носильщики непрерывной цепочкой таскали из низлежащих деревень прямые, как линейки, стволы молодых эвкалиптов для крыши. Из Рухенгери были доставлены листы жести (мбаты) для наружной обшивки, а сплетенные вручную руан-

дейские циновки из соломы использовались для обивки стен, потолка и пола. Из речки Кэмп-Крик глубиной около метра, протекавшей по лугу, натаскали камней, щебня и песку, чтобы сложить крайне необходимый камин. Вместе с нанятыми в первый же день работниками мы часами скоблили и полировали доски для столов и книжных полок. Затем нашли занавесок из местной яркой ткани — последние штрихи отделки моего первого дома с тех пор, как я уехала из Америки. Со временем в лагере было построено еще восемь домиков, каждый последующий был лучше предыдущего. Но ни один из них не был мне так дорог, как этот первый, самый простой.

С появлением нормального жилища я почувствовала себя гораздо увереннее. Наконец я смогла завести собачку и достала юную сучку — помесь непонятно кого с боксером. Я назвала ее Синди (Золушка) за привычку лежать, уткнувшись носом в золу камина. Она гармонично вписалась в повседневную жизнь лагеря. (Через два года она станет закадычным другом сироток Коко и Пакер.) Синди быстро стала общей любимицей. Она оставалась в центре внимания всего персонала лагеря, хотя я каждый день отправлялась на встречу с гориллами. Синди могла часами играть с Вальтером, петухом, считавшим себя, очевидно, собакой, парой воронов-шлемцев, Чарльзом и Ивонной, и даже со слонами и буйволами, появляющимися на берегах Кэмп-Крика после захода солнца. По ночам, когда ярко светила луна, стоило донестись реву слонов на водопое, как в Синди просыпался чертенок. Если я ее выпускала из домика, она стремглав неслась к ближайшему стаду слонов из пятнадцати — двадцати животных и резвилась меж их столбообразных ног. Никогда не забуду зрелища, как крошечный щенок лаял на слонов и покусывал их за ноги, словно назойливая муха, умудряясь при этом не быть растоптанным в лепешку.

Однажды вечером, когда Синди исполнилось девять месяцев, я вернулась в лагерь, но меня встретил только kloх-чущий Вальтер. В опустевшем лагере не было ни Синди, ни моих сотрудников. Прошло несколько часов, и мужчины явились с печальной новостью, что Синди похищена то ли скотоводами, то ли браконьерами недалеко от лагеря. Мы пошли по ее следам, отпечатавшимся в грязи вдоль слоновой тропы, пока они не перемешались со следами шести — десяти босоногих людей, а потом исчезли совсем. Не нужно было быть искусным следопытом, чтобы догадаться, что щенка подобрали и унесли.

Хотя я не была уверена, кто похитил Синди, скотоводы или браконьеры, однако решила, что лучшей карой будет угон скотины, незаконно пасшейся на лугах по соседству

с лагерем, чтобы держать ее в качестве залога, пока не будет возвращена Синди. Не без труда нам удалось отделить от стада нескольких лонгхорнов, разводимых батутси, и увести их в лагерь, где соорудили загон вокруг мощных стволов пяти хагений. Пока мужчины рубили кусты для изгороди, я, вспомнив свой опыт работы в больнице, принялась вязать сеть, используя бечевку, которую удалось найти в лагере. К полуночи неказистое сооружение было готово, и, решив, что оно достаточно крепкое, мы загнали в него семь коров и одного быка — все, что осталось от отловленного нами стада. Затолкнув упиравшихся животных в хлипкий загон, мы заколотили вход листьями жести, раздули костер вокруг загона и приготовились к ночному бдению в ожидании владельцев скота.

Под усыпанным яркими звездами небом эта сцена напоминала отрывок из голливудского вестерна. Мычание скота, сбившегося в кучу в освещенном кострами загоне, перемежалось с фырканием и пыхтением проходящих мимо нас к Кэмп-Крику буйволов и слонов. Ночную тишину также нарушали крики моих сотрудников, рассредоточившихся по лесу и громко выкрикивавших на киньярунда, что за каждый день отсутствия Синди я убью по корове. Иногда мне удавалось задремать, и во сне я ловила слонов с помощью лассо, сидя верхом на буйволах, или пыталась удержать их в загоне, сплетенном из бечевы. Когда забрезжило солнце, из леса вышел Мутарутква, чей скот я угнала, и крикнул, что располагает сведениями о Синди. Оказывается, Мутарутква провел ночь в поисках виновников и выяснил, что браконьеры под предводительством Муньярукико унесли Синди в икибуту на верхние склоны горы Карисимби.

Для проведения операции по спасению Синди я «вооружила» моих людей и Мутаруткву шутихами и страшными масками. Как завзятые морские пехотинцы, они обло-

жили со всех сторон икибугу, метнули в костер шутихи и в возникшей суматохе отловили Синди, а браконьеры тем временем разбежались кто куда. Спасатели рассказывали, что Синди никак нельзя было назвать несчастной пленницей. Когда они пришли на стоянку браконьеров, Синди беззаботно лежала среди собак Муньярукико и грызла кости убитых браконьерами буйволов. По возвращении Синди в лагерь я вернула скотину Мутаруткве, радуясь, что он не догадался, как я взяла его на пушку.

Девять месяцев спустя браконьеры снова похитили Синди, и опять в этом был замешан Муньярукико. На сей раз они увели ее в деревню у границы парка под горой Карисимби и привязали рядом с охотничьими собаками. Рутшема, величавый отец Мутарутквы, вызволил Синди и вернул ее мне, сокрушаясь по поводу воровских замашек браконьеров из племени батва. За эти годы я прониклась большим уважением к этой семье батутси за ее помощь. Мутарутква со временем стал работать у меня и возглавлял патрули по борьбе с браконьерами на всей территории Национального парка Вирунга.

Через год после появления Синди и вскоре после отправки Коко и Пакер в кельнский зоопарк я приобрела еще одного питомца. Как-то на бензозаправочной станции в городке Гисеньи на берегу озера Киву к двери моего автомобиля подкрался человек с воровато бегающими глазами и небольшой корзиной в руках. Он предложил мне содержимое корзины за тридцать долларов. Я сделала вид, что меня его предложение не интересует, но, заглянув в корзину, увидела скорчившуюся на дне едва живую маленькую годубую мартышку (*Cercopithecus mitis stuhlmanni*) в возрасте около двух лет. Я немедленно вырвала корзину из его рук, завела машину и пригрозила браконьеру тюрьмой, если он еще будет ловить животных в парке. Мужчина убежал, а я уставилась в огромные карие глаза, робко взи-

рающие на меня. Так зародилась наша любовь, которой было суждено продлиться целых одиннадцать лет.

Чего мне не хватало, так это обезьянки — условия жизни в лагере были совершенно непригодны для нее. В нижнем бамбуковом поясе области Вирунга — не более 2500 метров над уровнем моря — встречаются как золотистые (*Cercopithecus mitis kandti*), так и голубые мартышки, но выше они отсутствуют.

Маленькая пленница — я назвала ее Кимой, что на местном языке означает «обезьяна», — прибыла со мной в лагерь на следующий день, и с тех пор жизнь в нем полностью преобразилась: засвидетельствовать это может каждый, кому приходилось бывать или работать в Кари-соке.

Кима быстро пристрастилась к фруктам и овощам, которые носильщики покупали на базаре в Рухенгери, а также к росткам бамбука — их собирали в нижней части парка, где обитают мартышки. Не прошло и месяца, а Кима уже освоила человеческую пищу: вареную фасоль, мясо, хрустящий картофель и сыр. Затем она ввела в меню закусок клей, таблетки, фото пленку, краски и керосин.

Ее врожденную страсть к разрушению удалось приглушить с помощью кукол, изготовленных из старых носков. Позже я заказала для нее мягкие игрушки в Америке. Любимцем Кимы стал плюшевый мишка-коала со сверкающим носом-кнопочкой и темными глазками — точно такими же, как у нее. Лишенная контакта со своими сородичами, Кима часами возилась с ним и таскала по лагерю. Поскольку я против содержания животных в клетке, Киме разрешалось свободно передвигаться по дому и лесу, но она никогда не уходила далеко от лагеря. В моем домике воцарился постоянный хаос, ибо любая оставленная без присмотра вещь в конце концов оказывалась на верхушке хагении или раздиралась на куски.

Когда я возвращалась домой после встреч с гориллами, меня приветствовала целая группа в составе Кимы, Синди, Вальтера и Вилли. Холодными ночами Кима сидела дома, как правило, в клетке с шарнирной дверцей, через которую могла выйти наружу. Ничто не могло сравниться в том чувством уюта, которое я ощущала, печатая по ночам у потрескивающего камина с собачкой и обезьянкой, спящих в ногах под аккомпанемент доносящихся снаружи призывов сов, даманов, антилоп, буйволов и слонов.

Через два года после появления Кимы мне пришлось на несколько месяцев уехать в Кембриджский университет. За время моего отсутствия с Кимой произошел несчастный случай, и она лишилась глаза. Она оправилась от травмы, но девять лет спустя, в 1980 году, когда я читала лекции в Корнеллском университете, ее не стало. Смерть этого ласкового, хотя и взбалмошного создания невероятно опечалила всех.

В августе 1980 года, когда я вернулась в Карисоке после пятимесячного отсутствия, Синди, которой исполнилось двенадцать с половиной лет, была почти при смерти. Собака узнала меня и проковыляла навстречу, еле-еле помахивая хвостом. Мы пошли к холмику рядом с домом, где была похоронена Кима, и Синди положила голову на досочку с надписью «Кима». Тогда я решила отвезти Синди в Америку, где она «приспособилась» к цивилизации и восстановила свое здоровье. Привыкнув к шуму самолетов и автомобилей, Синди по-прежнему приходит в изумление от кошек, с которыми ей прежде никогда не приходилось встречаться, и от лая соседских собак. В Африке ей лишь изредка доводилось слышать лай собак браконьеров по соседству с лагерем, но сама она так и не научилась лаять. Даже сейчас при встрече с другими собаками Синди молчит.

Лагерь повидал немало животных — пришельцев из окружающих лесов. Однажды в лунную ночь 1977 года я сидела, глядя в окно, и вдруг мне показалось, что со зрением не все в порядке. Я увидела огромную хомяковую крысу (*Cricetomys gambianus*), пожирающую сорго. У Руфуса — так я окрестила это животное — было почти полуметровое туловище и такой же длины хвост. Я никак не могла сообщить, откуда она появилась. Хотя в деревнях у подножия горы таких крыс полно, сомнительно, чтобы она проделала столь далекое путешествие из-за горстки зерен сорго. Через несколько недель к Руфусу присоединилась Ребекка, а потом Рода, Батрат и Робин. Скоро в каждом домике завелось по крысиному семейству, и они стали размножаться с такой угрожающей быстротой, что пришлось лишить их источника пропитания, который и привел их сюда.

К концу 1979 года лагерь превратился в неказистый поселок с девятью домиками, отделенными друг от друга небольшими лужайками и тонушими в зарослях под прикрытием мощных хагений и гиперикумов. На пути от одного домика к другому можно было наверняка встретить несколько чернолобых дукеров (*Cephalophus nigrifrons*), лесных антилоп — бушбоков (*Tragelaphus scriptus*) и африканских буйволов (*Syncerus caffer*). Антилопы и буйволы облюбовали себе окрестности лагеря, ставшие убежищем от браконьеров. Я даже не могла предположить, что столь робкие животные привыкнут к людям, ведь они чаще других становятся жертвами охотников, нежели гориллы, но, очевидно, гора Карисоке оказалась для них последним прибежищем, где они чувствовали себя в безопасности, хотя корма здесь явно не хватало.

Я назвала первого обосновавшегося здесь дукера Примой в честь местного игристого и необыкновенно вкусного пива. Это оказалась самка с вихляющим белым хвостом, темно-янтарными глазами и влажным подрагивающим но-

сом, и, когда она впервые появилась в лагере, ей было около восьми месяцев. В черной, похожей на воротник клоуна шерсти на загривке утопали две шишечки, из которых потом выросли острые, как шило, рога. Первые несколько месяцев со дня появления Прима не общалась с другими дукерами, и я решила, что она сирота. Затем у меня создалось впечатление, что Прима никак не могла разобраться, дукер она, курица или собака. Она часто плелась за курами в их прогулках по лагерю, потому что они служили довольно чуткой пернатой сигнализацией, куда-то уходящей при появлении опасности.

В холодные пасмурные дни Прима нередко проводила время, свернувшись калачиком у лагерьной печи на открытом воздухе, чего ранее за дукерами не замечалось. В яркие солнечные дни она затевала с другими дукерами обычные для них игры: они сталкивались лбами, прятались друг от друга в зарослях и устраивали погони, заканчивавшиеся любовными играми. Прима любила гоняться за курами или Синди и, в свою очередь, бегала от Кимы. Я пыталась отучить Синди от привычки гоняться за дукерами, и она недоумевала, когда Прима преследовала ее. Бывало, что Вальтер, Вильма и другие куры лениво прохаживались по главной тропинке между домиками, как вдруг на нее влетала Синди, за ней неслась Прима и часто даже Кима вслед за ними. Что за шумная куча мала, откуда летели перья и шерсть, получалась из них!

Со временем Прима пристрастилась гоняться по лагерю за людьми, получая особое удовольствие, когда те несли на голове гору посуды или кипу выстиранного белья. Поскольку люди ее никогда не преследовали, Прима не опасалась незнакомцев, хотя и проявляла некоторую осторожность в их присутствии. Впрочем, так и должно быть в заповеднике для животных.

Прима приводила в восторг, а иногда и в изумление многих посетителей лагеря, особенно африканцев. Однажды я водила группу высокопоставленных руандийцев с охраной из вооруженных солдат по кладбищу, где были похоронены жертвы браконьеров, охотящихся на горилл. Наша беседа привлекла Приму, вышедшую из зарослей и как ни в чем не бывало проследовавшую сквозь толпу на луг. Все замолчали. Гости смотрели на щиплющего траву дукера, а во мне затеплилась надежда, что настанет день, когда с браконьерами будет покончено и животные в парке начнут доверять людям.

Как-то некий довольно мрачный браконьер, временно задержанный в лагере, шел под конвоем по главной дорожке между домиками и увидел дремлющую под деревом Приму. Удивление браконьера при виде дукера, спокойно лежавшего в нескольких метрах от него, было довольно комичным. Но к этому примешивалось и чувство удовлетворения, что антилопа, бывшая до этого лишь объектом охоты, доверчиво отнеслась и к нему.

Бушбоки держались более настороженно, чем дукеры, и их можно было наблюдать только ранним утром или при заходе солнца. Самое большое стадо, постоянно пасущееся у лагеря, выросло до семи особей. Его возглавлял огромный, довольно старый самец. Из-за всклокоченной черной шерсти и при слабом освещении его издали можно было спутать с буйволом — настолько массивным было его тело. Примечательно, что старый самец и его подруга смогли избежать ловушек, охотников и собак, подстерегавших их повсюду.

Наблюдения показали, что старые самцы бушбоков нередко жили в одиночку, если не считать отдельных случаев, когда они находились в зависимости от дукеров. Такое содружество наблюдалось как в лагере, так и в лесу. Дукеры служат своего рода сторожами, которые, как правило, пе-

редвигаются впереди бушбоков и при появлении опасности издают пронзительные свистящие звуки. Наверное, дукеры обладают более развитыми органами чувств, чем бушбоки. Мне кажется, что такие взаимоотношения сложились из-за потребности гораздо более крупных бушбоков дольше насыщаться, в противном случае они не успевали бы наестся, если бы слишком часто озирались по сторонам.

Когда я пытаюсь вспомнить самый примечательный эпизод, связанный с поселившимися у лагеря бушбоками, мне всегда приходит на ум следующий случай. Проснувшись в одно прекрасное утро, я, как обычно, выглянула в окно и поразилась сценке, более уместной в фильме Диснея, чем в реальной жизни. Все куры во главе с Вальтером буквально на цыпочках крались к молодому бушбоку. Их головы покачивались на тощих шеях, как у китайского болванчика. Любопытный самец двинулся им навстречу, помахивая хвостом и подергивая ноздрями. Каждая курица по очереди коснулась клювом его носа, и таким образом обе стороны удовлетворили свое любопытство. В это время на тропинке появилась Синди и, увидев происходящее, замерла на месте с приподнятой лапой. Ее появление не понравилось молодому бушбоку, и он, издав резкий лающий звук, ускакал — только мелькнул белый кончик хвоста.

Так же как и антилопы, буйволы, поселившиеся вокруг лагеря, отличались друг от друга характером или внешним обликом. Среди них особенно выделялся одинокий, необычайно общительный с людьми самец в полном расцвете сил с розовой пятнистой мордой. Мы его называли Фердинандом. Он впервые пришел однажды вечером перед самым заходом солнца. В это время мы с двумя африканцами плотничали перед домиком, нарушая вечернюю тишину стуком молотков и визгом пил. Вдруг я почувствовала под ногами сотрясение земли и, обернувшись, увидела бегущего к нам огромного буйвола. Один из работников нырнул в

домик, а второй остался рядом со мной и уставился на Фердинанда. Замерев как вкопанный примерно в пяти метрах, бык вперил в нас неподдельно любопытный взор, не выказывая ни малейшего признака антипатии или страха. Весь вид его говорил о том, что он жаждет развлечений. Мы с помощником снова взялись за молотки и пилы, а Фердинанд после пятиминутного наблюдения удалился, пощипывая траву и не оглянувшись на прощание. С тех пор я не раз встречалась с Фердинандом возле лагеря, чаще всего рано утром, и он по-прежнему благожелательно относился к проходящим мимо людям. Как и в случае с дукером и бушбоком, этот буйвол был еще одним свидетельством доверия лесных обитателей к людям.

Второй самец — старец, которого вначале сопровождала не менее престарелая самка, — был личностью не менее поразительной, чем Фердинанд. Его туловище от крестца до загривка было испещрено шрамами, как дорожная карта, очевидно в результате бесчисленных встреч с другими буйволами или браконьерами. Массивный нарост на голове когда-то был вдвое больше, но с годами стерся. О многочисленных схватках на протяжении его жизни также свидетельствовали поврежденные остатки рогов.

Я назвала старого самца Мзи, что на суахили означает «старик». Меня всегда поражало невероятное зрелище: Мзи, плетущийся за своей старой подругой, которая до последних своих дней служила ему поводырем, когда у того стало ухудшаться зрение. На второй год своей жизни в Карисоке «старик», услышав мой голос по вечерам, медленно подходил ко мне, пожевывая траву, как бы в поисках компании, и позволял поскрести его шелудивый загривок. Однажды утром один из работников, отправившись в лес за дровами, нашел тело старого буйвола в небольшой ложине у речки Кэмп-Крик в тени возвышавшихся над ним гигантов Карисимби и Микено. Трудно представить себе

более подходящее место, где Мзи ушел на вечный покой. Безмятежный пейзаж, окружавший лошину, был под стать величественному патриарху. Хотя он и прожил всю свою жизнь под угрозой гибели от браконьеров, ему удалось бросить им вызов и умереть своей смертью.

За десять лет до естественной смерти Мзи, когда еще не было регулярного патрулирования из Карисоке, рядом с лагерем от браконьеров погибло ужасной смертью несколько буйволов. Первое убийство было совершено во время второго Рождества, проведенного мною в Руанде. Я и не подозревала об ужасающих бойнях, устраиваемых в парке на рождественские праздники, и неосмотрительно покинула лагерь на несколько дней в Рождество 1968 года. По возвращении выяснилось, что мои сотрудники просто-

напросто заперлись в своих домиках ради собственной безопасности. Поблизости я обнаружила останки двух собак браконьеров, раздавленных о крутые берега Кэмп-Крик. Разбросанные буйволиные внутренности вывели меня на близлежащий холм, где браконьеры свеживали тушу. По словам сотрудников, собаки выгнали буйвола из леса на луг, а затем к реке рядом с моим домиком. В борьбе за жизнь буйволу удалось растоптать собак, но он не смог выстоять перед копьями охотников, возглавляемых Муньярукико. С тех пор на праздники я не покидала лагерь.

Второй буйвол был убит через несколько месяцев. Мои люди слышали рев страдавшей от боли «коровы» недалеко от Карисоке. Взяв с собой маленький пистолет, я пошла в указанном ими направлении на крики и обнаружила взрослого буйвола, зажато в расщепленном стволе старой хагении. К сожалению, предсмертные крики пойманного в ловушку животного услышали и браконьеры, которые явились раньше и отрубили обе задние ноги своими пангами. Бедное животное тщетно пыталось встать на обрубки ног в луже крови и навоза. И все же у быка нашлись силы смело вскинуть голову при нашем приближении и фыркнуть. Как не хотелось убивать такого молодца, боровшегося за жизнь до последнего вздоха! По дороге в лагерь мне не давала покоя мысль, что в Вирунге угасло еще одно великолепное творение природы.

В начале 1978 года я организовала еженедельное патрулирование с ночевками в палатках или под деревьями, чтобы полностью оградить парк от браконьеров. Бесстрашные руандийцы, патрулирующие парк под руководством Мутарутквы, приводили в лагерь на поправку многочисленных животных — дукеров, бушбоков и даманов, попавших в ловушки.

В том же году заирская администрация парка позволила мне взять в лагерь молодого самца гориллы четырех с половиной—пяти лет на лечение. За четыре месяца до этого он угодил в проволочную петлю ловушки для антилоп, и его истощенное обезвоженное тело было уже поражено гангреной, начавшейся в обезображенном, гноящемся обрубке ноги. Когда я получила малыша, он был обречен, но я не могла не оценить поступка заирского директора, пытавшегося сделать все возможное для безнадежно больного животного и надеявшегося, что после выздоровления он будет выпущен на волю, а не продан в какой-нибудь зоопарк в Европе.

Новичок был немедленно помещен в хижину со свежей зеленью и ежевикой и прошел полный курс лечения, опробованный раньше на Коко и Пакер. Детеныш набросился на привычную пищу, уплетая ее за обе щеки и даже пытаясь ходить. К тому же он умудрился урчать от удовольствия, узнавая знакомые лесные звуки, запахи и растительность. Шесть дней он доблестно боролся с запущенной пневмонией, обезвоживанием организма, шоковым состоянием и гангреной, но победить не смог. Сказать, что он умер спокойной смертью, без мук, было бы неверно, но ему была предоставлена возможность вернуться в родные горы, а не умереть в одиночку на цементном полу клетки зоопарка без ласки, ухода и любви. Выживи он, я бы нарекла его Ходари, что на суахили означает «храбрец». При вскрытии в больнице Рухенгери обнаружилось, что его легкие превратились в сплошную серовато-белую массу. Удивительно, что детеныш сумел так долго протянуть.

Поскольку гориллу поймали у границы парка под южным склоном горы Микено, я велела патрулям с особым вниманием осмотреть эту местность и отыскать остатки его группы. Поиски, однако, ничего не дали. Тем не менее в седловине между Карисимби и Микено патрули встретили

множество браконьеров, обезвредили большое число ловушек, редко возвращаясь в лагерь без жертв незаконного промысла.

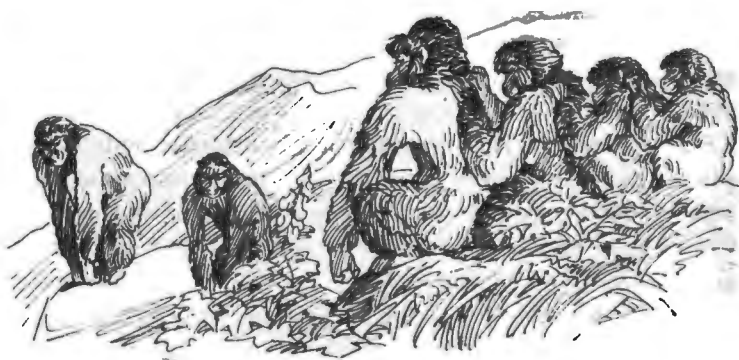
Однажды вечером, через несколько месяцев после смерти гориллы, африканцы привели в лагерь какое-то черное животное. Я бросилась им навстречу, думая, что они нашли еще одну попавшую в ловушку гориллу. И, только оказавшись рядом, я увидела, что у этой жертвы браконьеров длинный, едва виляющий хвост, два острых, стоящих торчком уха и необыкновенные глаза изумрудного цвета. Это оказалась немолодая собака, попавшая в то утро в проволочную ловушку, поставленную на антилоп. Патруль обнаружил ее, когда она беспомощно вертелась в петле. Проволока врезалась в ногу до кости и уже повредила надкостницу, но люди вовремя высвободили несчастную суку и осторожно принесли ее в лагерь. Я перевязала ужасную рану и заметила на другой лапе две узкие полоски белой шерсти на высоте нескольких сантиметров от земли, свидетельствующие, что она и раньше попадала в ловушки.

Целых три месяца она стойко переносила ежедневное промывание раны и перевязки. Вначале я опасалась, что ногу придется ампутировать ниже колена. Хотя мне неоднократно приходилось встречаться с собаками браконьеров, эта была первой, которая быстро привыкла к незнакомому доселе белому человеку. Ее приветливость, доверие и спокойное отношение к шипящим керосиновым лампам, тахтящей пирующей машинке и громко вещавшему радиоприемнику убедили меня, что ее, как и Синди, браконьеры в свое время похитили у европейцев. Она быстро приспособилась к жизни в лагере, но я не могла выпускать ее на улицу без присмотра из-за многочисленных антилоп, включая Приму, которая давно считала лагерь своим домом. Страсть к охоте уже захватила ее, и я никак не могла отводить ее от погонь за антилопами, за Кимой или курами.

Кима скоро сообразила, что новичок обуздан поводком, и стала получать удовольствие, прыгая на жестяной крыше моего домика и дразня собаку всякий раз, как я ее выпускала.

Когда нога у собаки зажила, я задумалась, что с ней делать. Пока я размышляла о ее судьбе, в середине 1979 года в Карисоке прибыла киносъемочная группа телевизионной компании Эй-би-си отснять материал о гориллах. Присутствие новых людей было для меня праздником. Я пришла в восторг, что в лагере появились девять посланников из внешнего мира. Среди них был Эрл Холлимен, актер, уже давно принимающий активное участие в деятельности одного из обществ, пропагандирующих гуманное обращение с домашними животными, в частности организации «Актеры и прочие — за животных». Выслушав историю собаки, Эрл назвал ее Поучер (браконьер). Однажды он спросил меня: «Как думаешь, Поучер сможет жить в Студио-сити в Калифорнии?» С того момента я почти поверила в чудеса. Несколько недель спустя Поучер улетела на авиалайнере в Голливуд где ветеринар провел ее полное медицинское обследование. Она до сих пор живет вместе с Эрлом и выбилась в телезвезды, зарабатывая немалые деньги как борец за права животных. Сотрудники в Карисоке вправе гордиться своей ролью в судьбе Поучер, похожей на судьбу Золушки.

Глава седьмая

ПЕЧАЛЬНЫЙ КОНЕЦ ДВУХ СЕМЕЙСТВ ГОРЙЛЛ

В течение первых двух месяцев работы в Карисоке мне приходилось делить свое время почти поровну между группой 4 под предводительством серебристоспинного самца Уинни, занимавшей юго-западный и западный склоны горы Високе, и группой 5, возглавляемой Бетховеном и обитавшей на юго-восточном склоне. В общей сложности обе группы насчитывали 29 особей, но, поскольку я еще не могла с точностью опознать половину из них, мне приходилось только догадываться о степени родства между взрослыми животными. Мои догадки строились на близости одних членов групп в сравнении с агрессивными антагонистическими реакциями других. Сходство таких внешних признаков, как «отпечатки носа», цвет шерсти, наличие сросшихся пальцев или косоглазие, также играло важную роль в установлении родственных связей в группах. К счастью, благодаря сильной сплоченности семейств отца каж-

лого детеныша легко определить с достаточно высокой степенью достоверности. Первые дни уходили на то, чтобы выяснить состав двух основных групп и отыскать ключ к генетическим связям между отдельными особями.

В этот период в районе наблюдений впервые появилась третья группа, которой я впоследствии присвоила номер 8. (Группа 6 была окраинной, а группы 7 не оказалось вовсе — по ошибке я не смогла узнать членов группы 5, которые однажды питались отдельно от других.) Впервые группу 8 я увидела в бинокль на склоне горы Високе, когда та находилась метрах в ста пятидесяти выше меня. Даже с такого расстояния можно было распознать старого самца с широкой серебристой полосой на спине, черноспинного красавца в расцвете лет, двух самцов помоложе и замыкающую группу дряхлую самку. Не подозревая о моей близости, они неспешно пробирались через заросли крапивы, поедая ее, а потом пересекли широкую тропу для скота, ведущую в лес. Наблюдая за группой, я не могла не восхищаться при виде того, как животные периодически прерывали кормежку, поджидая отставшую старуху.

На следующий день я вышла на группу 8 в седловине к западу от Високе и приблизилась к гориллам на расстояние около двадцати метров. Они встретили меня спокойно, и это было тем более удивительно, что группа не выкла к человеку. Первый, кто обнаружил мое присутствие, был молодой серебристоспинный самец, который горделиво забрался на обломок скалы, поджав губы, оглядел меня, а затем снова принялся за еду. Я присвоила ему кличку Паг (сокращенное от «пагнейшс» — драчун). Его примеру последовал необыкновенно привлекательный самец с черной спиной — он оторвал лист, несколько секунд «пожевал» его губами и выплюнул. Это было типичное проявление замещающей деятельности, известной под названием «мнимое кормление» и вызываемой легким чувством тре-

воги. Похлопав руками по растениям, этот великолепный самец заковылял в заросли и скрылся из виду, очевидно весьма довольный самим собой. Я назвала его Самсоном. Затем в поле моего зрения появились два юнца — они с озорным видом плюхнулись на спину и усталились на меня снизу вверх, как мне показалось, с кривой улыбкой. Со временем они получили клички Гизер и Пинатс. Когда появилась старая самка, она скользнула по мне безразличным взглядом и, перед тем как усесться рядом с Пинатсом, подставила ему свой зад, чтобы он его почесал. Я назвала ее Коко за шоколадный отлив шерсти, и именно в честь ее я окрестила шестнадцать месяцев спустя первую пленницу в Карисоке.

Последним был старый серебристоспинный самец. За долгие годы работы мне никогда не встречался экземпляр со столь величественной осанкой и царственным взглядом. Серебристая шерсть начиналась со скул, спускалась по шее и плечам к спине, опоясывала туловище и заканчивалась на бедрах. Не имея ничего лучшего для сравнения, как гориллы, виденные ранее в зоопарке, я предположила, что ему не менее пятидесяти лет. При виде такого благородного создания я сразу же стала подыскивать для него подходящее имя. Первое, что мне пришло на ум, было слово «рафики» (на суахили — «друг»). Поскольку дружба предполагает взаимное уважение и доверие, я так и нарекла этого царственного вожака.

Гизер и Паг очень походили друг на друга в профиль своими почти пороссячьими пятчиками, столь не похожими на носы остальных самцов и Коко. Внешнее сходство плюс близость между обоими самцами позволяли предположить, что у них общие родители. Не исключено, что их мать, отсутствующая в группе 8, скончалась до их прибытия в район наблюдений. Исходя из аналогичного сходства и

близости, Коко была матерью Самсона и Пинатса, а отцовство, несомненно, принадлежало Рафики.

Коко и Рафики устраивались в одном гнезде и напоминали почтенную состарившуюся супружескую пару, не нуждающуюся в лишних доказательствах для подтверждения взаимного уважения. Присутствие Коко среди самцов группы 8 действовало на них в высшей степени успокаивающе и часто побуждало их к взаимному уходу. Такое ухаживание, носящее социальный и чисто утилитарный характер, заключалось в том, что животные губами или пальцами раздвигают шерсть друг на друге и тщательно выбирают из нее паразитов, чешуйки кожи и растительный мусор. Обычно эту процедуру начинала Коко, затем к ней присоединялось большинство других членов группы, и буквально через несколько минут выстроившиеся в цепочку гориллы, забыв обо всем на свете, занимались взаимной гигиеной.

Что касается чисто поведенческих реакций, то есть действий, вызванных присутствием человека, то у группы 8 они сводились скорее к элементам бахвальства, позерства и любопытства, нежели к проявлениям агрессивности или страха. Эта необычная группа из-за отсутствия нуждающихся в защите малолеток, мирилась с моим присутствием и доверяла мне с самого начала. Она даже считала мое появление поводом отступить от порядком надоевшей ежедневной рутины. Самсон реагировал оживленной других, и видно было, что он получает огромное удовольствие. Пинатс часто пытался подражать Самсону. Когда они становились на ноги и синхронно били себя в грудь, одновременно выбрасывая в сторону правую ногу, то это смахивало на дуэт эстрадных артистов. Закончив номер, они смотрели на меня, словно пытаясь определить, какое впечатление произвели. Самсону также нравилось устраивать шум — он ломал ветки и благодаря внушительному весу с грохотом

плюхался на землю. Однажды он забрался на высокое засохшее дерево прямо над моей головой. Как опытный лесоруб, он сначала примерился, в какую сторону свалится дерево. Затем, раскачавшись и попрыгав, он повалил его рядом со мной и убежал с лукавой улыбкой.

Мне нередко задают вопрос, какой эпизод с гориллами я вспоминаю особенно охотно. На него очень трудно ответить, потому что каждый час, проведенный с ними, имеет свое очарование. Первый случай, когда мне показалось, что я столкнулась с неосязаемым сродством человека и обезьяны, произошел приблизительно через десять месяцев после того, как я начала работать в Карисоке. Пинатс, самый молодой самец в группе 8, кормился примерно метрах в пяти от меня, но вдруг перестал есть и уставился на меня. Выражение его глаз было совершенно непроницаемым. Зачарованная его взглядом, я ответила ему тем же, и мне казалось, что мои глаза выражают немой вопрос и полное расположение. Это незабываемое созерцание кончилось тем, что Пинатс глубоко вздохнул и не спеша продолжил свое занятие. Я же вернулась в лагерь, внутренне ликуя, и сразу составила телеграмму д-ру Лики: «Наконец принята гориллой за свою»¹.

Через два года после памятного обмена взглядами с Пинатсом он стал первой гориллой, которая притронулась ко мне. Этот день начался как обычно, если работу в Карисоке вообще можно назвать обычной. Очень хотелось, чтобы он стал выдающимся, потому что на следующее утро мне предстояло отбыть в Англию на семь месяцев для работы над

¹ Через девять лет после смерти д-ра Лики я узнала, что он несколько месяцев носил эту телеграмму с собой и даже взял ее в поездку по Америке, когда его пригласили читать лекции. Мне сказали, что он с гордостью зачитывал ее так же, как в свое время рассказывал о необыкновенном успехе Джейн Гудолл с шимпанзе.

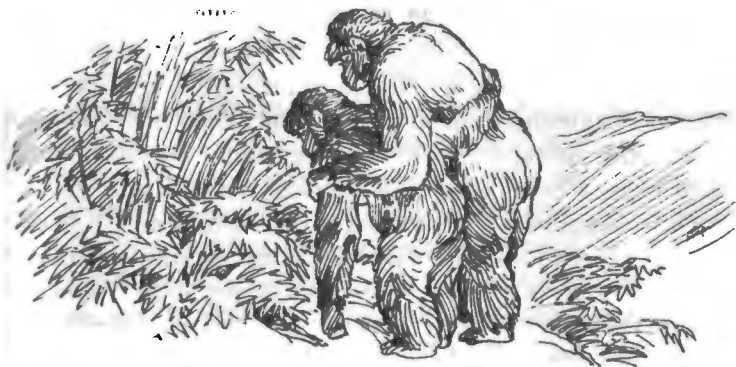
докторской диссертацией. Мы с Бобом Кэмпбеллом отправились на западный склон горы Високе с намерением выйти на группу 8 и вскоре обнаружили ее за кормежкой в неглубокой, густо заросшей лошине. На гребне, ведущем к лошине, выстроились высокие хагении, которые можно было использовать как отличные наблюдательные пункты с прекрасным обзором. Едва мы с Бобом удобно устроились на мшистом стволе хагении, как Пинатс отделился от группы и направился к нам, виляя из стороны в сторону, словно требуя развлечений. Я медленно спустилась с дерева и притворилась, что жую листья, чтобы Пинатс не сомневался в моих мирных намерениях.

Пинатс блестящими глазами следил из-за кустов, а потом подошел ко мне важной раскачивающейся походкой. Очутившись рядом, он присел и стал наблюдать, как я «ем», полагая, что теперь настал мой черед развлекать его. Когда ритуал наскучил ему, я принялась чесать голову, и он сразу занялся тем же. Поскольку Пинатс выглядел совершенно миролюбивым, я улеглась на траву, медленно вытянула руку ладонью вверх и положила ее на землю. Пристально посмотрев на мою руку, Пинатс встал, прогнул руку и на секунду коснулся моих пальцев. В восторге от собственной смелости он дал волю чувствам, заколотив себя по груди, и вернулся к группе. С тех пор это место стало известно под названием «фаси я мкони» — место рук. Этот контакт, пожалуй, оставил самое яркое впечатление о жизни среди горилл.

Процесс привыкания к людям обезьян из группы 8 шел гораздо быстрее, чем у других, в основном благодаря ровному, терпимому характеру Рафики и тому важному обстоятельству, что в группе не было нуждающихся в защите детенышей и гориллам не надо было прибегать к агрессивным действиям. Их «детенышем» была самка преклонного возраста, Коко, пользующаяся вниманием остальных чле-

нов группы. Коко выглядела даже старше Рафики из-за своего изборожденного морщинами лица, лысеющей головы, облезлого крестца, седеющих волос и дряблой кожи на лишенных волос руках. У нее также не хватало нескольких зубов, и она перетирала пищу деснами. Коко часто сидела сгорбившись и прижав одну руку к груди, а другой произвольными движениями быстро поглаживая свою голову. Сидя в такой позе со слезящимися глазами и отвисшей губой, она являла собой довольно жалкое зрелище. Я подозревала, что ее слух и зрение уже порядком притупились.

Коко, Рафики, Самсон и Пинатс проявляли друг к другу необыкновенное чувство привязанности, и в этом не было ничего удивительного, если учесть, сколько лет это семейство прожило вместе. Однажды я сидела, спрятавшись метрах в сорока от группы, занятой кормежкой на широком обнаженном склоне горы. Гориллы основательно рассредоточились, причем Рафики находился выше всех и постепенно продвигался вверх. Ниже всех находилась Коко. Увлечшись едой, она незаметно удалилась от группы. Внезапно Рафики прекратил есть, застыл, к чему-то прислушался и начал издавать резкие звуки с вопросительной интонацией. Коко, очевидно, услышала их, потому что тоже приостановилась и повернулась в их направлении. Рафики, находящийся вне поля ее зрения, присел и стал смотреть вниз. Остальные животные последовали его примеру, ожидая, пока Коко присоединится к ним. Она медленно поползла вверх, иногда останавливаясь, чтобы определить, где находится, а затем продолжала, плутая, пробираться к терпеливо поджидающим ее самцам. Как только Рафики появился в ее поле зрения, старая самка двинулась напрямик, обмениваясь с ним приветственным урчанием, пока не оказалась совсем рядом. Они посмотрели друг друга в глаза и обнялись. Коко положила руку ему на спину,

и Рафики сделал то же самое. Затем они двинулись вверх по склону в обнимку, как два довольных собой заговорщика. Трое самцов последовали за ними, а Паг провожал их взглядом с почтительного расстояния. В конце концов и он скрылся за гребнем. В этот день я так и не дала группе 8 знать о моем присутствии, ибо мне показалось неприличным вмешиваться в их взаимоотношения.

Работа на западном склоне горы Високе часто сводила меня с группами 4 и 8 в один и тот же день на участке около пяти квадратных километров. Чередующиеся друг с другом контакты с этими группами ежедневно давали мне информацию об их маршрутах и местонахождении. Поэтому в декабре 1967 года меня застали врасплох крики и удары в грудь, доносившиеся от незнакомой группы в седловине между Високе и Микено, где обычно находилась только группа 8.

Я начала искать эту «призрачную» группу и, когда наконец вышла на нее, присвоила ей номер 9. Серебристо-спинного вожака в возрасте примерно двадцати пяти — тридцати лет я нарекла Джеронимо. Он обладал довольно примечательной внешностью благодаря рыжему треуголь-

нику шерсти на массивной коричневой холке и пышному иссиня-черному покрову на рельефных грудных мышцах, напоминающих стальные тросы. Его помощником был черноспинный самец Гавриил в возрасте около одиннадцати лет. Я дала ему библейское имя, потому что он первым обнаружил мое присутствие и оповестил о нем группу ударами в грудь и криками. Сильное внешнее сходство между обоими самцами позволяло предположить, что у них один отец. Одна из взрослых самок тоже легко опознавалась по свежей ране от ловушки, поскольку не могла пользоваться правой рукой. Ее кисть с опухшими розовыми пальцами безжизненно свисала, и молодая самка часто придерживала ее здоровой рукой, как куклу. За две недели она наловчилась есть, зажимая стебли локтевым суставом правой руки или ногами, а рот и левая рука служили для более тонких операций — сдирания кожицы или отбрасывания несъедобных частей растений. Ей удавалось забираться на деревья и сползать с них, обхватив ветви или ствол правой рукой, не касаясь больной кистью.

Через два месяца после того, как я увидела ее впервые, самка исчезла, и я сочла ее погибшей. Главенствующей самкой в гареме Джеронимо была Мейденформ (грудастая девица), прозванная так за ее огромные свисающие груди. У каждой из четырех взрослых самок в группе 9 было по крайней мере по одному грудному детенышу, что свидетельствовало об успешном выполнении Джеронимо своих функций производителя.

Появление группы 9 в районе наблюдений довело общее количество исследуемых животных, теперь уже в четырех группах, до 48 особей, причем соотношение взрослых самцов к самкам, а также взрослых к подросткам и детенышам составляло 1:1,1 на начало 1968 года.

К тому времени Коко, самая старая самка в группе 8, уже потеряла способность рожать. Пинатс, которому было

около шести лет, был ее последним отпрыском. Таким образом, в группе 8 уже не было самок, способных рожать, и Рафики, старый, но сохранивший потенцию вожак, стал подыскивать себе партнершу в группе 4, где четыре самки приближались к половозрелому возрасту или уже достигли его.

Контакты между отдельными группами происходят чаще, если их территории накладываются друг на друга, как это было на западном склоне горы Високе в первые годы работы. Вскоре состоялась неизбежная встреча групп 4 и 8, и Рафики несколько дней следовал за группой 4, стремясь вступить в контакт с ее самками.

Первое randevу между обеими группами состоялось на отделенных друг от друга ущельями гребнях, расположенных на окраине территории группы 8 на юго-западном склоне Високе. Поднимаясь к громко переговаривающимся животным, я оказалась свидетельницей настоящего представления, устроенного пятью серебристоспинными самцами, порхающими с ветки на ветку, подобно воздушным акробатам в цирке. Там было три самца из группы 4 и Рафики с Пагом из группы 8. Перепрыгивая с дерева на дерево параллельно друг другу, они били себя в грудь и с треском ломали сучья. Их мощные, мускулистые тела меняли цвет от белого до тончайших оттенков серого на контрастном фоне окружающей зелени. Они были настолько увлечены своим занятием, что не замечали моего присутствия.

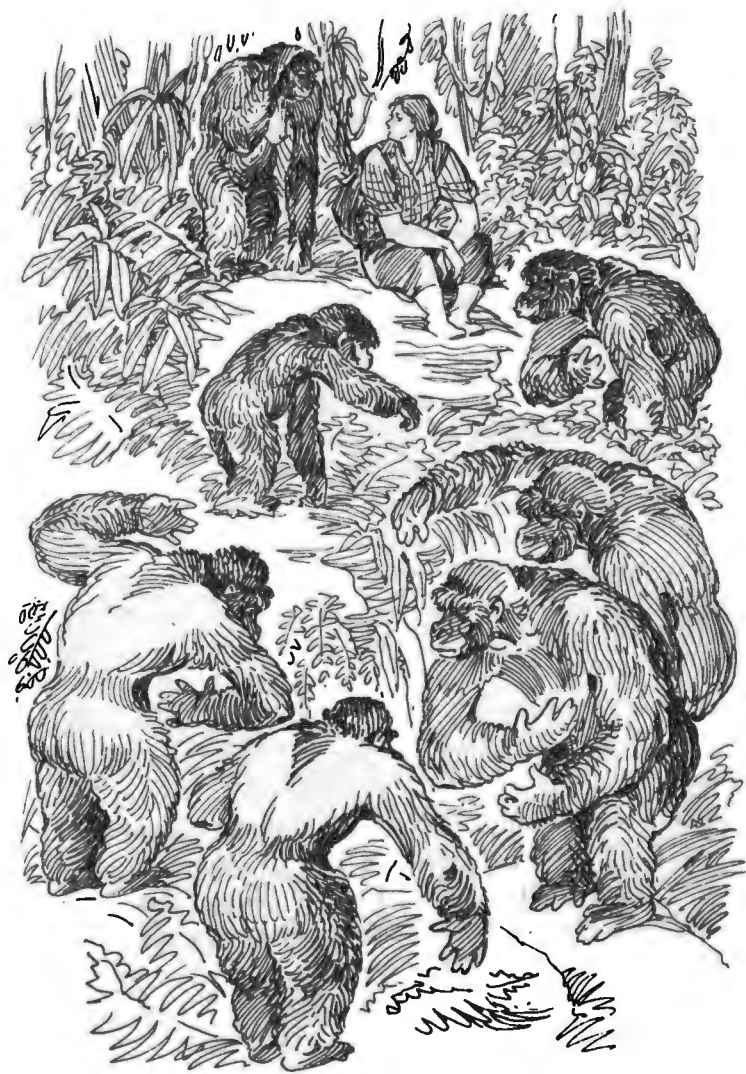
Надеясь остаться незамеченной, я подползла к ближайшей хагении и обнаружила старую Кокѳ: она стояла, прислонившись к стволу дерева, и водила одной рукой по голове, тогда как другая лежала поперек груди. Она взглянула на меня и глубоко вздохнула, как бы говоря: «Ох уж эти мужики!» Иногда подбегал Пинатс, как бы удостовериться, что она не сошла с места. Обняв ее, он присоединился ко

второму молодому самцу группы 8, Гизеру, и оба они выдавали барабанную дробь по груди, запугивая трех самцов группы 4.

В этом спектакле, учиненном самцами обеих групп, чувствовалось скорее возбуждение, нежели агрессивность. Внимательно наблюдая за сдержанностью одновременных проявлений эмоций двумя вожаками — Рафики из группы 8 и Уинни из группы 4, — у меня сложилось впечатление, что оба самца были одинаково опытными в подобных встречах и поэтому не ввязывались в драку из-за взаимного уважения друг к другу, основанного на многочисленных предыдущих встречах. К концу дня группы разошлись, хотя обмен ударами в грудь и криками продолжался еще несколько часов, несмотря на разделяющее их расстояние.

Два месяца спустя, в феврале 1968 года, Рафики оставил попытки установить контакт с группами 4 и 9, хотя они продолжали бродить по западному склону Високе. Старая Коко сильно ослабела, и, поскольку ей трудно было поспевать за остальными членами семейства, Рафики следил, чтобы группа передвигалась и кормилась достаточно медленно. 23 февраля я встретила группу 8 и не увидела ни Коко, ни Рафики. А четыре самца — Паг, Гизер, Самсон и Пинатс — были увлечены беззаботной игрой, как мальчишки в летнем лагере. Пройдя обратно по следам группы, я обнаружила их соединенные друг с другом гнезда, где они, по всей видимости, провели две ночи; дальше следы обрывались. Через два дня Рафики вернулся в группу один, а тело Коко так и не было найдено.

Исчезновение старой самки, скорее всего по причине естественной смерти, привело к разладу среди самцов. Ссоры между ними участились, и они возобновили контакты с соседствующими группами 4 и 9.

Первая встреча группы 8 с группой 9 состоялась через пару дней после исчезновения Коко довольно далеко от того места, где я ее видела в последний раз. Мы со следопытом неожиданно столкнулись с группой 9 чуть не лоб в лоб. Мой помощник едва успел нырнуть под огромную хагению, и гориллы нас не заметили. Под прикрытием высокой травы я забралась на это же дерево для лучшего обзора местности. Буквально через несколько секунд снизу раздался громкий треск веток. Спрятавшись за толстыми лианами, я с удивлением наблюдала, как Рафики вел свою группу вдовцов к группе 9 без ударов в грудь или криков, обычно предшествующих подобным встречам. Единственным признаком возбуждения от предстоящего контакта был резкий запах, исходящий от Рафики. Самсон и Пинатс почти тут же вступили в общение с тремя молодыми самцами группы 9. Рафики спокойно приступил к сооружению дневного гнезда в дупле хагении подо мной, не подозревая о нашем присутствии. Раньше я считала, что обоняние у горилл развито сильнее, чем у людей, но в данном случае это предположение не подтверждалось.

В тишине, длившейся около получаса, случайно сломанная мною ветка прозвучала, как пистолетный выстрел. Рафики выскочил из гнезда и недобрым взглядом скользнул вверх по лианам. Затем величественный серебристоспинный самец не спеша обошел ствол и застыл в полутора метрах от дерева. Он с укором уставился на меня, нервно шевеля губами, что свидетельствовало о его стрессовом состоянии. Напустив на себя невинный вид и беспокоясь, чтобы у меня не затекла нога, я посмотрела на небо, зевнула и почесалась, а старый самец под деревом продолжал негодовать, не подозревая, что всего в нескольких метрах от него притаился мой следопыт.

Члены группы вначале заинтересовались тем, как Рафики поведет себя в присутствии человека, но вскоре им

это надоело, и они отправились на кормежку после традиционных криков и ударов в грудь. Рафики сразу же последовал за ними, а я не могла отделаться от мысли, что он был внутренне доволен представившейся ему возможностью сыграть роль посредника между человеком, освоившимся с гориллами, и гориллами, еще не привыкшими к человеку.

На северо-западном склоне горы Високе располагалось несколько отрогов, поросших пигеумом (*Pygeum africanum*), которые посещали одновременно группы 8 и 9. Плоды этого дерева весьма ценятся гориллами, и, когда такой вид строго приурочен к определенной местности, между отдельными группами неизбежно возникает конкуренция и увеличиваются шансы на контакты. Привлеченные редким лакомством группы 8 и 9 часто подолгу общались на этих отрогах.

Более властный и опытный Рафики по сравнению с Джеронимо засталбил за своей группой наиболее плодоносящие деревья, растущие выше по склону, а Джеронимо со своей группой пришлось довольствоваться плодами менее ценных деревьев. Меня всегда удивляло, как стопятидесятикилограммовые махины карабкаются по тонким ветвям на высоте около двадцати метров от земли и пригоршнями набивают рты как можно плотнее, а затем слезают вниз и, сидя у ствола, начинают смаковать добычу.

Однажды Пинатс и Гизер, которым наскучила долгая кормежка, резво понеслись вниз по склону вместе с несколькими подростками из группы 9. Оба самца из группы 8 не заметили Джеронимо, шедшего в арьергарде семейства. Угрожающе захрюкав, он кинулся им навстречу. Молодые самцы тут же затормозили и, привстав на ноги, обнялись с паническим выражением на лицах. Они быстро поверну-

лись и побежали назад к своей группе, издавая крики страха. Джеронимо преследовал их до самого гребня, где встретился лицом к лицу с Рафики, вставшим на защиту Пинатса и Гизера. Но благоразумие восторжествовало: Джеронимо повернулся и отвел своих сородичей подальше от холостяков.

Отсутствие Коко и редкие встречи с другими группами усилили разлад в группе 8, состоявшей исключительно из самцов. Пак и Гизер в конце концов покинули родную группу и стали вместе бродить по северному склону Високе, значительно удаленному от территории группы 8. После их ухода Рафики остался со своими сыновьями Самсоном и Пинатсом. Но ссоры между Рафики и старшим сыном продолжались еще около года. Трения между ними особенно усиливались, когда три самца встречались с другими группами, и возбуждение Самсона, передававшееся Рафики, выходило за рамки его терпения. Старику ничего не стоило утихомирить Самсона: он быстро подходил или подбегал к своему половозрелому сыну, который немедленно принимал смиренную позу, упираясь локтями в землю, отводя глаза от отца и выставляя зад вверх. Рафики было достаточно постоять в угрожающей позе несколько секунд с вздыбившейся на голове шерстью, вперив в Самсона яростный взор, как в группе на какое-то время воцарялось спокойствие.

Через три с половиной года после кончины Коко Рафики обзавелся двумя самками — Мачо и Мэйзи — из группы 4 в результате ожесточенной стычки в июне 1971 года. Во время схватки правый глаз Пинатса был поврежден — его укусил Дядюшка Берт, молодой серебристоспинный самец, возглавивший группу 4 три года назад после смерти Уинни.

С приобретением двух новых самок Рафики явно оживился. Он ревностно охранял свой гарем от Самсона, что

усилило трения между отцом и сыном. Было очевидно, что Самсон, оставаясь в родной группе, бесцельно растрачивал свои лучшие годы. Сын был поставлен в такие условия, что ему не оставалось ничего другого, как по примеру Пага и Гизера покинуть группу. Самсон превратился в маргинального одиночку, то есть самца, вынужденного передвигаться на расстоянии от 100 до 200 метров от родной группы до тех пор, пока он не отвоеует себе собственную территорию и не приобретет достаточно опыта контактов с другими группами, чтобы обзавестись самками и удержать их при себе. Такой маргинальный одинокий образ жизни — неизбежный этап для каждого созревающего самца, если только ему не посчастливится найти партнершу в составе родной группы. С уходом Самсона Рафики остался с Мэйзи и Мачо, двумя молодыми самками из группы 4, и юным Пинатсом.

В сентябре 1971 года Самсон неожиданно вернулся со своей отдаленной территории и отобрал Мэйзи у Рафики. Через четырнадцать месяцев мне удалось встретить Мэйзи и Самсона с новорожденным детенышем. В июне 1973 года Рафики доказал свои отцовские способности, когда его единственная самка родила девочку, названную мной Тор.

Группа 8 продолжала существовать в необычном составе: Рафики, его молодая супруга Мачо, одиннадцатилетний сын Пинатс и крохотная дочь Тор. Явно довольный своим небольшим семейством, Рафики перестал искать контакты с другими группами. Когда Тор исполнилось шесть месяцев, Рафики сделал последнюю попытку войти в контакт с группой 4. Я обратила внимание на то, что удары в грудь и крики старого самца были неубедительны, хотя он по-прежнему сохранял внушительную внешность. Очевидно, он осознал, что годы славы миновали.

В ноябре 1971 года, через пять месяцев после того, как Рафики забрал Мачо из группы 4, мы со следопытом начали интенсивные поиски группы 9, которую я не видела уже несколько месяцев. Наконец мы нашли ее в седловине между Високе и Микено, почти в том же месте, где эта группа была впервые обнаружена четыре года назад. Правда, вместо тринадцати взрослых особей, которых я ожидала увидеть, в группе 9 осталось всего пятеро. Когда-то мощный Джеронимо сильно сдал: его мускулистая грудь стала впалой, а иссиня-черная шерсть на туловище поблекла и поредела. Правая рука была обезображена и ссохлась, вероятнее всего в результате попадания в ловушку, а на спине и бедрах виднелись многочисленные раны. Я бы, наверное, не узнала Джеронимо, если бы не выцветшие остатки рыжей шерсти на лбу и присутствие рядом с ним Мейденформ, одной из четырех самок, когда-то входивших в состав группы 9. Я попыталась было спрятаться, но через час хворый самец догадался о том, что неподалеку находится человек. С выражением тревоги на лице Джеронимо с большими усилиями встал на ноги и осмотрел окрестности. Он буквально источал сильный запах страха, встревоживший самок и детенышей, которые, сгрудившись вокруг него, готовы были кинуться наутек. Я вынуждена была выйти из укрытия, но, к счастью, Джеронимо меня узнал, и все семейство неспешно вернулось к прерванной кормежке.

Больше я Джеронимо никогда не видела, хотя Мейденформ и несколько других самок из группы 9 были позднее замечены среди горилл двух разных групп на северо-западном склоне Високе и в седловине к западу от этой горы. Я так и не знаю, стал ли Джеронимо жертвой браконьеров или умер естественной смертью, но второе вероятнее всего. На протяжении нескольких лет его помет становился все

более слизистым и кишел паразитами (*Anoplocephala cestoda*); во всяком случае, в последний раз, когда я его видела, он был явно нездоров. Его смерть, безусловно, означала конец группы 9 как единицы сообщества горилл, ибо без серебристоспинного вожака семейство существовать не может.

С уходом группы 9 с северо-западного склона горы Високе шансы на встречу между группами 4 и 8 резко сократились, так как территории их миграции стали относительно больше. Рафики, однако, вполне устраивало провести остаток жизни с необычной по составу маленькой группой 8, от которой Пинатс иногда отдалялся на километр в надежде встретить какую-нибудь группу и пообщаться с ней.

Социальное окружение маленькой Тор — ей было уже одиннадцать месяцев — резко отличалось от тех условий, в которых находились общительные детеныши группы 5 с ее развитой системой семейных связей. Отсутствие товарищей по играм лишало Тор возможности приобретать двигательные навыки. В этом отношении она на три месяца отставала от своих сверстников, растущих в многодетной семье. Единственным, кто мог помочь ей в играх, была мать Мачо, а в одиночку ей оставалось играть только с растениями. Тор весила килограмма на три меньше, чем средний детеныш ее роста, и ее редко можно было увидеть на расстоянии более трех метров от Мачо, в то время как ее сверстники резвятся вне поля зрения матери. Кроме отсутствия внешних стимулов, причиной скованности Тор мог служить и тот факт, что она была первым ребенком у Мачо, не имевшей еще опыта обращения с детьми.

Рафики — моему любимцу на протяжении семи лет — так и не довелось дожждаться, когда его последнему детенышу исполнится год. В апреле 1974 года величественный

горный монарх скончался от пневмонии и плеврита, и от группы 8 остались лишь Мачо, Тор и Пинатс. За неделю до смерти Рафики мало двигался и ел, а Мачо и Пинатс активно кормились вблизи слабеющего старого самца, кружа в радиусе 15 — 30 метров.

Весть о смерти Рафики застала меня в Кигали, столице Руанды, где я останавливалась по возвращении из Кембриджа. Один из моих стажеров, оказавшийся в столице по пути в Англию, постучал в дверь моего номера гостиницы, держа в руках пластиковый мешок, из которого сочилась зловонная жидкость. Без обиняков студент заявил: «Это шкура Рафики, и я хочу увезти ее с собой». Ошеломляющее впечатление от печальной новости усугублялось гнусным свидетельством надругательства над величием, силой и достоинством Рафики. Разъяренная его заявлением, я немедленно отобрала мешок.

Молодой серебристоспинный самец Пинатс, сын Рафики, в то время странствовал вместе с Мачо и Тор. Четыре недели спустя произошло неизбежное. Когда старого вожака не стало и судьба Мачо, взрослой самки без прочных семейных связей, зависела от неопытного Пинатса, Дядюшка Берт привел группу 4 на территорию, некогда занимаемую группой 8. Пинатс, конечно, не мог на равных соперничать с Дядюшкой Бертом. На двадцать седьмой день после смерти Рафики одиннадцатимесячная Тор была убита в кровавой схватке между двумя группами. Дядюшка Берт прокусил малышке череп и пах. Остаток дня Мачо таскала тело Тор и в конце концов уложила его метрах в десяти от ночного гнезда. На одиннадцатый день после детоубийства Мачо сошлась с не достигшим половой зрелости Пинатсом. Но через пять месяцев Дядюшка Берт отобрал Мачо у молодого самца после очередной жестокой схватки.

Целых девятнадцать месяцев Пинатс тщетно пытался обзавестись самкой из других групп. Как и все молодые серебристоспинные самцы, лишенные возможности найти себе спутницу жизни в родной группе, Пинатс вынужден был некоторое время странствовать в одиночку, чтобы накопить опыт общения с другими гориллами, обзавестись собственной группой и приобрести навыки вожака, способного защитить ее от посягательств других более опытных самцов. Я огорчалась, видя, как Пинатс в одиночку бредет по лесу, когда еще было свежо воспоминание о его резвых играх в лоне своей маленькой семьи.

Наконец в ноябре 1975 года Пинатса увидели в обществе молодой гориллы, названной мной Битсми («Ума не приложу»), так как мне ничего не было известно о ней. Битсми отличалась необычной терпимостью к наблюдателям, и, поскольку Пинатс нашел ее на северо-западном склоне Високе, где обычно паслась группа 9, я не исключала возможности, что это — одна из взрослых дочерей Джеронимо, а значит, ей около десяти лет. В течение двух месяцев Битсми сопровождала Пинатса, пока не вмешался Дядюшка Берт и не забрал ее в группу 4.

По всей видимости, чтобы избежать дальнейших стычек с Дядюшкой Бертом, Пинатс перешел на северный склон горы Високе, за пределы района наблюдений Карисоке. Прошел целый год, и только по редким встречам или следам можно было предположить, что Пинатс по-прежнему бродит в одиночку. В марте 1977 года Пинатса увидели в компании взрослых горилл, три из которых сильно походили на самок Джеронимо. К тому времени Пинатсу должно было исполниться пятнадцать лет, и его можно было считать половозрелым, но он уже не обладал былой энергией. Молодой самец так и не оправился от укуса во время стычки с группой 4 в июне 1971 года, когда его отец Ра-

фики отвоевал себе Мачо и Мэйзи. Правая сторона лица Пинатса так и осталась припухшей, а правый глаз продолжал слезиться. Мне казалось маловероятным, что Пинатсу удастся удержать при себе приобретенных самок и что со смертью благородного Рафики группа 8 сможет продолжить свое существование. Очевидно, ее ожидала та же участь, что и группу 9, прекратившую существование с исчезновением Джеронимо.

Глава восьмая

ДВУНОГИЕ ВИЗИТЕРЫ КАРИСОКЕ

В первые годы, когда в районе наблюдений Карисоке обитали четыре основные группы горилл, я была более чем довольна долгими месяцами уединения, не общаясь ни с кем, кроме своих сотрудников, Кимы, Синди да горилл. Через несколько лет, когда Исследовательский центр Карисоке приобрел известность, нашему мирному житию-бытию стали угрожать непрошенные гости из внешнего мира. Однажды после встречи с группой 5 я вернулась домой раньше обычного и только было села печатать результаты наблюдений за день, как вдруг домик буквально заходил ходуном от бесцеремонных стуков в дверь. Открыв ее, я увидела довольно симпатичного американца, облокотившегося о косяк. У него были борода и длинные волосы, а одежда — плотно облегающие джинсы — не совсем подходила для прогулок по горам.

Незнакомец заявил: «Я пришел посмотреть на горилл». Требовательные нотки да и сам тон настроили меня на враждебный лад, и, махнув рукой в сторону седловины к

югу от лагеря, я сказала: «Отправляйтесь туда и ищите их сами».

Он возразил весьма категорично: «Я останусь здесь и пойду вместе с вами в очередной поход, когда бы он ни состоялся».

Я ответила: «Тогда вам придется долго ждать» — и прикрыла дверь. Незнакомец отошел к своему носильщику, они устроились метрах в двадцати от домика и принялись за бутерброды с сардинами.

Я собрала свой персонал, и мы разработали план первой из множества игр, рассчитанных на избавление от незваных гостей. Через двадцать минут я с двумя сотрудниками нарочито незаметно ушла из лагеря на поиски горилл. Как мы и полагали, американец быстро собрал рюкзак, кинул его носильщику и крадучись двинулся следом за нами. Стараясь оставлять как можно более отчетливые следы, мы протопали полчаса, и я спряталась в кустах у главной тропы. Через несколько минут мимо нас проследовал американец в сопровождении нагруженного носильщика. Было видно, что оба спешат, чтобы не отстать от нас. Мои люди водили за нос непрошенных гостей целых три часа, заставляя их в районе наблюдений карабкаться вверх по самым крутым склонам и спускаться вниз. Я же вернулась в лагерь, испытывая некоторое угрызение совести по поводу обмана незадачливого незнакомца.

Нашествия незваных туристов, журналистов и фотографов в лагерь часто были совершенно неожиданными. Поскольку Исследовательский центр Карисоке расположен в парке, являющемся общественной собственностью, посетители полагали, что они вправе рассматривать и домики в лагере как таковую. Иногда двери и окна неожиданно распахивались, и моим руандийцам давали распоряжения начальственным тоном, словно лагерь был туристической базой в разгар сезона. Один из так называемых туристов до-

шел до того, что, воспользовавшись аппаратом с телеобъективом, увековечил одну из моих стажерок, когда та сидела в туалете! Среди гостей, конечно, встречались люди, заслуживающие самого благожелательного расположения, но именно они молниеносно распространяли весть о том, что Карисоке открыт для всех желающих, и число непрощенных гостей постоянно увеличивалось.

Однажды поздно вечером заявила большая группа туристов и потребовала устроить ее на ночлег в одном из домиков, с тем чтобы на следующий день я отвела их к гориллам в качестве персонального гида. Мой сотрудник сообщил им, что в настоящее время я нахожусь в Заире, а его помощник по сбору дров в свою очередь упорно настаивал, что я в Уганде. Почувствовав подвох, визитеры установили палатки метрах в семидесяти от моего домика. Целых три дня и три ночи я просидела взаперти, украдкой выходя по нужде и на ежедневные контакты с гориллами. Одолжив одежду у дровосека, я натягивала на голову черную вязаную шапочку и под прикрытием охапки хвороста незаметно покидала лагерь.

Один из самых незабываемых посетителей объявился летом 1971 года, и ему удалось достичь моего домика прежде, чем его успели перехватить мои помощники. Я была поглощена изучением карты, когда услышала возглас с чисто британским акцентом: «Эй там, есть кто-нибудь дома?» Думая, что стала жертвой галлюцинации, я вышла из домика и замерла как вкопанная при виде несуразно одетой фигуры, направляющейся к двери. На незнакомце был темный костюм из шерсти, белая сорочка, галстук с приспущенным узлом и городская обувь. В руках он держал портфель и походил на пассажира метро, вышедшего из вагона на незнакомой остановке. В ходе довольно натянутой беседы я выяснила, что незнакомец был внештатным корреспондентом одной из лондонских скандальных газетенок и приехал в Африку взять у меня интервью. Вместо интервью

я угостила журналиста чаем с печеньем, дала ему две мои статьи о гориллах из «Нэшнл джиографик» и вернулась в домик к прерванному занятию. Пока он «интервьюировал» мои статьи на воздухе, раздались громкие крики и удары в грудь — гориллы группы 4 в это время общались с серебристоспинным одиночкой на склоне горы Високе сразу за лагерем, и я ушла.

Лишенный возможности взять интервью, незадачливый репортер удалился, и я уже забыла о нем, когда шесть недель спустя получила номер газеты, в которой он сотрудничал. На первой странице была помещена моя фотография с вымышленной историей о моей работе с гориллами и опасностях, которые корреспонденту пришлось преодолеть, чтобы заполучить необходимый для статьи материал. Он описывал смелое одиночное восхождение на гору сквозь непроходимые джунгли, кишмя кишашие львами, тиграми и гиенами, хотя такое сообщество животных можно встретить разве что в зоопарке. Затем он поведал, что по его прибытии мой домик окружили гориллы, которых я вызвала в лагерь из леса. Он заключал сей потрясающий опус словами: «...и местные люди зовут ее Ныирамачабелли, что дословно означает «пожилая женщина, живущая в лесу без мужчины».

Съемочные группы телевизионных компаний составляли лишь незначительный процент пришельцев. Взаимоотношения с ними были совершенно иными, и, когда они уезжали, их присутствия просто недоставало. Особенно это касалось съемочной группы компании Эй-би-си в составе девяти человек, включая Эрла Холлимена и ведущих передачу «В мире диких животных» Уоррена и Дженни Гарст. Благодаря их щедрости в Карисоке появились генератор, холодильник и прочие крайне необходимые вещи в виде продуктов, одежды и оборудования. Каждая из этих групп к тому же составляла мне отличную компанию и разделяла мою озабоченность судьбой горных горилл. Хотя порой и

попадались группы, стремящиеся только закончить съемки в срок. Их воображение не шло дальше стремления обеспечить себе максимум удобств. Уезжая, они оставляли у моих сотрудников чувство горечи. Помимо бездушных профессиональных фотографов, в лагерь забредало много непрошенных туристов, настаивавших, чтобы им непременно показали привыкших к людям горилл в районе Исследовательского центра Карисоке. Большинство из них просто игнорировало лагерь и Ньирамачабелли. Обычно они появлялись большой неорганизованной толпой и, пуская в ход взятки и подкуп, соблазняли руандийских служащих охраны парка вывести их на горилл, несмотря на мою договоренность с администрацией Вулканического национального парка ограждать животных в наблюдаемых мною группах от туристов.

Поскольку территория группы 5 располагалась рядом с восточной границей парка и главной тропой носильщиков, следующих в Карисоке, именно ей чаще приходилось терпеть нашествие туристов, особенно в период летних отпусков и в выходные дни на протяжении всего года. Подобная ситуация сохранялась и после того, как горилл из других групп полуприручили специально для показа туристам.

Мои стажеры и я часто видели жидкие экскременты на тропе, оставленные животными группы 5, спасающимися бегством от людских полчищ. Служащие охраны парка вскоре научились прятаться от меня, но со стажерами, работающими в Карисоке, они обходились не столь вежливо. Несколько раз они грозились выстрелами в воздух распугать горилл, если стажеры не позволят туристам взглянуть на животных, находящихся под наблюдением.

Подобно группам 4, 8, 9 и недавно сформированной группе (семейство Нанки), которые держались настороже в отдаленных уголках Вирунги из-за браконьеров, группа 5 защищалась от паломничества туристов. Икар и Бетховен вскоре научились отпугивать туристов ложными атаками,

не опасаясь направленных прямо на них ружей охранников. Оба серебристоспинных самца таким образом ограждали свою семью от назойливых толп туристов.

Жадные до фотографий туристы и непрошеные профессионалы представляли для горилл почти такую же опасность, как и браконьеры. Одна французская киногруппа, о которой я уже упоминала, неотступно преследовала группу 5 на протяжении шести недель. В результате у Эффи случился выкидыш. Группе 5 пришлось покинуть свою свободную от браконьеров территорию и уйти в центральную часть парка, куда туристы не смели заглядывать, но где было много ловушек. Французская группа вернулась в Париж с триумфом и выпустила в эфир свой репортаж о гориллах, а группа 5 медленно оправлялась от вторжения галлов, и мои сотрудники выводили ее из опасной зоны.

Через два года после основания Исследовательского центра Карисоке, когда я ухаживала за Коко и Пакер, стало ясно, что одной мне не справиться. Чтобы расширить программу исследований и природоохранных мероприятий в Карисоке, нужно было обратиться за помощью к студентам. Как всегда, пытаясь мне помочь, д-р Луис Лики прислал молодого американца в возрасте двадцати одного года, считавшего, что он обязан пройти стажировку в Африке. После трехчасового восхождения в лагерь он свалился у моих ног. Тяжело дыша, он прошептал: «Нет, с этим я не справлюсь». Находясь в лесной чаще, он пришел к мысли, что полное одиночество в сочетании с физической нагрузкой при работе в условиях сложного рельефа ему не по силам. Я сильно расстроилась, выслушав его, но в тот момент не оценила по справедливости мужественное решение молодого человека, признавшегося в неспособности работать с гориллами.

Мне еще предстояло узнать, что симптомы у людей, прибывающих в Карисоке и обнаруживающих свое неумение приспособиться к жизни в лагере или заняться изучением горилл, близки к тем, которые наблюдаются у некоторых астронавтов, проходящих курс адаптации к полной изоляции при подготовке к запуску в космос. Испытываемый при этом дискомфорт может выражаться в усиленном потоотделении, ознобе, непродолжительных скачках температуры, потере аппетита и сильной депрессии в сочетании с продолжительными приступами слезливости. Такое состояние я назвала «хандрой астронавтов», и это было самой настоящей болезнью. Как только я поняла, насколько она поражает некоторых волонтеров, я перестала уговаривать их остаться и продолжать работу.

Вторым, кто приехал в Карисоке, был Боб Кэмпбелл, фотограф из «Нэшнл джиографик», отснявший репортаж о последних днях пребывания Коко и Пакер в Карисоке. Нанося нерегулярные визиты в течение примерно трех лет, Боб оказывал значительную помощь в походах к четырем исследуемым группам горилл, в патрулировании территории, строительстве домиков, обучении вновь прибывших на работу руандийцев, а также ремонте примусов и керосиновых ламп. Вы себе не представляете, как обидно, когда возвращаешься в лагерь поздно вечером в отвратительный дождливый день после жутких мытарств, а лампа не работает — разбился колпак, сломалась игла или ее поразил некий таинственный недуг, требующий полной разборки до мельчайших пружинок, спиралей и шайб. Боб Кэмпбелл был одним из редких посетителей Карисоке, имевших достаточное терпение, чтобы научить моих людей, доселе не выдававших керосиновых ламп, поддерживать «лесных духов» в исправном состоянии, поскольку в Руанде ни ламп, ни запчастей к ним не достать. Так как одним из моих самых строгих правил было и остается то, что заметки, сделанные

за день, должны быть отпечатаны на машинке и проанализированы в тот же вечер, исправность керосиновых ламп стала для меня просто идеей фикс. Примусы вели себя столь же капризно, но стояли на втором месте, поскольку приведение в порядок записок было гораздо более важным делом, чем утоление голода. Голодное брюхо может и подождать, а впечатления о встречах с гориллами могут поблекнуть, если их немедленно не нанести на бумагу.

По мере расширения исследований в Карисоке меня все больше стали интересовать окраинные группы, обитавшие за пределами территорий, занятых исследуемыми группами, а также численность горилл в Вирунге. Когда Джордж Шаллер завершил свое исследование в сентябре 1960 года, общая численность горных горилл, по его подсчетам, колебалась от 400 до 500 особей. К сожалению, политическая обстановка в то время не позволила Шаллеру более точно подсчитать численность горилл в руандийской части Вулканического национального парка. Благодаря полугодовому пребыванию в Кабаре в 1967 году мне удалось сравнить три группы горилл, обитавших там, с тремя группами, которые Шаллер изучал в Кабаре шесть с половиной лет назад. Сравнение основывалось на некоторых сходствах состава групп, фотографий отдельных наиболее выдающихся особей и, в частности, на границах территорий групп.

Самым очевидным изменением, происшедшим в трех группах с момента отъезда Шаллера из Кабары, было уменьшение численности горилл с 20 до 12 особей. Это означало потерю по меньшей мере двенадцати животных, если учесть, что за это время родилось всего четыре детеныша. Еще одно важное изменение произошло в соотношении между взрослыми и подростками — с 1,2:1 до 2:1. Что же касается площади территорий, занимаемых каждой группой, то она уменьшилась соответственно на десять, семь с половиной и два с половиной квадратных километра.

В свете этих данных первоочередная задача состояла в подсчете оставшихся в Вирунге горилл. Поскольку отторжение земли от парка происходило в значительных масштабах, было необходимо знать, где сосредоточились популяции горилл, с тем чтобы разработать долгосрочную программу их охраны и приступить к ее осуществлению.

В 1969 году с помощью Алиетт Демунк и Боба Кэмпбелла я начала «перепись» горилл, что сводилось к подсчету всех особей, а также определению территорий групп в области Вирунга. Лица, привлеченные к этой работе, жили в палатках и все необходимые продукты и одежду таскали на себе в рюкзаках. Небольшие палатки, портативную пишущую машинку, лампу, примус, несколько кастрюль, сосуды с водой и спальные мешки таскали два носильщика. Продолжительность каждой стоянки зависела как от близости к источнику воды, так и от наличия достаточных следов горилл в радиусе четырех часов ходьбы от стоянки. Со временем с помощью студентов, нанятых в основном по почте, эта трудная работа приобрела больший размах и проводилась фактически ежегодно. Физические трудности были обусловлены тем, что нужно было обойти все шесть гор в Вирунге от седловин до вершины, включая каждое ущелье, ложбину и склон. Будь эта работа легкой, она была бы выполнена в свое время по горячим следам Шаллера. Лично для меня с поисками среди вулканов связаны самые дорогие воспоминания — сам поиск, волнение от надежды обнаружить новую группу горилл, неопишуемая красота гор, открывающаяся с каждым поворотом тропы, и жизнь в палатке на лоне природы.

Еще задолго до попыток привлечь к работе студентов из Европы и Америки я обучила нескольких руандийцев искусству следопытов и привлекла их к более прозаичным занятиям — обеспечению водой и дровами. Во время ежедневных походов по лесу следовало отмечать на карте старые и свежие следы, остатки еды, гнезда и помет. Все эти

признаки наличия горилл, нанесенные на контурную карту, позволяли определить частоту посещения животными той или иной местности.

В Карисоке вновь прибывшие помощники узнавали, как соотнести количество помета с возрастом и полом горилл, но, даже вооружившись этими знаниями, не всегда удавалось избежать неточностей, особенно когда речь шла об определении пола и возраста детенышей и подростков. Обнаружив свежие следы горилл (оставленные не более чем четыре дня назад), надо было выйти на самих горилл, в крайнем случае на их ночные гнезда. Я предпочитала, чтобы возраст и пол горилл подтверждались не менее чем пятью последовательными подсчетами ночных гнезд. Хотя такой подсчет был довольно нудным занятием, он был совершенно необходим для определения наличия детенышей, которых не всегда заметишь при контакте с группами не привыкших к людям горилл, а также периферийных самцов, которые могут строить свои гнезда в нескольких сотнях метров от главных гнезд основной группы.

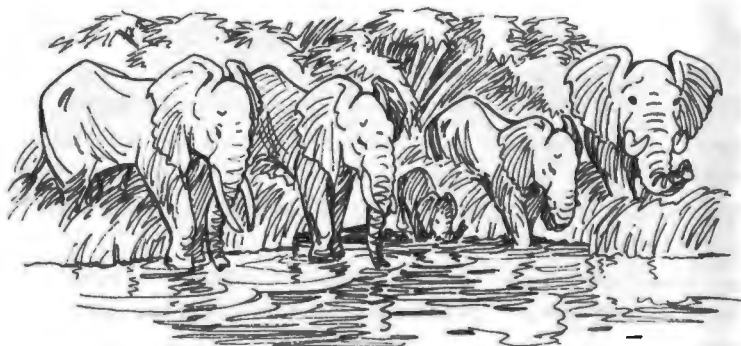
При выходе на группы горилл и наблюдая животных в бинокль, удалось зарисовать «отпечатки носа» у самых заметных особей. Эти простые рисунки форм ноздрей и расположения морщин на переносице позволяли различить горилл в разных группах, особенно если последние не отличались по числу членов. Рисунки сопровождались примечаниями, характеризующими особенности поведения и издаваемые каждым животным звуки, что позволяло более точно идентифицировать отдельных особей.

Летом 1970 года д-р Лики послал ко мне второго студента для участия в работе по переписи горилл, начатой за год до этого мною, Алиетт Демунк и Бобом Кэмпбеллом. Потребовалось две недели, чтобы показать молодому человеку горилл из основных наблюдаемых нами групп, преподать ему основы суахили и обучить повседневным заня-

тиям в лагере. Когда я убедилась, что он легко справляется со всеми заданиями, мы с Бобом и руандийскими носильщиками взяли его с собой в поход на северный склон горы Високе и устроили там первый пункт по регистрации горилл под руководством студента. Я выбрала для него место, известное под названием Нгези, что на киньяруанда означает «место для водопоя стад», по нашим сведениям часто посещаемое гориллами.

Мы облюбовали прекрасное местечко рядом с крохотным озером, куда ночью приходили огромные стада слонов и буйволов. Боб и я провели со студентом три дня, изучая окрестности. Хотя мы не заметили свежих следов горилл, тем не менее удалось обнаружить немало мест, где примерно неделю назад они явно ночевали в гнездах. Удовлетворившись тем, что работа здесь обещает быть плодотворной, мы с Бобом вернулись в Карисоке и сосредоточили наши усилия на наблюдениях за четырьмя основными группами. На протяжении последующих недель носильщики, курсирующие непрерывным потоком между лагерем и Нгези, огорчали меня донесениями о деятельности молодого человека, в своей основе не имеющей никакого отношения к его заданию. Пришлось отослать этого парня обратно в Америку.

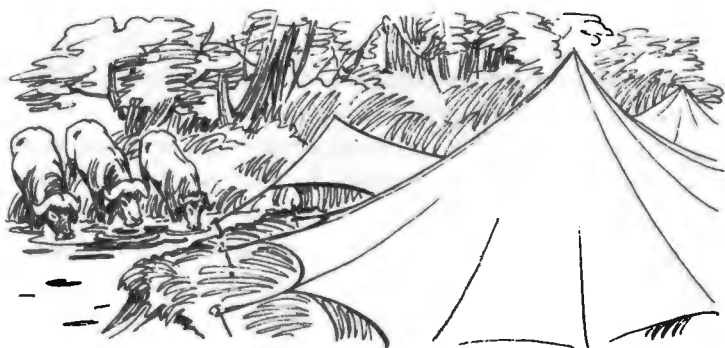
За последние одиннадцать лет Карисоке принял в общей сложности двадцать одного человека, которые помогали определять численность горилл в Вирунге и одновременно проходили стажировку в полевых исследованиях. Большинство этих студентов так и не смогло справиться с работой в тяжелых условиях. Многие вернулись домой после непродолжительного пребывания в Карисоке. Дело в том, что я невольно ожидала от каждого добровольца того же энтузиазма, который испытывала сама, предвкушая предстоящую работу с гориллами в волшебном горном царстве. Мне не приходило в голову, что изнуряющие восхождения по скользким грязным тропам, ночевки в сырых

спальных мешках, переодевание в непросохшие джинсы и ботинки и питание несвежими галетами никак не укладывались в представление о земном рае.

Большинство специалистов по переписи горилл, а также стажеров, выполнявших, по сути дела, функции научных сотрудников в Исследовательском центре Карисоке, подбирались исходя из присылаемых по почте заявлений, сопровождаемых солидными характеристиками. Выбор же на основе личного контакта происходил довольно редко, потому что в первое время я почти не покидала лагерь, а мои визиты в Америку были непродолжительными. Но по возможности я обязательно проводила беседу с кандидатами.

Вскоре стало очевидным, что практически невозможно предугадать, как поведет себя в лесной глуши даже самый перспективный кандидат. Конечно, каждый считал, что его предыдущий туристический опыт в Америке или Европе плюс искренний интерес к гориллам были вполне достаточны для работы в горах Вирунга. Хотя я всегда указывала на полное отсутствие элементарных удобств и одиночество при работе в лесу, сочетание их энтузиазма с моим оптимизмом по поводу их будущих успехов в конечном итоге

приводило к недоразумениям между мной и некоторыми гостями Карисоке. Трения возникали еще и потому, что я рассматривала Карисоке как уникальный исследовательский центр, решающий общие задачи, а многие студенты, по вполне понятным причинам, руководствовались личными интересами. Конфликты между стажерами и мной чаще всего возникали в момент, когда нужно было отправляться на патрулирование территории против браконьеров, обезвреживать ловушки в районе наблюдений, строить дополнительные помещения, убирать домики, чинить лампы, примусы и пишущие машинки или приводить в порядок бесчисленные записи перед занесением их в журналы. В лагерных условиях разногласия между людьми перерастают в остроконфликтные ситуации, когда люди с разной подготовкой оказываются в изолированном от внешнего мира месте. Причем в Карисоке они проявлялись в более резкой форме из-за скверной погоды, большой высоты, однообразия пищи и, самое главное, изоляции от внешнего мира.

Выбор тем для исследовательской работы трудностей не представлял, если учесть, как мало было известно о поведении горилл и экологической обстановке в области Ви-

рунга. Готовясь к исследовательской работе, стажеры перед приездом не ограничивали себя определенными темами и имели широкий выбор работ, как-то: доминирующее поведение, развитие детенышей, повседневные занятия (кормежка, ухаживание, сооружение гнезд, материнский уход), голо-совая сигнализация, взаимодействие между группами, территориальное поведение, паразитология и ботаника. Национальное географическое общество продолжало оказывать щедрую помощь как самому Исследовательскому центру Карисоке, так и лично мне и моим африканским помощникам. А работающие над докторскими диссертациями стажеры получали финансовую поддержку от университета или организаций, с которыми они заключили договоры перед приездом в Карисоке. Когда возникала необходимость в дополнительном оборудовании или средствах для отдельных исследовательских работ, помощь любезно оказывалась Фондом Л. С. Б. Лики. Как Национальное географическое общество, так и Фонд Лики предоставляли средства на содержание научных работников общего профиля, хотя мне не нравилось просить деньги на их жалованье и дорожные расходы. Сама я не получала зарплаты, считая, что исследовательская работа является достаточным вознаграждением за труды.

В начале 1975 года в Карисоке прибыл некий рассеянный профессор с намерением посвятить три месяца ботаническим исследованиям. Все его расходы на дорогу, оборудование и снаряжение были оплачены из полученной мной субсидии. При выдаче этой субсидии было поставлено два условия: после отбытия ботаника новое оборудование должно остаться в лагере, а по его возвращении в Соединенные Штаты должны быть полностью опубликованы результаты проведенных исследований. К сожалению, ни одно из этих условий так и не было выполнено. Через

восемь дней после приезда он спалил свой домик дотла, вывесив рамы для сушки растений над дровяной печью. Пламя сожгло все — новое оборудование, мебель, мою уникальную библиотеку по ботанике, многие редкие книги и новый коротковолновый радиоприемник. Мы с сотрудниками несколько часов боролись с пламенем, таская воду ведрами, — Кэпм-Крик и горящий домик разделяли 25 метров. К концу дня от домика и его содержимого осталась лишь обугленная, пропитанная водой зловонная масса. Мы с африканцами вдоволь наглотались дыма, получили ожоги и ранения. Когда ботаник в тот день вернулся из похода, мы, обессиленные, лежали у пепелища. Он же, не скрывая раздражения, разразился бранью, заметив, что работу придется временно прервать. Для меня и руандийцев это была лишь первая из бед, свалившихся на лагерь, возведенный в горной глуши.

Второй домик пострадал, когда одна студентка оставила одежду на камине для просушки. В течение нескольких недель после пожара она честно трудилась над восстановлением домика. Ее усердие вселило в меня некоторую уверенность в качества людей, приезжающих в Карисоке на работу с гориллами.

Другой студент не обладал ни малейшими навыками ориентирования на местности даже при наличии компаса и размеченных троп. Мы со следопытами смирились с этой его особенностью, хотя провели немало времени в поисках незадачливого стажера. В Карисоке существовало строгое правило, согласно которому стажеры должны возвращаться в лагерь не позже 17.30 (за исключением особых случаев, когда они уходили в сопровождении следопыта). Однако этого студента приходилось искать в самых неожиданных местах, зачастую в направлении, противоположном заданному, и, как правило, ночью. Несмотря на это, сей застенчивый и несколько нелюдимый молодой человек сумел наладить прекрасные отношения не только с гориллами, но и с озорными Кимой и Синди. За десять месяцев его пребывания в Карисоке я несколько раз выходила с ним на группы горилл и с удовлетворением отмечала, что интересы животных он ставил выше собственных. Он, в отличие от многих других стажеров, никогда не выводил горилл из терпения.

Конфликты по поводу соблюдения прав горилл приводили к натянутым отношениям между мной и некоторыми студентами, единственной заботой которых было набрать достаточно материала для своих докторских диссертаций. Один из них обычно испражнялся среди животных группы 5, не давая отчета в возможных отрицательных последствиях такого антисанитарного поведения для членов группы. Когда я сделала ему замечание, он сердито возразил, что наблюдения не должны прерываться только из-за того, что необходимо справить естественную нужду.

Один юноша, которому минул всего двадцать один год, проявил себя прекрасным специалистом по переписи горилл и защитил докторскую диссертацию сразу после прибытия из лагеря. Его деловые качества позволили оставить на него лагерь во время моей кратковременной поездки в

Кембриджский университет. В мое отсутствие он прекрасно справился как с научной работой в лесу, так и с ведением записей в лагере. В течение полутора лет он сочетал работу в Карисоке с поездками в свой университет в Англии. И вот однажды, по-видимому, чрезмерно положившись на приобретенный опыт и почувствовав некоторую самоуверенность, он совершил ошибку, едва не стоившую ему жизни, пытаясь перехитрить буйволицу, стоявшую над ним у горной тропы. Стажер фыркнул на нее, надеясь напугать животное и прогнать прочь, но вызвал лишь ее законное негодование. Буйволица бросилась на него, свалила с ног и нанесла несколько ударов рогами. Едва живой стажер с трудом пополз до моего домика и потерял сознание от потери крови. Как мне пригодился опыт, приобретенный во время работы в больнице! Я вывела его из шокового состояния и обработала многочисленные глубокие раны и порезы. В полубреду стажер бормотал: «Какой же я дурак!» Я выхаживала юношу четверо суток, пока стал возможным его переезд в Англию, где он лег на операцию.

Среди стажеров были и такие, кто чувствовал себя в Вирунге столь же привольно, как и я, и столь же бескорыстно относился к животным. Летом 1976 года я возвращалась на машине к подножию горы Високе после того, как отвезла стажеров к горе Микено в Заире для подсчета горилл. В Карисоке не осталось ни одного студента, и я беспокоилась, сумеем ли мы с моими африканцами вести наблюдения за основными и окраинными группами горилл, а также патрулировать территорию. По дороге меня остановил тяжело нагруженный мужчина и попросил подбросить его. В Тиме Уайте, американце, путешествовавшем по миру в одиночку, я нашла все то, о чем можно только мечтать при подборе помощника. Тим намеревался провести в горах всего один день, а остался в Карисоке на целых десять месяцев. Он приводил в порядок домики и оборудование, уходил на поиски групп

горилл, включая окраинных, занимался их подсчетом и, получив несколько уроков от меня, каждую ночь печатал на машинке полевые отчеты. Его ровный, спокойный характер был Божиим даром не только для меня, но и для руандийцев и некоторых студентов.

Несмотря на пацифистские убеждения, Тим вскоре осознал, что с незаконным отстрелом животных и присутствием браконьеров в парке мириться нельзя, и с готовностью участвовал в патрулировании. Когда в лагерь прибыла партия студентов, Тим решил продолжить свое путешествие. В конечном итоге он провел около шести лет в Африке и добровольно работал в миссионерской больнице в Либерии целых полтора года. Мне кажется, что любой человек, кому придется встретиться с Тимом Уайтом, убедится в его добродушии и беззаветной преданности своим убеждениям. В Карисоке никогда не забудут, как он полностью отдавал себя любому делу.

Когда я получила письмо от Рика Эллиота из Англии с просьбой дать ему возможность поработать в лагере, я обратила внимание на то, как скромно он обращался со словами «я» и «меня». У меня сложилось впечатление, что я имею дело с человеком, который решил внести свой вклад в общее дело, а не пытался воспользоваться Карисоке лишь для достижения собственных целей. Десять месяцев, проведенных с Риком в лагере, показали, что дело обстояло именно так. Хотя биографии Рика и Тима отличались друг от друга, деды обоих были плотниками, и каждый из них любил строить дома и возиться с оборудованием. Рика увлекала ветеринария, и его помощь была особенно полезной при вскрытии погибших горилл, а также в паразитологических исследованиях. Его отъезд из Карисоке был для нас невозполнимой потерей.

Через полтора года после отъезда Рика паразитологией занялся другой англичанин, Иэн Редмонд. Он с удоволь-

ствием проводил время за микроскопом в поисках новых видов нематод и ленточных червей, паразитирующих на гориллах. Это был настоящий фанатик в работе, и его энтузиазм заразил африканцев, которые, как и я, благоговели перед его усердием и сотнями пузырьков, бутылочек и пластиковых мешочков с пробами. Любопытство Иэна распространялось на всех животных в лесу — от слонов до лягушек. Вскоре Карисоке стал ходить на зоологический музей — он собрал огромное количество анатомических экспонатов самых разнообразных животных, птиц и насекомых и разобрал их по категориям. Я избегала лишнего раз заходить в его домик, ибо не знала, что он успел добавить к своей пахучей коллекции.

Африканцы просто обожали Иэна Редмонда. Он любил в конце рабочего дня присесть у их костра, чтобы вместе отужинать кукурузой, фасолью, картошкой и прочими овощами. Ни один из европейцев не чувствовал себя так свободно в лесу, как Иэн. Ему ничего не стоило проводить целые дни в антибраконьерском патрулировании или в подсчете горилл. В день он легко проходил километров пятнадцать и, если ночь его застала вдали от лагеря, проводил ее под большой хагенией, расположившись на мху и прикрывшись пончо. Африканцы, сопровождавшие Иэна в таких походах, никогда не жаловались, зараженные его энтузиазмом. Он часто ходил в шортах, не опасаясь даже зарослей крапивы. Однажды, когда в особенно холодный день он собрался в дорогу в шортах и свитере, я спросила его, что он хочет этим доказать. Он ответил нерешительно, как будто смутившись: «Дайан, когда ходишь в шортах по лесу, ощущение окружающей природы обостряется. Ты чувствуешь разницу между мягкой травой в седловине, болотной растительностью лугов и скудной порослью в альпийской зоне». Он запнулся, не найдя подходящих слов, чтобы описать свои впечатления, и зарделся, наверное кляня себя за откровенность.

Иэна не смущали расстояния, когда требовалось встречаться с гориллами или уничтожать ловушки. Незадолго до своего возвращения в лоно семьи в Англию следопыт доложил нам об окраинной группе горилл, замеченной на противоположном склоне горы Високе. Без каких-либо проволочек Иэн со следопытом отправился к нему на следующее утро. Местность там сильно изрезана отрогами и ущельями и облюбована браконьерами для установки ловушек. Окраинная группа, на поиски которой отправился Иэн, решила обойти отроги и спустилась с горы в соседнюю седловину.

Иэн и следопыт преодолели за день огромное расстояние. Они терпеливо шли по следу горилл и наткнулись на три только что поставленные ловушки для дукеров. Когда они принялись ломать бамбуковые шесты и снимать проволочные петли, примерно с пятидесятиметрового расстояния до них донесся стук топора. Иэн со следопытом спрятались за небольшим холмом и стали ждать, когда браконьеры удалятся и можно будет спокойно уничтожить новые ловушки. Когда шум утих, Иэн собрался было встать во весь рост и посмотреть, куда двинулись браконьеры, как в нескольких метрах от него замаячили кончики трех копий. До этого момента ни браконьеры, ни Иэн со следопытом не знали о местонахождении друг друга. Оказалось, что браконьеры решили взобраться именно на тот холм, за которым прятались Иэн со своим спутником.

Иэн медленно выпрямился, показывая, что он безоружен. Несмотря на это, неожиданное появление базунгу («европейца») испугало браконьеров, и двое из них бросились наутек. Третий же, выронив на землю свою пангу и не сводя глаз с Иэна, обеими руками занес копье, целясь прямо в сердце Иэна. Иэн инстинктивно прикрыл грудь левой рукой и присел на корточки. Вся сила удара пришлась на кисть левой руки, и это, несомненно, спасло ему

жизнь. Когда до браконьера дошло, что он натворил, то, как сказал Иэн, он буквально «засверкал пятками».

Рана на кисти была серьезной, но сразу после перевязки Иэн со следопытом приступили к уничтожению свежих ловушек. И только выполнив свой долг, он решил вернуться в лагерь и оттуда спустился в Рухенгери, где лег в больницу. Кисть в конце концов зажила, но он уже не мог ею владеть, как прежде.

Тим Уайт, Рик Эллиот и Иэн Редмонд были на несколько голов выше всех стажеров, побывавших в Карисоке, и в своей работе руководствовались не личными интересами, а беззаветно отдавали себя делу изучения горилл в области Вирунга и активного сохранения природы. Я их запомнила за особый вклад в становление Исследовательского центра Карисоке, для моих африканцев они стали лучшими друзьями.

Лагерь, конечно, никогда не смог бы функционировать без преданных африканских помощников, пришедших в Карисоке в надежде, что этот удаленный уголок станет очагом борьбы за сохранение природы и превратится в научный центр. Нас объединяла общая цель — будущее животного мира в горах Вирунга. Эта цель на протяжении всех лет оставалась столь же ясной и четкой, как и в начале, в 1967 году, когда были установлены первые две палатки. В расширении нашей деятельности нам помогали африканцы из всех слоев населения, включая Полина Нкубили, Мутаруткву и многих других заирцев и руандийцев, участвовавших в антибраконьерском патрулировании. Такие люди, как Тим, Рик и Иэн, свято верили, что их работа не нуждается в афишировании и восхвалении. Они получали удовлетворение от того, что делали. Моим настоящим домом всегда будет лес, а они навечно останутся лучшими друзьями. Сообща нам удалось воплотить мечту об Исследовательском центре Карисоке в реальность.

Наши самые большие празднества приходились на рождественский период, когда все деревья вокруг лагеря украшались свечами, гирляндами из фольги и воздушной кукурузы и прочими самодельными украшениями. Под «елкой» в моем домике высилась горка завернутых в красочную бумагу подарков, купленных во время поездок для моих сотрудников и их семей. На наши рождественские праздники приходило не меньше полусотни руандийцев и заирцев со своими женами и детьми, наряженными в лучшие одеяния. Целый день мы ели, пили и распевали песни на киньяруанда, французском и английском, иногда под аккомпанемент рева детворы, не привыкшей к такому бурному веселью.

На третье Рождество в Карисоке, когда я разливала сладкие напитки детям, меня вдруг попросили сесть на место. Мукера, старший дровосек, а также талантливейший барабанщик и танцор, вытащил из угла гостиной большой барабан и начал первый из ставших впоследствии ритуалом на рождественских праздниках спектакль, составленный из импровизированных песен и танцев. Каждый из сотрудников сочинил свою песню и придумал танец, в которых были отражены события за истекший год. Пока мужчины пели, танцевали и отбивали на барабане свое музыкальное сочинение, я наслаждалась их творчеством. Позже я начала записывать их пение и музыку на пленку. Эти записи относятся к наиболее дорогим воспоминаниям о Руанде и Карисоке.

Глава девятая

ГРУППА 4 ПРИСПОСАБЛИВАЕТСЯ К НОВОМУ ВОЖАКУ

Какой бы радостной ни была жизнь в лагере, ей все же не сравниться с тем удовольствием, которое приносил лес, особенно после завоевания доверия горилл. Я полагала, что работе в Карисоке положено доброе начало, поскольку в первый же день возникновения Исследовательского центра два браконьера-батва вывели меня на группу горилл, встреченную ими на склонах горы Високе во время охоты на дукеров на лугах западнее лагеря. Так состоялось знакомство с группой 4.

Почти час группа 4 не догадывалась о моем присутствии на противоположной стороне ущелья, где я пряталась метрах в тридцати от нее. С помощью бинокля я успела разглядеть трех выдающихся особей. Первым меня обнаружил пожилой серебристоспинный самец, выглядывавший из-за дерева. Издав сигнал тревоги, он бросился к своей группе, порой даже катясь кубарем по склону, чтобы побыстрее

добраться до нее. Я нарекла старого вожака Уинни («ржущий»), поскольку он издавал звуки, напоминающие ржание лошади. До этого мне никогда не приходилось слышать, чтобы гориллам были присущи подобные звуки, хотя Джордж Шаллер утверждал, что однажды слышал их. Позднее я выяснила, что такие звуки не характерны для горилл, а в случае Уинни их причиной было хроническое заболевание легких.

За Уинни буквально катился эдакий пушистый комок с блестящими пытливыми глазами, которого я окрестила Диджит («палец») за его неестественно изогнутый средний палец, очевидно неправильно сросшийся после перелома. Необыкновенное внешнее сходство с Уинни и сильная зависимость от вожака группы 4 позволили мне предположить, что Диджит был сыном вожака группы. Диджит держался в стороне от четырех взрослых самок группы, и, возможно, его мать умерла до того, как я впервые встретилась с группой в сентябре 1967 года.

Во время нашей первой встречи Диджиту, которому было около пяти лет, похоже, хотелось поближе исследовать причину тревожного сигнала Уинни, но он послушно последовал за ним вниз к группе, стараясь не отставать. Затем все животные побежали прочь, за исключением оставшейся в арьергарде взрослой самки. Она смотрела на меня с таким выражением лица, будто наглоталась уксуса, и, сжав губы, стояла в угрожающей позе, присущей исключительно взрослым самцам. Самка в этот момент так походила на старую задиристую козу, что я ее так и окрестила.

Кроме Уинни, в группе 4 было еще два других серебристоспинных самца. Самца помоложе я назвала Дядюшкой Бертом за поразительное сходство с одним из моих родственников (я сделала это из самых добрых побуждений к моему дяде, но он мне этого не простил). Третий сереб-

ристоспинный самец получил кличку Амок за взрывной темперамент, частые непонятные крики и метание по кругу. Я относила столь необычное поведение за счет хронического заболевания. Следы Амока, как правило, отстояли от следов остальных членов группы 4 и всегда были помечены жидкими экскрементами со слизью и кровавыми пятнами.

Амок, предположительно в возрасте двадцати пяти лет, был слишком стар, чтобы быть сыном Уинни, и я сделала вывод, что этот сварливый самец был его единокровным братом и в прошлом у них был общий родитель. Дядюшка Берт, которому, по моим предположениям, было пятнадцать лет, сильно походил на Уинни, и вожак относился к нему довольно терпимо, из чего можно было заключить, что Уинни приходился ему отцом.

В течение первых нескольких месяцев наблюдений за группой 4 состояние здоровья Уинни постоянно ухудшалось. Старая Коза, у которой в тот период не было грудных детенышей, взяла на себя основные функции предводителя группы. Ее мужской облик и поведение казались мне довольно необычными. Когда Уинни беспомощно плелся за группой, именно она, а не молодой серебристоспинный самец Дядюшка Берт следила за безопасностью семейства.

Из-за ее необычного поведения я часто старалась скрыть свое присутствие от группы 4, чтобы не беспокоить остальных семерых самок. Четыре из них прежде никогда не рожали, две более старшего возраста рожали не раз и имели потомство, последняя самочка была еще детенышем. Со временем самки помоложе (в возрасте от шести до восьми лет) получили имена Браводо, Мэйзи, Петьюла и Мачо, две пожилые самки были названы Флосси и Миссис Икс, а девочку нарекли Папуз («ребенок» — у североамериканских индейцев). Имена этих самок полностью соответствовали своеобразию их личности. Папуз была прелестной

крохой, которую так и хотелось потискать; ее мать исчезла вскоре после того, как группа стала объектом наблюдений. Миссис Икс всегда было трудно опознать в первые месяцы из-за ее крайней застенчивости. У одной из молодых самок были необыкновенно большие, завлекающие глаза — отсюда и ее имя Мачо, что на суахили означает «глаза».

Однажды в середине ноября 1967 года я нашла группу 4 в составе четырнадцати горилл на противоположной стороне широкой ложбины. Спрятавшись в густых зарослях, я увидела, как Старая Коза и вторая взрослая самка, Флосси, медленно шли вдвоем метрах в тридцати ниже основной группы. Флосси, закусывая подмаренником, неуклюже переваливалась вниз по склону и прижимала к себе левой рукой вертлявого новорожденного младенца с блестящей черной головкой. Он припадал мордочкой к соску Флосси, которая даже не пыталась помочь малышу. В глаза бросался резкий контраст между розовой кожицей на ладошках и пятках малышки и сверкающей, как черная вакса, шерстью на голове.

Старая Коза медленно поползла вверх, а Флосси, обогнав ее, передвигалась на четвереньках с присосавшимся к груди детенышем. Добравшись до места, где Флосси присела отдохнуть, Старая Коза прилегла на спину рядом с ней, так что ее живот оказался повернут ко мне. Когда она отвела левую руку в сторону, моему взору предстал новорожденный детеныш со свисающей пуповиной длиной десять сантиметров. Ручонки малышки были согнуты вовнутрь, а ножки свисали вниз. Старая Коза внимательно и даже несколько удивленно посмотрела на детеныша, потом обнюхала его и прижала к себе.

Пока Старая Коза отдыхала, головка малыша свисала набок, словно прикрепленная к тельцу резинкой. Когда она встала, чтобы присоединиться к остальным членам группы 4, детеныш судорожно выпрямился, поднял голову и авто-

матически вцепился в шерсть на брюхе матери своими паукообразными пальчиками. Старая Коза двинулась вверх, и я обратила внимание, что она намеренно шла жеманной походкой, виляя бедрами, чтобы детеныш в случае необходимости опирался на ее ноги, как это обычно делают опытные матери. Значит, Старая Коза и раньше рожала детей, но, судя по тому, что она почти не общалась с двумя молодыми гориллами группы 4, а именно с Диджитом и Папуз, вряд ли приходилась им матерью, впрочем, как и матерью молодых самок, учитывая сравнительно небольшую разницу в возрасте. Наблюдая за ее приближением к отдыхающим животным группы 4, я назвала детеныша Тигром, считая, что любой отпрыск Старой Козы заслуживает такого имени. А новорожденного детеныша Флосси я нарекла Симбом, что на суахили означает «лев».

Тигр и Симба были первыми из 42 детенышей, родившихся у 96 членов пяти групп горилл, которые изучались в районе Карисоке в течение последующих лет. Детеныши Флосси и Старой Козы отличались характерными внешними чертами и поведением.

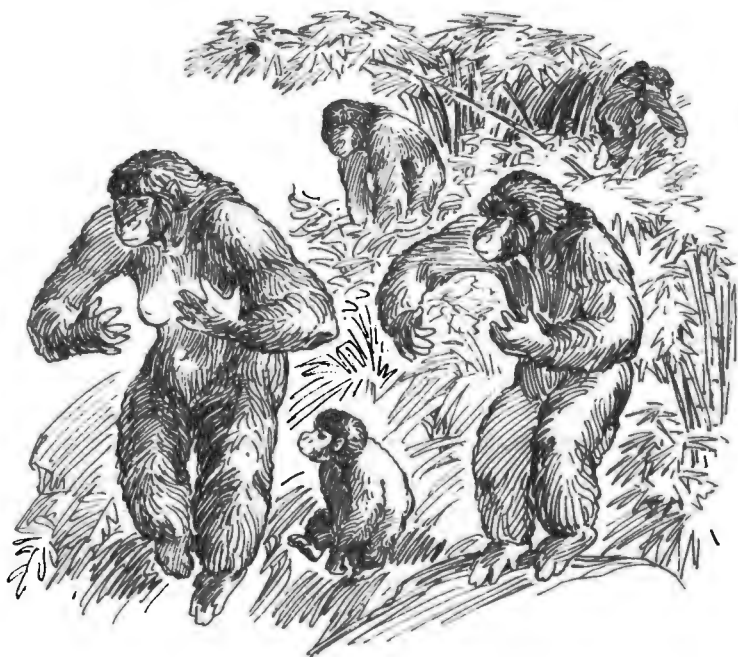
У новорожденных горилл кожа на теле обычно розовато-серая с розовыми островками на ушах, ладошках и пятках. Шерсть на теле может быть любого оттенка — от бурого до черного и растет клочками, кроме спины. Шерсть на голове чаще всего черная как смоль, короткая и гладкая, а лицо сморщенное, с выдающимся выростом на месте носа, похожим на поросячий пятачок. Уши оттопырены, а глаза в первый день жизни, как правило, косят или совсем закрыты. Конечности тонкие, как у паука, и пальцы на них, когда детеныши не цепляются за шерсть на брюхе матери, обычно сомкнуты в плотный комок. Для детенышей характерны судорожные произвольные движения в

поисках соска. Большую часть времени они проводят во сне.

На протяжении первого месяца жизни детеныши сосут грудь короткими сеансами, не дольше пятидесяти секунд, сопровождая этот процесс ищущими движениями головы. В течение первого года не отдается особого предпочтения той или иной груди, однако с возрастом левую грудь детеныши сосут почти в два раза чаще, чем правую. Когда мать передвигается, новорожденный детеныш обычно висит на ней, вцепившись в шерсть на брюхе. На отдыхе мать берет детеныша на руки или сажает на колени. По моим подсчетам, новорожденные весят около полутора килограммов, что составляет незначительную долю веса взрослых животных.

После прибавления семейства группа 4 передвигалась медленнее и проводила больше времени в дневном отдыхе. А я меньше беспокоилась по поводу Уинни, потому что ему становилось все труднее поспевать за группой, несмотря на замедленный ритм движения исключительно ради него. Ко времени, когда Тигру и Симбе исполнилось по два месяца, тело старого Уинни часто сотрясали длительные приступы кашля, перемежающиеся сиплой одышкой. После таких приступов старик подолгу сидел и, закрыв глаза, дрожал всем телом. Его рот кривился от боли. Старая Коза обычно садилась рядом и бросала на него частые беспокойные взгляды, но Уинни, казалось, ничего не замечал.

Однажды я обнаружила Уинни, спящего в одиночку и совсем не реагирующего на шум, производимый мной и следопытом по пути к группе 4. Я присела примерно в пяти метрах и наблюдала за ним целых два часа, пока он дремал. Уинни лежал в необычной позе на животе со свисающей вниз головой, чтобы было легче дышать. Проснувшись, он вялым движением сорвал несколько листочков чертополоха и с трудом заковылял вслед за группой, кото-

рая в это время расположилась в альпийской зоне на высоте, вскоре ставшей для него недоступной из-за плохого состояния здоровья.

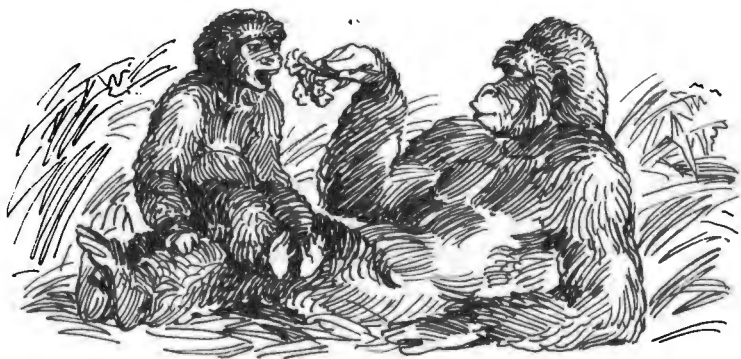
К марту 1968 года Уинни даже не пытался следовать за группой на крутые склоны, где она кормилась. Старый самец оставался один в сравнительно ровной седловине рядом с горой Високе, куда группа 4 обычно не заходила. Он бродил по ней все уменьшающимися кругами, мало ел и большую часть времени отдыхал. В последний месяц своей жизни Уинни редко проделывал более 20 метров за день, едва передвигаясь от дерева к дереву и оставляя за собой лужи жидких экскрементов. Мы со следопытом учредили ежедневное дежурство незаметно от старого самца, чтобы

уберечь его на закате жизни от браконьеров, которые могли оказаться рядом. Он никогда не подавал вида, что догадывается о нашем присутствии или что до него доходили звуки частых ссор в группе.

3 мая 1968 года истощенное тело Уинни было обнаружено в ночном гнезде из аккуратно сложенных четырнадцати веток. Это была вторая смерть гориллы из изучаемых в Карисоке групп. Мы с помощниками привязали тело к носилкам из молодых деревцев и отнесли его в Рухенгери на вскрытие. Оно показало, что Уинни страдал от запущенного перитонита, плеврита и пневмонии. Более подробное исследование скелета, проведенное позже, выявило в правой части черепа сильно изъязвление, свидетельствующее о распространении инфекции, скорее всего менингита.

После смерти Уинни функции предводителя группы 4 взяла на себя Старая Коза — она задавала направление и темп передвижения, улаживала ссоры, возникающие в группе, и даже била себя в грудь или бросалась в ложные атаки всякий раз, когда я пыталась в открытую войти в контакт с группой. Сначала Старая Коза иногда получала поддержку от Дядюшки Берта, который был на пять лет моложе ее и нечетко представлял себе ответственность, свалившуюся на его плечи со смертью Уинни. Приветливого молодого самца больше интересовали игры с подростками группы, испытывавшими к нему сильную тягу.

Однажды я наблюдала, как Диджит, которому было около пяти с половиной лет, плюхнулся на колени Дядюшки Берта, как щенок в поисках ласки. Дядюшка Берт следил за приближением Диджита, лениво разлегшись на солнце, и, как только шалун очутился у него на коленях, быстро сорвал пригоршню белых цветков бессмертника (*Helichrysum*) и стал водить лепестками по лицу Диджита, как бы пытаясь пощекотать его. Этот жест вызвал восторженное

хихиканье Диджита. Его рот растянулся в улыбке, и, обнажив зубы, он стал кататься по Дядюшке Берт, в исступлении хватаясь за бока, и только потом направился к своим сверстникам. Мне было приятно видеть, что Диджит так быстро вышел из подавленного состояния, вызванного отсутствием Уинни, и вскоре наладил хорошие отношения с другими членами группы, особенно четырьмя молодыми самками, бывшими, по всей вероятности, его единокровными сестрами.

Игры, включая половые, относятся к тем действиям горилл, которые в присутствии наблюдателя подавляются в первую очередь, пока обезьяны не привыкнут к людям. Это особенно верно по отношению к играм самых маленьких, чьи родители неумоимо опекают своих отпрысков в первые два года жизни. Однако Диджит и его сестры были уже подростками, когда я впервые встретила с группой 4, и во время игр находились почти без присмотра. Насколько свободно они чувствовали себя во время игр, зависело от формы моего контакта с группой. Когда я сидела в укрытии и гориллы не знали, что находятся под моим наблюдением, Диджит с младшими сестрами подолгу боролись и гонялись

друг за другом метрах в двадцати от взрослых, возлежащих в дневных гнездах. Не вызывало сомнений, что они намеренно повторяют одни и те же движения по многу раз, с тем чтобы вызвать у партнеров определенную реакцию. Затем подростки постепенно выдыхались и присоединялись к отдыхающим взрослым. Во время открытых контактов, когда группа знала о моем присутствии, большая часть игр подростков сводилась к таким ответным реакциям, как удары в грудь, похлопывание по траве и листьям или снование взад-вперед важной походкой. Казалось, что каждый подросток пытается превзойти других, лишь бы привлечь к себе внимание. Их возбуждение было заразительным, и мне неоднократно хотелось присоединиться к проказам горилл, а это удавалось только тогда, когда они чувствовали себя в моем присутствии вполне свободно.

Однажды группа 4 шла по склону, поросшему высокой травой и пересеченному несколькими рядами крестовника — одноногими стражами альпийской зоны. Пять подростков под предводительством Дядюшки Берта устроили кадрили, используя отдельные деревья крестовника в качестве партнеров. Перебегая скачками от одного дерева к другому, каждое животное протягивало к нему руки, хваталось за ствол, быстро вращалось вокруг него и повторяло те же движения с каждым последующим деревом в ряду. Гориллы скатывались вниз с холма, как черные мохнатые клубки перекасти-поля, с радостным гиканьем, образуя внизу кучу малу и ломая ветки. Несколько раз Дядюшка Берт увлекал за собой остальных горилл обратно на холм, чтобы еще раз скатиться к уже потрепанным деревьям.

Первое указание на то, что молодой серебристоспинный самец сведущ в более серьезных сторонах жизни, я получила сразу же после смерти Уинни, когда Амок решил воссоединиться с группой 4 после нескольких месяцев блужданий в одиночку. Со стороны расположившейся высоко

на склонах Високе группы 4 донесли дикие крики и рев. Направившись в сторону шума, я увидела Дядюшку Берта, быстро бежавшего вверх к бившейся в кучу группе. Почти тут же все гориллы исчезли из виду.

Они оставили позади большую поляну с примятой и забрызганной кровью травой, посреди которой под деревом неподвижно сидел сгорбившийся Амок со склоненной на грудь головой. Прошло несколько минут, и Амок протянул руку к растущему неподалеку подмареннику с искаженным от боли лицом. Он стал медленно лизать указательный палец правой руки, передвигая его взад-вперед от ключицы ко рту. Когда он опустил руку, я заметила, что вся его грудь залита кровью, сочащейся из глубокой раны длиной в десять сантиметров на нижней части шеи. Остаток дня Амок отдыхал лежа и с трудом вылизывал рану. Перед заходом солнца он с трудом стал строить себе гнездо. С тех пор на протяжении последующих шести лет я ни разу не видела, чтобы этот немолодой и не совсем здоровый самец пытался общаться с членами группы 4.

Через две недели после происшествия группа 4 впервые столкнулась с группой 8 под предводительством Рафики. Дядюшка Берт во всем уступал сильным членам этой холостяцкой группы и отсутствие опыта компенсировал тем, что возбужденно бегал среди своих сородичей и неумело нападал на самцов группы 8. Новоявленному вожаку еще предстояло научиться тонкому маневру, позволяющему избегать прямого столкновения, прохаживаться взад и вперед важной походкой или бить себя в грудь. И ему повезло, что в стычке он заработал всего пару пустяковых ран. Группа 4 с ее неопытным вожаком и четырьмя молодыми самками на пороге половой зрелости стала мишенью частых

нападений со стороны других групп, и прежде всего группы 8, состоявшей из одних самцов.

Третья взрослая самка в группе 4, Миссис Икс, родила от Уинни в месяц смерти последнего. А Флосси в то же время потеряла своего семимесячного детеныша, причины смерти которого так и остались неизвестными. Для того чтобы сохранить имя Симба, я присвоила его дочери Миссис Икс. Десять месяцев спустя у Флосси родился первый ребенок от Дядюшки Берта.

Как и у людей, матери-гориллы сильно отличаются друг от друга в обращении с детьми. Эти различия были наиболее заметны между Старой Козой и Флосси. Флосси очень небрежно относилась к своим обязанностям, тогда как Старая Коза была образцовой матерью.

Тигр, которому исполнилось семь месяцев, когда Симба, первый ребенок Флосси, исчез, был довольно живым и сообразительным сорванцом, отличительной чертой которого была длинная волнистая рыжевато-бурая прядь на голове, ниспадающая непокорными локонами ниже шеи и обрамляющая лицо. Его необычная пламенная грива была видна издали, чего не скажешь о черной как смоль шерсти Старой Козы. Как и подобает детенышу его возраста, у Тигра намечался кусок белой шерсти на затылке, глаза постепенно превращались в наиболее примечательную часть лица, а вес его достиг около пяти килограммов. Он обычно находился в пределах досягаемости Старой Козы, и она теперь таскала его на спине, а не на руках. Когда Тигр пытался ходить без чьей-либо помощи, движения его были неловкими — ему явно не хватало координации. Как и большинство детенышей в возрасте около семи месяцев, он питался в основном грудным молоком. Уже научился срывать растения, но не приобрел навыков обрывать листья или сворачивать их в комок. Быстрое овладение этими приемами зависит от того, насколько внимательно он следил

за тем, как питаются другие гориллы. Как все детеныши, Тигр никогда не пытался отнимать пищу у других животных, хотя его мать часто отбирала у него комки помета и прочие несъедобные предметы, например яркие цветы. У детенышей, живущих на воле, первая добытая ими пища состоит из остатков растений или коры, свалившихся на колени матери.

В октябре 1969 года, когда второй детеныш Флосси приближался к семимесячному возрасту, молодая самка Мэйзи девяти с половиной лет начала проявлять к нему повышенный интерес. Мэйзи тратила много времени на ухаживания за Флосси в надежде, что ей будет проще завладеть малышом, чтобы ласкать его. Флосси, очень похожая на Мэйзи, относилась к ней в высшей степени терпимо, из чего я сделала вывод, что их объединяют тесные семейные связи. Флосси никогда не возражала, если Мэйзи забирала малыша на весь период дневного отдыха и давала волю своим материнским инстинктам. Это называется «тетиным поведением» и предполагает исключительно родственные взаимоотношения. Они позволяют детенышам ближе познакомиться со взрослыми животными, не являющимися их родителями, а иногда еще не рожавшие самки получают возможность накопить определенный материнский опыт.

Дядюшка Берт проявлял себя чрезмерным собственником по отношению к своему первому чаду и нередко пытался оттеснить Мэйзи от Флосси, вставая между ними и отгоняя Мэйзи оплеухами. Я еще не знала, что Мэйзи уже забеременела от Дядюшки Берта, и тем не менее вставала на защиту Мэйзи и хрюкала или клала зубы на молодого вожака, которому еще предстояло научиться, как поддерживать мир в своем гареме.

Прошел еще месяц, во время которого интерес Мэйзи ко второму детенышу Флосси не ослабевал, и она сама

стала матерью. Роды, очевидно, были трудными, поскольку Мэйзи построила себе четыре ночных гнезда на расстоянии нескольких метров друг от друга. В каждом гнезде было очень много крови, и ею были залиты тропинки между гнездами. Детеныш оказался мертворожденным. Его тело было найдено в последнем гнезде. На следующий день Мэйзи чувствовала себя вполне нормально, но до очередных родов предстояло ждать еще три года.

Как и в большинстве случаев, Мэйзи рожала ночью. По ночам гориллы обычно не двигаются с места, и ни одно животное не вмешивается в процесс родов. Опытные матери, как правило, рожают в одном гнезде, в котором потом можно обнаружить пропитанную кровью растительность, а иногда и куски плаценты. Самки, рожающие в первый раз или разрешающиеся от бремени мертвыми детенышами, как это произошло с Мэйзи, могут сооружать до пяти ночных гнезд подряд неподалеку от основного гнездилища группы.

При удачных родах живущие на воле самки обычно поедают большую часть, а иногда и всю плаценту, но, если родился мертвый детеныш, они ее не трогают. Очевидно, матери и новорожденные извлекают какие-то выгоды для здоровья с точки зрения питания и санитарии, когда мать поедает плаценту, а затем и экскременты детеныша. Гориллы, живущие в неволе или искусственно созданной среде, обычно облизывают плаценту и съедают ее лишь в редких случаях, но, насколько мне известно, никто не наблюдал, чтобы они в этих условиях поедали экскременты детеныша.

Мэйзи оказалась одной из первых самок, доказавших, что интервал между родами у горилл, рожающих в первый раз, гораздо дольше, чем у зрелых самок. Это связано с тем, что молодые самки имеют обыкновение метаться от одного серебристоспинного самца к другому перед тем, как

сделать окончательный выбор и связать свою судьбу с одним партнером на всю жизнь. При частых переходах от одного самца к другому детеныши молодых самок имеют в три раза больше шансов стать жертвами детоубийства, чем у матерей, проводящих все годы в одной и той же группе. Кроме того, «бродячим» самкам требуется некоторое время для установления прочных связей с новым партнером — эдакий период ухаживания, — особенно если у самца есть уже сложившийся гарем или он занимается поисками новых самок.

Когда у Мэйзи родился мертвый детеныш, Тигру исполнилось два года и ему были присущи черты яркой индивидуальности. В отличие от большинства детенышей его возраста, проводящих 60% времени вдаль от своих матерей, Тигру нравилось составлять компанию любящей Старой Козе. Его ближайшими сверстниками в группе 4 были восемнадцатимесячная Симба, дочь Миссис Икс, Папуз в возрасте четырех с половиной лет и Диджит, которому к 1969 году было, очевидно, около семи лет. Иногда, когда Тигр затевал игры с любым из этих трех детенышей, а Старая Коза отправлялась на кормежку, Тигр тут же прекращал игру. С огорченным выражением лица по следу, который выискивал среди лабиринта других следов, он выходил на мать и бросался к ней в объятия, хотя с момента расставания не прошло и получаса.

В середине 1970 года, когда Тигру исполнилось два с половиной года, он позже других детенышей начал практиковаться в сооружении дневных гнезд. В возрасте восемнадцати месяцев детеныши уже обычно пытаются неумелыми движениями притаптывать траву или сгребать вокруг себя листья на время дневного отдыха. На протяжении первых трех лет на сооружение гнезд детеныши затрачивают

около шести минут, потому что эта работа часто прерывается игрой с растениями. (Самому маленькому детенышу, который без посторонней помощи построил себе ночное гнездо и спал в нем, было тридцать четыре месяца, а его мать должна была вот-вот родить.) Обычно детеныши продолжают строить небольшие ночные гнезда, примыкающие к гнездам матерей, в течение года после рождения младшего брата или сестренки. К тому времени, независимо от возраста, в котором они начали строить гнезда, детеныши уже основательно набивают себе руку и могут сооружать отдельные гнезда рядом с материнскими.

Первая попытка Тигра построить себе гнездо оставляла желать лучшего. Однажды вечером, когда взрослые гориллы группы 4 удобно устроились в своих пышных и выложенных листьями гнездах, малыш начал уверенно пригибать длинные стебли травы по одному себе на колени. Затем, привстав на четвереньки, он подмял под себя пружинящие стебли и поспешно улегся на них. Непослушные стебли крестовника так и норовили вновь выпрямиться, а его маленькое тело не могло придавить все пригнутые стебли. Тигр несколько раз повторил эту операцию, и постепенно на смену уверенности пришло отчаяние. Он начал хлопать по окружающим его стеблям, прыгать по ним и кататься на спине, расставив руки в попытке укротить их. Через несколько мгновений его рот растянулся в идиотской улыбке, он захлопал по животу и по окружающим листьям и стал перебирать ногами в воздухе, как при езде на велосипеде. Потом вскочил и внимательно огляделся. После этого несколько раз оттянул и отпустил нижнюю губу, как натянутую резиновую ленту, и наконец бегом устремился к тщательно построенному гнезду Старой Козы и улегся в него рядом с матерью.

В августе 1970 года, когда Тигру было почти три года, группа 4 вступила в новый, длившийся около года период

прибавлений и потерь — родились три детеныша, умерли три гориллы и три гориллы ушли из группы. Флосси потеряла первого ребенка от Дядюшки Берта, когда тому исполнилось семнадцать месяцев, и его так и не нашли. Учитывая возраст детеныша и то, что Флосси была бездарной матерью, я была уверена, что с ним произошел несчастный случай. За двадцать семь месяцев до этого Флосси лишилась еще одного детеныша в семимесячном возрасте. Первое исчезновение совпало по времени, когда Дядюшка Берт взял в свои руки бразды правления группой 4 после естественной смерти отца малыша, Уинни. Если учесть, что потеря ребенка может быть связана с установлением тесных связей в новой паре половозрелых самца и самки, не исключено, что первый детеныш Флосси мог стать жертвой детоубийства.

В августе у Петьюлы родился первый ребенок — девочка Августа, названная в честь месяца появления на свет. Это был в общей сложности третий ребенок от Дядюшки Берта, но единственный, кому удалось выжить.

После рождения Августы у Дядюшки Берта остались три взрослые самки (Старая Коза, Флосси и Миссис Икс) и три молодые, бездетные (Бравадо, Мэйзи и Мачо). Бравадо была первой из тех, кому пришлось эмигрировать. В январе 1971 года она перешла в группу 5 во время незамеченной нами встречи. Этот переход был для меня неожиданным, если учесть, что никогда не рожавшая самка стала членом группы с твердо устоявшейся иерархией самок. Став новым членом гарема Бетховена, состоявшего из четырех самок более старшего возраста, Бравадо не могла надеяться улучшить свое социальное положение и практически не имела никаких шансов зачать ребенка от Бетховена.

Четвертый детеныш от Дядюшки Берта родился у Старой Козы в апреле 1971 года, но ему не суждено было

выжить, и я даже думала, что он родился мертвым. За несколько дней до родов Старая Коза и Тигр (ему был сорок один месяц) начали заходить в седловину к западу от горы Високе, опережая группу 4 приблизительно на километр. Дядюшка Берт терпеливо следовал за матерью с сыном во главе остальной группы в район, где группа 4 редко бывала из-за частого появления людей. Старая Коза родила вдали от склонов Високе. Роды длились три дня и три ночи, о чем свидетельствовали ночные гнезда и тропинки между ними, залитые кровью и содержащие куски плаценты. После родов мне удалось лишь на мгновение увидеть, как Старая Коза тащила тело детеныша. Буквально через несколько секунд раздались истошные крики, и вся группа ринулась обратно к склонам горы Високе, до которых было добрых полтора километра.

На протяжении недели мы с Бобом Кэмпбеллом и другими работниками лагеря разыскивали тело малютки, однако поиски так ни к чему и не привели. После потери детеныша отношения между Старой Козой и Тигром стали еще более тесными. Тигр снова стал вести себя как младенец. Старая Коза позволила ему сосать молоко, предназначенное для погибшего детеныша, и снова стала таскать его на спине, хотя он весил уже около двадцати килограммов, и подолгу ухаживала за ним. Ее возросшая потребность в общении с Тигром даже во время кормежки и переходов отдалила Старую Козу от прочих членов группы 4, в основном приспособившихся к увеличивающемуся составу группы.

Через день после неудачных родов Старой Козы, когда группа 4 возвращалась на родные склоны горы Високе, ей встретился больной Амок, блуждавший в одиночку по западной части седловины с момента ссоры с Дядюшкой Бертом три года назад. Когда группа 4 вернулась на Високе, старая Миссис Икс, которой, очевидно, было трудно по-

спевать за всеми, составила компанию Амоку. Их совместная жизнь, продолжавшаяся всего два месяца, казалась не совсем обычной, но в этом была своя логика, если учесть, что оба животных были нездоровы, мало ели и перемещались медленно.

После ухода Миссис Икс из группы 4 ее тридцатимесячная дочь Симба превратилась из веселого общительного подростка в замкнутую болезненную личность. Она денно и ночно сидела, прижавшись к Дядюшке Берт, отказывалась принимать участие в играх и начала поедать собственные экскременты. Молодой серебристоспинный самец, вот уже четвертый год предводительствовавший группой 4, отнесся к беспомощной Симбе с большим участием. Он ухаживал за ней, как мать, делил с ней свое гнездо и тщательно оберегал от приставаний со стороны других подростков, желавших поиграть с ней.

В мае 1971 года старая Миссис Икс приплелась обратно в группу 4, оставив позади метрах в ста Амока, и почти целый день обменивалась с Дядюшкой Бертом ударами в грудь и рычанием. На протяжении последующих трех лет она все больше слабела и все время была одна. Когда старая самка исчезла окончательно, я решила, что она умерла, но тело так и не было найдено в огромной седловине, где прошли последние годы ее жизни.

Когда Миссис Икс вернулась в группу 4, Симба снова повеселела и исчезли психологические последствия двухмесячной разлуки с матерью. Ко времени ухода матери из группы Симба была почти полностью отлучена от груди, и ее депрессию можно было объяснить не столько тем, что она лишилась материнского молока, сколько ласки.

По возвращении Миссис Икс в группу 4 было видно, что она безнадежно больна. Она снова исчезла через двадцать три дня. Интенсивные поиски ее тела оказались

тщетными. Учитывая ее продолжительную болезнь, было нетрудно предположить, что она скончалась.

Хотя прошло более десяти лет после исчезновения некоторых из вышеупомянутых горилл, их скелеты так и не были обнаружены, несмотря на частые и тщательные поиски во всем районе исследований. Это понятно, если учитывать огромную площадь лесистой местности, буйную растительность и изрезанность территории области Вирунга. Более того, умирающие гориллы часто прячутся в дуплах хагений, что еще более осложняет поиски.

С исчезновением матери Симба снова ушла в себя и реагировала только на Дядюшку Берта, который немедленно возобновил свою опеку над ней. Несмотря на тщательный уход со стороны серебристоспинного самца, по виду тридцативосьмимесячной сиротки можно было сказать, что она лишилась матери. Шерсть на ее голове сбилась в колтун, белый пушок на задѹ стал грязным, а глаза и нос были постоянно мокрыми. Но наиболее заметными признаками отсутствия матери были изъязвленные ноги Симбы. Без матери она лишилась возможности передвигаться на ее спине. Ни Дядюшка Берт, ни серебристоспинные самцы из других изучаемых групп, взявшие на себя заботу об осиротевших трех- и четырехлетних малышах, никогда не были замечены с детенышами на спине даже во время быстрых переходов. Когда Симба отставала от группы 4, только ее единокровный брат Диджит оставался позади и вместе с ней догонял группу.

Через год после смерти матери Симба стала сооружать себе гнезда и было жалко смотреть на нее, как она собирает листья в кучу, не заботясь об обрамлении. Даже в возрасте пятидесяти месяцев она строила гнезда, как двухмесячный детеныш, и гнездо не уберегало ее от холода и сырости горного климата. В особенно холодные ночи она перебиралась в гнездо к Дядюшке Берту. Более года молодой са-

мец продолжал ухаживать за Симбой с прежним вниманием. Будучи объектом такой заботы, Симба обретала все большую уверенность в себе и даже в какой-то мере избаловалась. При малейшем приставании со стороны Августы, Тигра или Папуз, приглашавших ее поиграть с ними, ей достаточно было пискнуть, как Дядюшка Берт призывал непосед к порядку хрюканьем или клацаньем зубов.

Первые робкие попытки Симбы включиться в игру получили поддержку со стороны семилетней Папуз, которая была на три года старше Симбы. Однако сиротка никак не решалась играть с кем-либо. Она скрывала свой интерес к играм, приближаясь к играющим метра на четыре, и, присев на землю, делала вид, что выискивает у себя блох. Таким образом она могла наблюдать за игрой и не принимать в ней участия.

Дядюшка Берт пользовался тем же приемом по отношению к людям, когда Симба обрела достаточную уверенность в себе и не скрывала своего любопытства к наблюдателям. Готовый в любой момент защитить свою подопечную от людей, он начинал зевать (не от нервозности, а якобы от скуки), делая вид, что занят кормежкой, с непринужденным видом подходил к наблюдателям и рывкал на Симбу — та отскакивала подальше. Нам приходилось ретироваться, а сделавший свое дело Дядюшка Берт возвращался к группе.

Молодому серебристоспинному самцу пришлось проделать долгий путь, пока он освоил роль вожака группы 4, за сплоченность и безопасность которой отвечал. Он был вожаком-новичком в июне 1971 года (в тот месяц скончалась мать Симбы), когда две оставшиеся в группе молодые самки, Мэйзи и Мачо, перешли в группу 8, где властвовал Рафики. Тогда я решила, что Дядюшка Берт потерял двух

потенциальных жен. И при этом не учитывала, что Рафики, Самсон, Гизер и Пинатс приобрели двух столь необходимых для них самок. Кроме того, с переходом в группу 8 престиж Мачо и Мэйзи заметно возрос, так как в группе 4 главенствующее положение в женской иерархии занимали Старая Коза и Флосси.

За четыре года наблюдений группа 4 пережила много трагических событий. Сначала она потеряла своего вожака Уинни, умершего естественной смертью. Кровная связь позволила старшему сыну Уинни, Дядюшке Берт, сохранить сплоченность группы с помощью властной Старой Козы. В том, что группа 4 смогла сохраниться как единое целое, не было ничего удивительного. Она является ярким примером, как в сообществе горилл с течением времени сохраняются родственные связи. Молодые, достигшие половой зрелости самки группы 4 разошлись по чужим серебристоспинным самцам. А Дядюшка Берт со временем превратился в опытного вожака. И наконец, что немало важно, черноспинный Диджит стал вникать, как до него и Дядюшка Берт, в секреты предводителя группы. К июню 1971 года будущее группы 4 находилось в надежных руках.

Глава десятая

ГРУППА 4 ПРОДОЛЖАЕТ КРЕПНУТЬ

Уход Бравато, Мэйзи и Мачо из группы 4 в 1971 году означал, что Диджит лишился трех единокровных сестер, партнерш по играм в переходный период жизни — от подростка до взрослого черноспинного самца. Достигнув к этому времени возраста девяти лет, он был слишком стар, чтобы играть с однолетней Августой, сорокамесячной Симбой, сорокапятимесячным Тигром или пятилетней Папуз, но слишком юн для вступления в близкие отношения со старшими самками группы 4 — Старой Козой, Флосси и Петьюлой. Может быть, именно поэтому Диджит привязался к людям сильнее, чем любая другая горилла из изучаемых групп, имеющая братьев, сестер и сверстников.

У меня создалось впечатление, что Диджиту просто нравились ежедневные контакты с наблюдателями из Карисоке и они служили для него источником развлечений. Со временем выяснилось, что он отличает мужчин от женщин:

на первых он игриво нападал и награждал их легкими оплеухами, а в присутствии вторых им овладевала застенчивость. Он всегда первым выбегал посмотреть, кто из наблюдателей прибыл в этот день. Ему нравилось, когда я приводила незнакомцев: в таких случаях он полностью игнорировал меня и изучал моих спутников, обнюхивая их или осторожно касаясь их одежды и волос. Если я приходила одна, он часто приглашал меня поиграть с ним, опрокидывался на спину, размахивал в воздухе своими короткими ногами и, глядя на меня с улыбкой, как бы спрашивал: «Неужели ты можешь устоять передо мной?» Должна признаться, что в такие моменты мои серьезные намерения заняться чисто научным исследованием молниеносно улетучивались.

Как и Пак из группы 5, Диджит питал пристрастие к термосам, блокнотам, перчаткам и фотоаппаратуре. Он всегда внимательно изучал, обнюхивал и перебирал в руках эти предметы, а иногда возвращал их владельцам. Делал он это не от сознания, что эти предметы принадлежат не ему, а лишь потому, что не любил присваивать вещи, принадлежащие людям.

Однажды, отправляясь на встречу с группой 4, я взяла с собой зеркальце и устроилась в зарослях так, чтобы Диджит заметил его. Без малейшего промедления он подошел ко мне, улегся, опершись на локти, и стал обнюхивать зеркальце, не прикасаясь к нему пальцами. Но вот молодой самец увидел свое отражение, и его губы вытянулись в трубочку, голова недоуменно склонилась набок, а из груди вырвался глубокий вздох. Диджит некоторое время спокойно созерцал себя в зеркальце, а затем протянул руку и стал искать за ним тело. Ничего не обнаружив, он молча рассматривал свое отражение еще минут пять, потом вздохнул и отодвинулся назад. Меня удивило, с каким спокойствием Диджит отнесся к зеркальцу и с каким неподдельным удо-

вольствием гляделся в него. Трудно сказать, узнал он себя в отражении или нет, но по отсутствию посторонних запахов, по-видимому, догадывался, что другой гориллы поблизости нет.

Чтобы привлечь туристов в Вулканический национальный парк, руандийское бюро по туризму попросило меня сфотографировать гориллу для рекламного плаката. Поскольку я была гостем этой страны, то решила удовлетворить просьбу так же, как несколько лет назад передала в почтовое ведомство Руанды снимки с лесными видами и гориллами для использования в первой серии почтовых марок, посвященной гориллам Вулканического национального парка. На диапозитиве, представленном мною в бюро по туризму, был изображен мой любимый Диджит. Вскоре после этого по всей стране — в отелях, банках, управлении парка, аэропорту Кигали, а также в бюро путешествий во всех странах света — появились большие разноцветные плакаты с изображением Диджита, вцепившегося зубами в кусок дерева. На плакате красовалась надпись: «Приезжайте в Руанду повидать меня!» При виде плаката меня охватили противоречивые чувства. До сих пор Диджит был неизве-

стен миру, теперь молодой самец, живущий в своей родной семье, приобрел всемирную славу. Я не могла отделиться от чувства, что нашей близости приходит конец. Меня не устраивало, что группа 4 может стать объектом паломничества бесцеремонных толп туристов в то время, когда она была на грани превращения в устойчивую семейную ячейку.

В августе 1971 года Флосси родила от Дядюшки Берта Клео. Это произошло ровно через год после исчезновения их первого отпрыска. Клео появилась на свет в нескольких сотнях метров от того места, где Флосси в 1967 году родила Симбу. С этой точки, названной Скалой рождения, хорошо просматривалась окружающая местность. Поскольку речь идет о скалистом выступе в широком ущелье с крутыми склонами, попасть на него было нелегко, во всяком случае людям.

Флосси впервые проявила себя настоящей матерью по отношению к Клео, второму выжившему детенышу из пяти, отцом которых был Дядюшка Берт. Повышенное внимание Флосси к Клео я объясняла тем, что под более умелым предводительством Дядюшки Берта группа 4 становилась более устойчивой, а серебристоспинный вожак превратился в надежного защитника детенышей в группе. Молодой вожак продолжал набираться опыта в улаживании отношений в группе, однако понадобилось несколько лет и множество контактов с гориллами, прежде чем он смог проявить себя подобающим образом при встречах с другими группами.

В октябре 1971 года группа 4 встретилась с группой 5 на юго-восточной окраине своей территории. Во время двухдневного контакта Бравато, перешедшая в группу 5 за десять месяцев до этой встречи, заново «познакомилась» с членами родного семейства. Все, кроме малых детенышей, сразу же узнали ее. Диджит и Папуз оживленно играли с

Бравадо, а также с Икаром, Пентси и Пайпер. Дух товарищества, воцарившийся между ними, дал кое-какие представления о том, как молодые гориллы соседствующих групп знакомятся друг с другом в переходном возрасте до достижения половой зрелости.

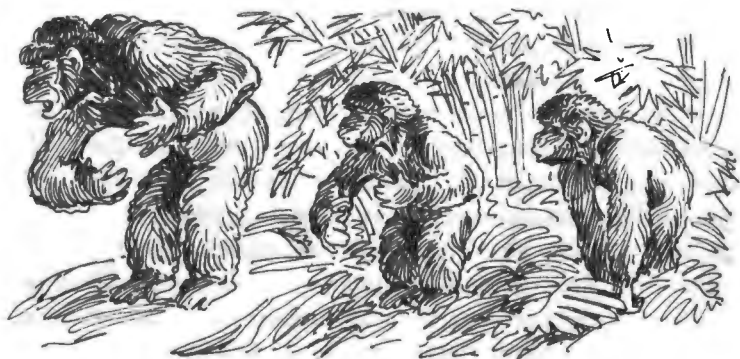
К сожалению, Дядюшка Берт проявил несдержанность по отношению к Бетховену. Молодой серебристоспинный самец при поддержке Диджита несколько раз предпринимал агрессивные выпады против вожака группы 5. Он не позаботился даже о том, чтобы держать членов группы 4 на безопасном расстоянии от Бетховена, и в возбуждении прыгнул прямо в середину своей группы. Самки и детеныши отскочили в стороны, а пятимесячная Августа и двухмесячная Клео оказались в опасности. Августа — ее еще носили на спине — в ужасе от происходящего буквально вжалась в Петьюлу, крепко вцепившись в ее шерсть и громко вскрикивая всякий раз, когда растерявшиеся члены группы 4 отступали под натиском Бетховена. Клео, висевшая у Флосси на брюхе, проспала и не слышала переполоха. Наконец Старая Коза с кислым выражением лица отвела детенышей и самок группы 4 подальше от разбушевавшихся вожаков. Вечером следующего дня Бетховен решительно увел Бравадо из группы 4 в свою группу. В тщетной попытке сказать последнее слово Дядюшка Берт угрожающе затопал вслед за Бетховеном, а за ним гуськом двинулись Тигр, Симба и Папуз, комически подражая походке молодого вожака.

За эти два дня я обратила внимание на разительное отличие в поведении обоих вожаков. Когда-то, за много лет до этой встречи, Бетховен столь же неумело руководил членами своего семейства, как теперь Дядюшка Берт своим. Более зрелый возраст и опыт позволили Бетховену выйти из сложившейся ситуации, не прибегая к агрессивности. Я была уверена, что со временем Дядюшка Берт научится

вести себя при встречах с другими группами горилл или одинокими серебристоспинными самцами и подобно Бетховену окажется на высоте. А пока Дядюшке Берту предстояло многое познать, равно как и более молодым самцам в обеих группах: Диджиту — в группе 4 и Икару — в группе 5.

Будучи пока черноспинным самцом, то есть самцом, не достигшим половой зрелости, Диджит старался справляться со своими обязанностями как можно лучше. Как второй по возрасту самец в группе 4, он оказал поддержку Дядюшке Берту во время стычки с группой 5, хотя было очевидно, что Бетховен нагнал на него страху. Но, я думаю, его возбуждала мысль о возможном возобновлении связи с Бравадо. Мне было не ясно, кто из двух — Диджит или Старая Коза — стал первым домогаться общества другого, но в какой-то момент выяснилось, что взрослая самка в высшей степени терпимо относилась к близости Диджита, когда они оказывались вдвоем на краю группы. Такой ход развития отношений между ними был явно на пользу всей группе. У Старой Козы наконец появился партнер, с которым можно было делить обязанности по охране группы.

Диджит определился в той роли, которую ему предстояло играть, а у Дядюшки Берта стало два «стража», с помощью которых можно было более надежно защищать интересы группы.

Исполнение Диджитом новых обязанностей, свалившихся на его плечи, стало очевидным в начале 1972 года, когда группа 4 более прочно освоила седловину. С выходом на новую территорию группа оставила местность, которую приходилось делить с группами 8 и 9, а также получила в свое распоряжение более разнообразную и обильную растительность, произрастающую в седловине. В отличие от горных склонов в более или менее плоской седловине обзор окружающей местности во время походов и отдыха стал более ограниченным для группы, и Диджит со Старой Козой превратились в бдительных стражей.

Оказывая поддержку Дядюшке Берту во время встреч с другими группами, Диджит в большей степени подвергался опасности получить ранение от взрослых и опытных самцов из группы 8. Так, в марте 1972 года после встречи с группой 8, которую нам не удалось наблюдать, у Диджита появилось несколько серьезных ран на лице и шее. На протяжении

более четырех лет из глубокой раны на шее сочилась отвратительно пахнущая жидкость. Рана находилась в таком месте, что Диджит не дотягивался до нее языком и, стало быть, не мог зализать. Ему оставалось только слизывать жидкость с пальца, которым он непрерывно ковырялся в ране, чем, очевидно, и объяснялся затянувшийся воспалительный процесс. Почти два года от Диджита исходил необычный кислый запах, он часто испускал огромное количество газа и можно было слышать, как он рыгает. Помимо того что Диджит становился малоподвижным и апатичным, он сгорбился, и его тело постепенно стало принимать угловатую осанку, будто животное собирается присесть.

Оживал он лишь на два-три дня каждый месяц, когда у семилетней Папуз начинался менструальный цикл. Дядюшка Берт никогда не препятствовал Диджиту совокупляться с неполовозрелой самкой, но не подпускал к группе, когда в середине 1972 года у Старой Козы возобновилась менструация. В эти дни Диджит обычно устраивался поодаль от остальных и раскачивался из стороны в сторону, словно занимаясь мастурбацией, хотя за этим занятием его так никто и не застал.

Во время встреч групп 4 и 8, когда их разделяло друг от друга не более 30 метров, Папуз и Симба ненадолго покидали свою группу, чтобы поиграть с Пинатс и Мачо из группы 8, к большому неудовольствию Диджита. Дядюшка Берт и Рафики не обращали внимания на передвижения обеих самочек. Я объясняла это тем, что Папуз и Симбе было далеко до половой зрелости, а также преклонным возрастом Рафики, которого новые самки уже не привлекали.

Возмужание Диджита проявлялось в том, что его интерес к наблюдателям упал, поскольку теперь ему приходилось выполнять функции стража группы 4, и он становился потенциальным производителем потомства.

Подобно Диджиту, Тигр также был призван сыграть особую роль в повышении устойчивости группы 4. Когда Тигру исполнилось пять лет, его окружали сверстники по играм, любящая мать и заботливый вожак. Он представлял собой довольную жизнью и вполне здоровую в психическом отношении личность, заражавшую жизнерадостностью остальных членов группы. Тигр часто выражал свое благополучие особой гримасой. Он вытягивал губы наподобие мальчишки, готового выдуть пузырь из жевательной резинки, сморщивал нос, а его прищуренные глаза превращались в узенькие щелочки. В отличие от Диджита Тигр редко вступал в панибратство с наблюдателями. Он обращал внимание на людей только тогда, когда сородичам было невозможно от его неиссякаемой энергии. Будучи склонным скорее к движению, нежели к пытливой любознательности, он получал огромное удовольствие от перетягивания каната с нами, причем канатом служил стебель растения, который он пытался вырвать из рук наблюдателя. Ему особенно нравилось, когда человек выпускал стебель из рук и Тигр кубарем катился назад, захлебываясь от удовольствия, после чего возвращался, и все начиналось сызнова.

Любимым партнером Тигра по играм была Папуз, которой исполнилось семь с половиной лет: она вступала в возраст подростка. В потасовках с Тигром в ней пробуждалось мальчишеское озорство, в то время как маленькая Симба будила в ней материнский инстинкт. Ее игры с Диджитом, приобретавшие половой оттенок, постепенно стали вытеснять прочие занятия. Папуз также стремилась установить близкие отношения с Петьюлой — самкой, занимающей нижнюю ступеньку в иерархии группы 4. Судя по их внешнему сходству и близости, можно было предположить, что это единокровные сестры.

Петьюла очень напоминала мне Лизу из группы 5: обе самки занимали последнее место в иерархии своих групп,

их присутствие плохо переносилось более взрослыми самками и у обеих были беспокойные чада. Петьюла была довольно непоследовательной в выполнении своих материнских обязанностей. После стычек с Флосси или Старой Козой она часто срывала досаду на дочери Августе. Всякий раз, когда мать хрюкала на нее или притворно кусала без каких-либо видимых причин, лицо Августы морщилось в выразительной гримасе, и она начинала хныкать. Если ее хныканье перерастало в жалобный вой, Августе снова доставалось от Петьюлы.

В первый год ее жизни, по всей вероятности из-за недостаточного внимания со стороны матери и нежелания старших сородичей водиться с ней, Августа стала проявлять необыкновенную изобретательность в одиночных играх на деревьях. Своими акробатическими трюками она буквально уничтожала ростки вернонии. Августа была, пожалуй, единственной гориллой, которая часто использовала деревья для обнаружения других животных, особенно Петьюлы, когда та исчезала в высоких зарослях.

Когда Августе исполнилось восемнадцать месяцев, она обнаружила, что, хлопая в ладоши, можно издавать интересный звук. Она предавалась этому занятию до пятилетнего возраста. Я никогда не видела, чтобы живущая на воле горилла хлопала в ладоши, хотя среди животных, живущих в неволе, это не столь уж необычное занятие. Судя по удивленным выражениям лиц остальных животных группы 4, хлопки в ладоши были в новинку и для них. Августа иногда проявляла излишнее усердие и могла сидеть и хлопать в ладоши целую минуту с идиотской улыбкой на лице. (Некоторые живущие на воле детеныши часто хлопают руками по стопам ног, но они это делают ради осязательного, а не звукового эффекта.)

В возрасте шести месяцев Клео превратилась в пыльное создание с шилом в заднице, проводящее большую

часть дневного отдыха в ползании по земле в пределах досягаемости мамы Флосси. В этот период она неизвестно каким образом серьезно повредила глаз. Почти два года из раны сочилась жидкость, потом она зажила. Однако казалось, что рана Клео не беспокоит, а Флосси ни разу не пыталась вылизать ее.

Как и в случае первых двух детенышей, Флосси снова стала пренебрегать своими материнскими обязанностями. Поэтому я была удивлена, когда однажды она подбежала к Клео и отшвырнула подальше от детеныша свежие комья помета Петьюлы. Я так и не поняла, были ли ее действия продиктованы материнским инстинктом или она таким образом решила показать свое превосходство над самой низкой по рангу Петьюлой.

Клео оказалась последним детенышем, родившимся в группе 4 за трехлетний период. К концу 1973 года все три взрослые самки снова вошли в менструальный цикл и стали помогаться ухаживаний Дядюшки Берта. Молодой серебристоспинный самец проявлял особый интерес к Старой Козе, в меньшей степени к Флосси и почти полностью игнорировал Петьюлу. Старая Коза иногда через каждые четверть часа медленно приближалась к Дядюшке Берту и нехотя позволяла ему овладеть ею. Самец тратил больше времени и энергии на совокупление с ней, чем с Флосси или Петьюлой. Но с особой охотой он совокуплялся с Флосси в те дни, когда у нее с Петьюлой полностью или частично совпадал менструальный цикл. Петьюла кокетничала с Дядюшкой Бертом больше, чем Флосси, но он, как правило, ограничивался кратковременным ухаживанием, не совокупляясь с ней. Только когда Августе исполнилось сорок месяцев, Дядюшка Берт возобновил половые отношения с Петьюлой, да и то бесстрастно.

Когда взрослые самки становятся восприимчивыми в половом отношении, в группе зачастую начинаются не-

двусмысленные игры. Флосси, как правило, взбиралась на довольно безразлично держащего себя Тигра, а Петьюла карабкалась на Флосси или Старую Козу. Только Старая Коза никогда не приставала к другим самкам. Тигру исполнилось шесть лет, когда у его матери начался регулярный менструальный цикл в 1973 году. Он стал проявлять повышенный интерес к половой деятельности Старой Козы, но ни разу не осмеливался вмешаться, если Дядюшка Берт предавался с ней любовным утехам. Именно в этом возрасте Тигр начал свои попытки покрыть Симбу или Папуз, да и то, если Диджит, которому было почти одиннадцать лет, был далеко.

Когда Симбе стукнуло шесть лет, Диджит начал совокупяться с ней так же, как и с Папуз, без какого-либо вмешательства со стороны Дядюшки Берта в те дни, когда его привлекала одна из трех взрослых самок. Разница в возрасте и размерах придавала их совокуплениям комический вид — безразличный взгляд Симбы резко контрастировал с озабоченным выражением лица складывавшего губы в трубку Диджита.

В январе 1974 года Дядюшка Берт стал водить свою группу вслед за группой 8, предводительствуемой старым Рафики. Она состояла из Пинатс, Мачо, восьмимесячной дочери Тор от Мачо, а также Мэйзи, перешедшей в группу 8 в середине 1971 года. Благодаря приобретенному опыту Дядюшка Берт стал стратегом, и ему удалось отвоевать Мэйзи у Рафики. В течение первых нескольких недель пребывания молодой самки в группе 4 Дядюшка Берт не раз налетал на нее и награждал оплеухами. Когда самка попадает в новую группу, она обычно становится объектом возбужденных демонстраций со стороны серебристоспинного вожака, пытающегося утвердить свое господство над нею.

В случае Мэйзи ситуация была несколько иной, если учесть, что группа 4 была для нее родной и она была хорошо знакома со всеми ее членами, за исключением Клео в возрасте двух с половиной лет, родившейся после ухода Мэйзи из группы в июне 1971 года. Клео более остальных была недовольна возвращением Мэйзи и часто выражала свою неприязнь хрюканьем или притворными нападениями. А Августе было всего лишь одиннадцать месяцев от роду, когда Мэйзи покинула группу. Молодая самка уже в возрасте сорока одного месяца пыталась любыми средствами обратить на себя внимание Мэйзи и добиться ее благосклонности.

Мэйзи пробыла в группе 4 всего лишь пять месяцев. Ей так и не удалось гармонично вписаться в группу, о чем свидетельствовало недовольное хрюканье в ее адрес со стороны других членов, а также дистанция, которая установилась между ней и взрослыми самками, включая Старую Козу, Флосси и Петьюлу. В июне 1974 года Мэйзи начала курсировать между группой 4, группой 8 и серебристо-спинным одиночкой Самсоном, когда-то состоявшим в группе 8, и в конце концов осталась с ним.

После смерти Рафики в апреле 1974 года Дядюшка Берт стал все больше времени проводить по соседству с территорией группы 8 и даже заходил на нее. Месяц спустя три оставшиеся в группе 8 гориллы — Пинатс и Мачо с вцепившимся в брюхо Тором — ввязались в ожесточенную схватку с группой 4. Тор был убит Дядюшкой Бертом. Как обычно, детоубийство произошло после смерти серебристоспинного вожака группы, к которой принадлежал детеныш, после чего его мать перешла в группу убившего детеныша самца. Уничтожив Тора, Дядюшка Берт избавился от отпрыска конкурента, приобрел к своей группе новую самку и сократил промежуток времени до оплодотворения Мачо. Правда, этот случай отличался от большинства де-

тоубийств тем, что Дядюшка Берт не касался Мачо после смерти Тора целых пять месяцев.

Можно назвать две причины, почему Дядюшка Берт овладел Мачо с таким перерывом. Пинатсу, сыну Рафики, в то время было около двенадцати лет, и он еще не достиг половой зрелости, а значит, не был соперником по части оплодотворения. К тому же в южной части своей территории группе 4 приходилось встречаться с двумя серебристоспинными одиночками, Самсоном и более старым Нанки, который впервые появился в районе наблюдений два года назад. Дядюшка Берт не мог тягаться с Нанки, которому, как, впрочем, и Самсону, было под силу завладеть Мачо, если бы она была отобрана у Пинатса сразу после убийства Тора. Но через месяц после смерти Тора произошло совершенно неожиданное.

Петьюла и Папуз ушли из группы 4 и присоединились к Нанки, положив тем самым начало новой группе горилл на горе Високе. Папуз, скорее всего, покинула группу 4 из-за того, что долгое время была тесно связана с Петьюлой, по-видимому ее единокровной сестрой, а также потому, что у нее было мало шансов приобрести партнера в группе.

Эмиграция Петьюлы была внезапной. Получилось так, что, как в случае Лизы из группы 5, самка низшего ранга оставила своего четырехмесячного детеныша с отцом. И так же как Лиза, Петьюла решила поправить свое социальное положение, порвав с самками группы, где уже давно сложилась определенная иерархия. Наиболее примечательным в обоих случаях было то, что обе взрослые самки продолжали вскармливать молоком своих четырехмесячных детенышей, которых уже давно было пора отнять от груди, поскольку затянувшееся кормление делает зачатие невозможным. Ни Петьюла, ни Лиза не мог-

ли спровоцировать своих серебристоспинных партнеров на совокупление.

Мне было трудно сравнить поведение двух сироток из группы 4 — Симбы и Августы. У Августы были преимущества по сравнению с Симбой: она была на год старше, когда лишилась матери, а ее отец, Дядюшка Берт, оставался в группе. В отличие от Симбы Августа никогда не замыкалась в себе, хотя и стала проводить меньше времени в играх со сверстниками. Она пыталась держаться как можно ближе к Дядюшке Берту во время кормежек и дневного отдыха, а после того как лишилась матери, старалась устраиваться в неумело сооруженном ночном гнезде по соседству с ним.

В отличие от Симбы Августа не была избалована вниманием Дядюшки Берта, и она выросла гораздо быстрее, чем если бы все это время оставалась в группе с матерью. Она стала покровительствовать Клео и пыталась ухаживать за всеми членами группы 4, кроме Флосси. Без Петьюлы с ее низким рангом Августе удавалось проводить больше времени рядом с отцом, что способствовало дальнейшему укреплению ее связи с остальными сородичами.

В августе 1974 года, то есть ровно через три года после появления на свет дочери Клео, Флосси родила мальчика Тита. За все годы исследований мне удалось установить, что интервал между родами составляет в среднем (по тринадцати самкам) 39,1 месяца. Если учитывать только удачные роды (то есть когда очередной детеныш выживает), то средний интервал между ними (для десяти самок) составляет 46,8 месяца. В случае Флосси этот интервал был самым коротким. Если же принимать во внимание только неудачные роды (когда детеныш погибает или исчезает), то средний интервал между родами (для семи самок) составляет 22,8 месяца. Рождение Тита было весьма неожиданным. Хотя и было отмечено, что Флосси совокуплялась с

Дядюшкой Бертом восемь с половиной месяцев назад, никаких признаков беременности видно не было, да и она то и дело приставала к Дядюшке Берту или другим самкам.

Обусловленное менструацией поведение можно наблюдать во время беременности, особенно в поздней стадии, а у Флосси оно проявлялось даже накануне родов. Почти все наблюдаемые самки перед родами залезали на главенствующих и подчиненных взрослых самцов, а также на других самок. Объекты подобного поведения беременных самок обычно оставались пассивными. Однако небеременные самки, оказавшись под своими сородичами на сносях, проявляли двигательную активность и подавали соответствующие голосовые сигналы. Чем выше по рангу была верхняя самка, тем больше была вероятность активной реакции со стороны нижней. Подозреваю, что такое поведение помогает укрепить социальные узы между беременными самками и остальными членами семейства перед родами.

Тит был вторым детенышем Флосси, которому удалось выжить после родов, и, как прочие ее отпрыски, он выглядел недоразвитым и тощим. Кроме того, ему было трудно дышать. Сидя с разинутым ртом, он втягивал воздух громким силным вдохом, после чего его голова сотрясалась, как во время чихания. Такое затрудненное дыхание продолжалось у малышки почти восемь месяцев. Меня сильно беспокоило внешнее безразличие Флосси к своему сыну Титу, особенно во время переходов, когда головка детеныша беспомощно свисала через руку матери, которой она едва прижимала его к брюху.

За три года, протекавшие между родами, Флосси сильно постарела. Казалось, пожилая самка уже исчерпала свои жизненные силы. Клео и Титу доставались лишь крохи ее былой энергии и материнского внимания. Она либо пол-

ностью игнорировала сына, либо пресекала его попытки поиграть с ней хрюканьем или мнимым покусыванием.

Флосси ухаживала за Титом кое-как. Он редко пытался вырваться на свободу, лягаться или отмахиваться руками, как это обычно делают детеныши, протестуя против ухаживания. В отличие от большинства отпрысков, для которых ухаживание всегда начинается по инициативе матери, а кончается по настоянию малыша, Тит наслаждался вниманием матери. Когда же дело доходило до сосания груди, то он ничем не отличался от других детенышей в том смысле, что кормление обычно начинается по инициативе малыша, а прекращается матерью. К тому же Флосси была более строга к Титу, чем к Клео. Ее нетерпимость была, пожалуй, главной причиной того, что сын быстро прекращал сосать грудь, дабы не раздражать мать.

Когда Флосси родила Тита, прошло тридцать восемь месяцев со дня неудачных родов Старой Козы и она уже давно должна была снова забеременеть. Судя по ее ежемесячным приставаниям к Дядюшке Берту, с циклами у нее все было в порядке. Если не считать шестинедельного периода болезни, начиная с сентября 1973 года, Старая Коза выглядела вполне здоровой и одаряла Тигра постоянным вниманием и лаской.

В один прекрасный теплый день в октябре 1974 года я с удовольствием загорала на солнце среди группы 4 в самой что ни на есть мирной обстановке. Старая Коза возлежала на боку рядом со мной и несколько озадаченно следила за игрой семилетнего Тигра. С ликующим выражением лица он набирал пригоршни травы и молотил ею по земле, а также по голове и телу Старой Козы, ни на секунду не выходя из возбужденного состояния. Наблюдая за этой парой, я не могла не восхищаться, насколько прочны семейные узы среди горилл.

На следующий день у группы 4 произошла кровавая стычка с Пинатсом и Самсоном. Во время драки Самсон отобрал Мэйзи у Пинатса, а Дядюшка Берт у того же Пинатса вновь отобрал Мачо, и молодой серебристоспинный самец опять оказался в одиночестве. Мы решили, что очередная стычка была кровавой, судя по многочисленным следам крови с клочьями серебристой шерсти на довольно обширном участке, где чувствовался сильный запах самцов. Группа 4 удалилась километров на шесть с половиной от места встречи в отдаленную западную часть седловины и на южный склон горы Високе. Пинатс неотступно преследовал группу, пытаясь вернуть Мачо. Весь следующий месяц он бродил на расстоянии нескольких метров от группы 4, что приводило к неоднократным яростным стычкам. Так кончилась мирная жизнь для группы 4.

К тому же исчезла Старая Коза. Убедившись сначала, что она не пристала к Самсону и что в районе наблюдений не появлялись окраинные группы, мы приступили к поискам ее тела. Прошел месяц, но так и не удалось обнаружить ее останков в седловине по всему маршруту следования группы 4 от места последней стычки. Затем в конце ноября один из участников поисковой группы, спасаясь от стада буйволов, вынужден был забраться на дерево. Почуввав запах гниющего трупа, он глянул вниз и увидел разлагающееся тело старой самки в дупле большой хагении, почти полностью скрытом лианами.

Тело Старой Козы разложилось до такой степени, что мне удалось только взять пробы ее органов для гистологического исследования. До сих пор не могу забыть того ощущения ужаса, охватившего меня, когда я резала скальпелем тело этой благородной гориллы¹. Прошло много месяцев,

¹ Специалисты-медики впоследствии определили, что Старая Коза скончалась от вирусного гепатита. Они также обнаружили, что перед смертью она не была беременной.

пока я совладала с чувством потери при встрече с группой 4, лишившейся своей самой яркой личности, Старой Козы.

Меня удивило, что Тигр совершенно не был расстроен смертью матери, и я отнесла это на счет напряженности, возникшей в результате месячного присутствия одинокого самца Пинатса рядом с группой. Вместе с Диджитом ему удалось не допустить проникновения Пинатса в группу. Когда они вышагивали угрожающей походкой перед молодым серебристоспинным самцом, то напоминали двух мальчишек, играющих в солдат. Диджит, которому было уже около двенадцати лет, еще не научился издавать звуки, присущие в таких случаях взрослым самцам, но, перед тем как начать бить себя в грудь, он складывал губы соответствующим образом в надежде, что требуемые звуки возникнут сами собой. Но из этого ровным счетом ничего не получалось. Семилетний Тигр подражал всем позам, походке и наскокам Диджита после первой же встречи с Пинатсом. Дядюшка Берт, конечно, видел их оборонительные маневры, но, расположившись между Пинатсом и Мачо, он в основном занимался любовью с вновь приобретенной самкой.

В конце ноября 1974 года подавленный, утомленный и раненый Пинатс вконец отчаялся и удалился на северный склон Високе, где промышлял и раньше. С его уходом Диджит превратился в серебристоспинного самца без определенных занятий. Он подолгу сидел в привычном для него месте, в тыловом охранении группы 4, и мрачно смотрел в ту сторону, где было найдено тело Старой Козы. Ни присутствие людей, ни активные любовные игры Дядюшки Берта с Мачо не могли приободрить Диджита. Его меланхолия напоминала поведение Самсона после смерти Коко, старой самки из группы 8. Рана на его шее, появившаяся тридцать два месяца назад, еще давала о себе знать. Создавалось впечатление, что тело Диджита отставало в росте

от его головы, и со временем он выглядел довольно неказисто. Подавленное настроение, в котором он пребывал в тот период, и его жалкий вид делали его столь непохожим на прежнего жизнерадостного и любопытного Диджита, которого я знала когда-то.

С возвращением Мачо в группу 4 в ней стали происходить едва ощутимые пространственные перемещения. Лишившиеся матери Симба и Августа для большей безопасности старались держаться поближе к старой самке Флосси, несмотря на то что она не обращала на них никакого внимания. Всякий раз, когда Дядюшка Берт исчезал из виду, Флосси с трехмесячным Титом, вцепившимся ей в брюхо, приставала к Мачо. Вскоре примеру Флосси последовали Симба, Августа и Клео, и первый месяц пребывания Мачо в группе 4 был для нее весьма трудным. Агрессивность Флосси точь-в-точь повторяла ее отношение к Мачо в 1969 году, когда молодая самочка приближалась к половозрелому возрасту. Я относилась к этому за счет отсутствия родственных связей между обеими самками.

Хотя после смерти Старой Козы Флосси заняла главенствующее положение в группе 4, Дядюшка Берт отстранил ее от себя, заполучив восприимчивую в половом отношении Мачо. Титу в то время было всего лишь четыре месяца, и должно было пройти не менее двух с половиной лет, пока Флосси, доставшаяся Дядюшке БERTу в наследство, а не приобретенная со стороны партнерша, снова не вошла в менструальный цикл. И антипатия старой самки обратилась на собственного малыша, которому стало доставаться за малейшую провинность. Дядюшка Берт вроде бы не замечал такого поведения Флосси. Обычно степенный вожак, подобно пылкому юноше, почти все время проводил в объятиях Мачо или играл, как мальчишка, с Тигром, Симбой,

Августой и Клео. Их потасовки и взаимное щекотание периодически прерывались, и вожак с добродушнейшим выражением лица прижимал к себе малышей и ласкал их.

Как только Мачо забеременела от Дядюшки Берта, он сразу же забыл о ее существовании. Флосси и три самки помоложе возобновили свои приставания к ней уже в присутствии вожака, постепенно оттеснив Мачо на самый край, поближе к Диджиту. Мачо стремилась быть рядом со своим новым партнером, но ее полностью подавили другие члены семейства. Каждый раз, приближаясь к ним, она ступала словно по битому стеклу.

В июле 1975 года у Мачо родился сын Квели, второй детеныш Мачо и седьмой Дядюшки Берта. Это наглядное доказательство доверия вожака вернуло Мачо уверенность в себе. Даже Флосси стала обмениваться с новоиспеченной матерью довольным урчанием и более терпимо относиться к ее близости с Дядюшкой Бертом.

Однажды, когда Квели было около трех месяцев, Мачо без видимых причин вдруг с хрюканьем напала на восьмилетнего Тигра, и тот бросился наутек с тревожными криками. Дядюшка Берт тут же наскочил на Мачо, она смиренно склонилась перед ним, и он стал ей что-то резко выговаривать. Дядюшка Берт трижды пытался выхватить Квели из ее рук, а она медленно уползала в сторону, съезжившись от страха. В этот момент мне пришло в голову, что, может быть, Мачо вспомнила, как за год до этого Дядюшка Берт убил Тору, ее первого детеныша и последнего отпрыска Рафики. Мне, однако, не доводилось видеть или слышать о том, чтобы серебристо-спинный самец когда-либо убил собственного детеныша, хотя бы потому, что это может вредно сказаться на продолжении рода.

Когда Квели исполнилось пять месяцев, подростки группы ополчились против Мачо, которая продолжала тас-

кать малыша на брюхе. Они оттеснили ее от равнодушного Дядюшки Берта на самый край группы. Было грустно наблюдать, как из молодой матери сделали козла отпущения. Во время пребывания Мачо на периферии рядом с Диджитом у нее появился нервный тик. Она время от времени резко поворачивала голову в сторону Дядюшки Берта, какое-то мгновение смотрела ему в глаза, потом сразу же их опускала и закусывала губу. Ее взгляд выражал сильный страх, хотя вожак, казалось, не замечал ее вовсе. Всякий раз, когда она поступала подобным образом, пятимесячный Квели, обладавший сметливостью и собранностью, весь передергивался и тревожно смотрел на мать огромными пронзительными глазами, унаследованными от Мачо.

В течение последующего года никто не вмешивался в жизнь группы 4. А в январе 1976 года произошла новая ожесточенная стычка с Пинатсом. Проведя в одиноких странствиях около тринадцати месяцев, молодой серебристоспинный самец обзавелся неизвестным партнером на северном склоне горы Високе. Дядюшке Берту удалось отбить этого партнера, которому, по всей видимости, было около десяти лет, от Пинатса, смирившегося с потерей, хотя в случае с Мачо все было иначе.

Поскольку я не смогла разобраться в происхождении и половой принадлежности новоявленной гориллы, то назвала ее Битсми. Животное выглядело неряшливым и тощим, что характерно для горилл, обитающих на северном склоне Високе, где произрастает довольно скудная растительность. Также было заметно, что горилла знала людей, и не исключено, что она когда-то была детенышем в группе 9 под предводительством Джеронимо. Хотя Битсми внешне походил на черноспинного самца, Дядюшка Берт с энтузиазмом покрывал его, а Битсми стал подолгу ласкать семнадцатимесячного Тита, наслаждавшегося неожиданным вниманием.

Со временем Битсми был внесен в наши записи в Карисоке как самец, и это был, по сути дела, первый и пока единственный зарегистрированный случай появления самца в группе с согласия ее членов. Я никак не могла понять, с какой целью Дядюшка Берт насильственно обзавелся еще одним самцом, когда в группе 4 соотношение самцов к самкам уже было 1:1. Быть может, отобрав Битсми у Пинатса, Дядюшка Берт еще больше ослабил соперника и уменьшил его шансы создать собственную группу. Подобное предположение, однако, может привести к ошибочному выводу, будто Дядюшка Берт обладал даром проницательности. Такую стратегию по аналогии с детоубийством, скорее всего, следует рассматривать как часть развитого механизма сохранения генофонда.

Буквально за месяц выяснилось, что Битсми был рожденным скандалистом и бездельником. Жизнь ему представлялась сплошными летними каникулами с выходными днями. Его потасовки и гонки с Тигром, а также постоянное приставание к Симбе и Клео с попытками овладеть ими нарушали спокойствие в группе 4, и Дядюшке Берту частенько приходилось прибегать к дисциплинарным взысканиям. А у Тигра впервые появился самец-сверстник, всегда готовый к играм, и он постепенно забросил сторожевую службу, которую нес с Диджитом после смерти Старой Козы. Подрывная деятельность новоявленного самца позволила Мачо восстановить нормальные отношения с остальными членами группы, и она начала общаться с ними без былой опаски.

Новое положение Мачо в группе привело к резкому изменению личности Квели. Годовалый детеныш стал необычайно жизнерадостным и целые дни проводил в играх с таким рвением, будто каждый новый день был последним в его жизни и он хотел взять от нее все. Вскоре Квели

догнал погодка Тита в физическом развитии и общительности, а потом и перегнал его.

Наблюдения за возрастающими различиями в развитии обоих детенышей привели меня к убеждению, что Тит родился преждевременно и даже на втором году своей жизни не мог наверстать отставание. Попытки Битсми ухаживать за ним и играть можно было оценивать как заведомо эффективный способ улучшить собственное социальное положение в группе 4, где он недавно обосновался. И естественно, его внимание к Титу развивало общительность последнего. Благодаря ему Тит стал более свободно играть со своими сверстниками.

Когда Титу исполнилось три года, он обнаружил, что если кистями обеих рук быстро ударять по отвисшей челюсти, можно выбивать ритмическую дробь при соприкосновении верхних зубов с нижними. Возникающие в результате звуки были столь же необычными, как и хлопанье в ладоши, к которому Августа пристрастилась семь лет назад.

Не исключено, что некоторые гориллы, не способные наладить нормальное общение со своими сородичами, вынуждены прибегать к необычным актам поведения, как бы компенсируя недостаток общения. Раскачивание молодого Диджита из стороны в сторону также могло быть вызвано теми же причинами, как и не совсем обычное поведение многих горилл, оказавшихся в неволе.

После того как мать покинула группу 4, Августа стала редко хлопать в ладоши, но, когда Тит начал бить себя по челюсти, она возобновила это занятие. Выступая вместе, они смахивали на уличных музыкантов. В солнечные спокойные дни их хлопки и клацанье зубами не раз заставляли Симбу, Клео и маленького Квели выделять забавные пируэты. После того как Квели в течение нескольких месяцев пристально следил за тем, как Тит таким необычным спо-

собом привлекал к себе внимание, он тоже стал хлопать себя по челюсти каждый раз, когда с ним никто не хотел играть.

Когда Титу исполнилось два года, его мать Флосси возобновила приставания к Дядюшке Берту. Он продолжал игнорировать старую самку даже тогда, когда другие самки в группе перестали отвечать ему взаимностью. В этот период, в августе 1976 года, Симба, которой было уже восемь лет и восемь месяцев, стала проявлять признаки регулярной месячной восприимчивости. Но Дядюшка Берт по-прежнему игнорировал осиротевшую самку, оказавшуюся на его попечении, как объект любовных утех. Тогда молодая самка обратила свои взоры на четырнадцатилетнего Диджита, который вот-вот должен был стать половозрелым. Диджит с большим энтузиазмом откликнулся на приставания Симбы, и в нем как будто снова возродился интерес к жизни.

Вступление Симбы в менструальный цикл сразу же сказалось на поведении большинства членов группы 4, особенно Битсми, который исподтишка стал залезать на Клео, Августу и Тита. Но ни ему, ни Тигру не было позволено покрывать Симбу, когда у нее была менструация. В эти дни Диджит становился на защиту своих прав по отношению к Симбе, оставаясь рядом с ней и не подпуская Тигра или Битсми. Оба молодых самца часто пытались обратить на себя ее внимание, затевая при ней потасовку, но при этом не спускали глаз с Диджита. Клео, которой к концу 1976 года было пять с половиной лет, была весьма заинтригована изменениями, происшедшими в социальном положении ее партнерши по играм Симбы; расположившись поодаль, она с интересом следила за странным поведением своих сородичей и иногда сама пыталась привлечь к себе внимание Тигра или Битсми.

В те дни, когда Симба была восприимчива в половом отношении, Флосси приставала к равнодушному Дядюшке БERTу и даже к Мачо, которая вместе с Квели хорошо вписалась в социальную канву группы 4. Восемнадцатимесячный Квели был единственным членом группы, на кого достижение Симбой половой зрелости не оказало ни малейшего воздействия. Из Квели вырос довольно независимый подросток, чьи действия будили в отце откровенную нежность к нему.

Однажды, когда Симба находилась в центре всеобщего внимания, Квели отошел в сторону покормиться рядом с Дядюшкой БERTом. Тот прервал свое занятие, чтобы помочиться. Зачарованный Квели сложил ладони в пригоршню под струю и пытался перехватить ее. С комически раздраженным выражением лица Дядюшка БERT шлепнул сына по башке, как назойливую букашку. Квели неохотно отскочил на несколько метров, присел с угрюмой миной на лице и продолжал смотреть, не сводя глаз с отца. Затем вожак ловко перехватил руками два вышедших из него яблока до того, как они упали на землю, и принялся пожирать их, причмокивая губами от удовольствия. Юного Квели эта сцена зачаровала еще больше, нежели происходящие поблизости оживленные половые игры. (Копрофагия — поедание экскрементов — позволяет лучше усваивать питательные вещества, присутствующие в растительной массе.)

В те дни, когда Симба была невосприимчива в половом отношении, Диджит всегда находился на краю группы, где занимал сторожевую позицию. Тигр и Битсми, как правило, были на противоположной стороне и, резво гоняясь друг за другом и устраивая потасовки, вытапывали лесную растительность.

Выйдя на контакт с группой 4 в один ужасный холодный и дождливый день, я с трудом удержалась от соблазна

подойти к Диджиту, съжившемуся под ливнем метрах в десяти от остальных животных. Он уже давно перестал проявлять интерес к наблюдателям, и я не хотела посягать на его растущую независимость. Оставив его в гордом одиночестве, я расположилась в нескольких метрах от группы сгорбившихся горилл, едва различимых в густом тумане. Через несколько минут я почувствовала руку на плече. Я оглянулась и увидела теплые добрые карие глаза Диджита. Он постоял, задумчиво глядя на меня, похлопал меня по голове и плюхнулся рядом на землю. Я склонила голову на колени Диджита и оказалась в положении, давшем мне желанное тепло и идеальную возможность рассмотреть давнюю рану на шее. Затянувшаяся рана больше не гноилась,

но оставила после себя глубокий шрам с ответвлениями, расходящимися по всей шее.

Медленными движениями я вытащила фотоаппарат, чтобы снять шрам. Слишком близкое расстояние не позволило навести его на фокус. Прошло около получаса, и дождь наконец притих; Диджит без предупреждения откинул голову назад и широко зевнул. Я мгновенно нажала на спуск. На снимке добрейший Диджит выглядел как чудище Кинг-Конг, из-за того что в зевке обнажились его внушительные клыки.

Прошло немного времени, и клыки Диджита предстали в совершенно ином свете. В декабре 1976 года мы со следопытом Немейе провели пять часов под проливным дождем в поисках группы 4 в западной части седловины, ставшей теперь неотъемлемой частью ее территории. Поскольку до лагеря надо было идти еще несколько часов, мы решили бросить поиск и пошли назад по широкой открытой тропе, восемь лет назад названной Тропой скота.

Немейе шел метрах в трех впереди меня, когда завеса тумана чуть разошлась и перед моим взором предстали сторбленные спины членов группы 4, прижавшихся друг к другу под дождем у подножия горы Високе на высоте около 35 метров слева над тропой. Я решила, что не стоит выходить на контакт с группой в такой поздний час и в такую погоду. Я пустилась вслед за Немейе, как вдруг из густых зарослей справа от тропы выбежал Диджит и оказался лицом к лицу с моим следопытом. Оба застыли в ужасе. Диджит встал на ноги, издал два ужасных вопля, обнажив клыки, и от него исходил тошнотворный запах страха. Казалось, молодой самец не знал, бежать ему наутек или нападать. Меня он еще не заметил. Ринувшись вперед, я обогнала Немейе. Узнав меня, Диджит тут же опустил на четвереньки и кинулся в сторону группы, которую Дядюшка Берт уже погнал к склону Високе, подальше от опасно-

сти. Как только Диджит перестал кричать, сбита с толку группа остановилась, и нервное напряжение спало, когда гориллы выяснили причину беспокойства Диджита. Этот злополучный инцидент наглядно показал важность бокового охранения для обеспечения безопасности группы.

За несколько лет Диджит и Дядюшка Берт сплотились в хорошо слаженную пару защитников и могли полностью положиться друг на друга при улаживании внутренних споров или перед угрозой со стороны посторонних групп. Нельзя сказать, что их отношения были столь же интимными, как между Дядюшкой Бертом и Тигром, однако их с уверенностью можно назвать гармоничными, потому что обоих в одинаковой мере заботила сплоченность и безопасность группы.

Взаимная поддержка самцов особенно проявилась, когда группа 4 вышла в седловину, которую так и не удалось полностью очистить от браконьеров. Однажды в начале 1977 года я собиралась выйти на встречу с группой 4 далеко на западе от Високе, когда до меня вдруг донеслись тревожные крики Дядюшки Берта. Предчувствуя недоброе, я ринулась на эти крики и увидела, что гориллы преспокойно устроились на дневной отдых. Только Дядюшка Берт, выпрямив спину, сидел в напряжении с тревожным выражением лица.

Прошло около пятнадцати минут. Серебристоспинный вожак по-прежнему сидел в застывшей позе с выражением страха на лице. Вдруг пара воронов, каркающих по соседству, взлетела и, описав круг над группой, спикировала прямо на голову Дядюшки Берта. Бум! Он съежился и прикрыл голову руками. Почти целый час вороны издевались над величественным вожаком, на которого никто из

его семейства не обращал ни малейшего внимания. Мне стало как-то неловко за моего благородного друга.

Как только вороны уgomонились и улетели прочь, Дядюшка Берт с достоинством повел свою группу на кормежку. Думая, что все гориллы ушли, я медленно поднялась и стала смотреть, в каком направлении они последовали, чтобы на следующий день выйти на контакт с ними. Вдруг в соседних зарослях раздался шорох, и на меня уставилось прекрасное доверчивое лицо Мачо. Она отстала от группы, чтобы подойти ко мне. Увидев необыкновенную доброту, спокойствие и доверие в глазах Мачо, я была до глубины души потрясена нашей близостью и никогда не забуду этого трогательного момента.

Глава одиннадцатая **РАЗГУЛ БРАКОНЬЕРОВ**

К январю 1977 года Дядюшка Берт претерпел полную трансформацию, став властным предводителем группы, завоевавшим безграничное доверие и уважение всех ее членов. На это превращение потребовалось около восьми лет. Дядюшка Берт приобретал опыт в многочисленных встречах с другими группами и серебристоспинными одиночками, улаживая споры, возникавшие в группе; его возмужанию также способствовала возросшая ответственность за собственных детенышей и отпрысков скончавшегося Уинни. В канун десятилетия исследований в Карисоке в группе насчитывалось одиннадцать членов. За эти годы в ней умерло восемь животных, пять молодых самок покинули группу, родились шесть детенышей и к группе присоединились две гориллы — самка и самец.

Приход в группу черноспинного Битсми, которому в то время было около десяти лет, не переставал удивлять меня. В целом группа оказала ему холодный прием, за исключе-

нием разве молодежи, особенно восьмилетнего Тигра, сына когда-то главенствовавшей самки и бывшего серебристоспинного вожака. До появления Битсми Тигр и Диджит, превратившийся в зрелого серебристоспинного самца, выполняли функцию стражей группы 4, располагаясь, как правило, по периферии, и охраняли ее от людей и горилл, пытавшихся войти с ней в контакт. Битсми, однако, никогда не проявлял рвения к караульной службе. Его не связывали родственные узы с кем-либо из группы 4, и он не пытался способствовать ее стабилизации или защите от опасностей.

Мачо, взрослая самка, когда-то ушедшая из группы, а затем вернувшаяся в нее, стала наконец полноправным членом. Ее сын Квели, которому в начале 1977 года минуло восемнадцать месяцев, пользовался особым расположением отца, Дядюшки Берта, и был, пожалуй, самым жизнерадостным и подвижным детенышем из тех, за кем мне когда-либо доводилось наблюдать. Как и Поппи в группе 5, сородичи наперебой приглашали Квели поиграть с ними или получить ласку.

Однажды солнечным теплым утром я вышла на группу, когда она загорала в седловине на небольшой лужайке, окруженной холмами. Шум, вызванный моим приближением, заставил Дядюшку Берта резко приподняться. Узнав меня, он приветливо заурчал и с блаженным видом снова улегся на солнцепеке с выражением глубочайшего удовлетворения на лице. Мимо меня прошла Мачо, окинула доверчивым добрым взглядом и легла рядом с мужем. Возбужденный Квели был в слишком игривом настроении, чтобы утомиться и расположиться рядом с родителями. Он попластунски пополз ко мне, выпятив зад с белым хвостиком. Через пару секунд он буквально уперся в меня глазками, зашекотал лицо усами и стал обнюхивать волосы. Он потянул меня за одежду и рюкзак и кубарем скатился назад

к Дядюшке Берту, сверкая в воздухе пятками. Затем он с таким же проворством оказался на Мачо и решил пососать ее грудь. Мачо нежно обняла сына, и довольная парочка закудаhtала от удовольствия, одаривая друг друга умильными улыбками.

Тигр, до этого шаливший с Битсми с краю, вернулся к семейству и, как обычно, свернулся калачиком рядом с Дядюшкой Бертом. Со временем Тигр сблизился с ним больше, чем кто-либо другой из группы 4. Эти, по всей видимости, единокровные братья нередко затевали долгие игры и ухаживали друг за другом. А январский день был слишком жарким для активной деятельности. Постепенно все члены семейства, за исключением Диджита, как всегда стоящего на посту поодаль от группы, захрапели, уютно расположившись по кругу. В этот момент я ни за что бы не променяла это место ни на какое другое в мире, так хорошо мне было с моими гориллами на солнце в уединенном уголке седловины.

Тридцать минут прошли в тишине, нарушаемой лишь жужжанием пчел, как вдруг мне показалось, что с вершины ближайшего холма донесся свист. Дядюшка Берт, находившийся до этого в такой глубокой дреме, что его нижняя губа отвисла до самой ключицы, внезапно присел и уставился в направлении долетевшего звука. Глаза, уши и нос вожака настроились, словно антенны. Его тело на целых пять минут оцепенело. Диджит, отдохавший на склоне, нависшем над группой, медленно пополз в сторону свиста. Тигр принял серьезный вид, отошел от Дядюшки Берта и последовал за Диджитом. В течение следующего часа не было слышно ни малейшего звука. Дядюшка Берт расслабился, но увел группу на кормежку в направлении, противоположном тому, откуда донесся свист.

Уверенность, с какой группа направилась на кормежку, успокоила меня, и я решила пуститься в долгий путь об-

ратно в лагерь. Через двадцать минут я увидела браконьера, бежавшего по лугу с копьем, луком и стрелами, поднятыми высоко над головой. Подобно антилопе, он буквально скользнул по поверхности травы и углубился в лес, где его ожидали остальные браконьеры с собаками. Я бросилась за ними со всей скоростью, на которую только была способна. Очутившись в лесу, я спряталась и, подражая браконьерам, стала посвистывать в надежде, что охотники с собаками соберутся около меня. Однако, заметив Ньирамачабелли, они пустились наутек.

Вернувшись в лагерь после бесплодной погони, я попросила Иэна Редмонда и прекрасного следопыта Рвекелану выйти на след браконьеров в том месте, где я его оставила, а сама отправилась к группе 4, чтобы убедиться в ее безопасности. Идя по следу браконьеров, я убедилась, что услышанный мной и гориллами свист исходил именно от них. Они двигались вдоль недавно установленных ловушек и вышли на вершину холма рядом с тем местом, где гориллы расположились на дневной отдых. Браконьеры закололи копьем дукера и свежевали его, когда я вышла на луг. Этим и объяснялось открыто вызывающее поведение браконьера, пытавшегося, и не без успеха, отвлечь мое внимание от забитой антилопы. Убедившись в том, что гориллам ничто не угрожает, я уничтожила все расставленные браконьерами ловушки и повернула к лагерю. Скоро в лагерь вернулись и Иэн с Рвекеланой, притащившие с собой останки шести убитых дукеров, копья, луки, стрелы и трубки для гашиша, отобранные у браконьеров.

Лето 1977 года было поистине идиллическим временем для группы 4, мирно передвигавшейся по всей западной части седловины без угроз со стороны браконьеров или других групп горилл. Эти радостные безоблачные дни были заполнены до предела: игры и кормежка чередовались приемом солнечных ванн. В одной из случек с Диджитом меж-

ду августом и сентябрем Симба забеременела. Молодая самка сразу же прекратила свои приставания к нему, стала меньше общаться с другими животными, уделяя больше времени кормежке, как и подобает будущей матери. Диджит вернулся к исправному несению караульной службы, иногда располагаясь для этой цели метрах в тридцати от группы 4.

В тот год мы с Иэном Редмондом и другими сотрудниками лагеря чаще выходили патрулировать территорию седловины и дольше находились в контакте с группой 4, особенно с тех пор, как она все больше удалялась от безопасных склонов горы Високе.

Восьмого декабря 1977 года, когда я приближалась к группе, то первым, кого я увидела, был съездившийся расстроенный Диджит, восседавший на некотором удалении

от группы. Я решила немного побыть с ним и поурчать вместе. С тех пор как он оплодотворил Симбу, молодой самец снова как бы утратил смысл жизни. Мне захотелось сделать несколько снимков, хотя Диджит сидел в тени и выглядел довольно мрачным. Немного погодя он отправился на кормежку. Покидая меня, он на мгновение лукаво улыбнулся и похлопал меня ветками по спине в знак прощания, как делал это и раньше.

Я вышла на группу и увидела Дядюшку Берта в позе сидящего Будды в окружении Мачо, Флосси и резвящейся детворы. Августа, расположившаяся ближе всех к отцу семейства, увлеченно хлопала себя по пяткам. Квели раскачивался из стороны в сторону, как пьяный матрос, на подгибающихся ногах между мной и гориллами, прищулив глаза и криво усмехаясь. Для полной картины сплоченной семьи не хватало лишь Диджита.

Приближался рождественский период с сопутствующим ему усилением деятельности браконьеров в парке. То беспокойство, которое я обычно испытывала в преддверии праздников, на сей раз несколько облегчалось тем, что нашим патрулям удалось конфисковать у браконьеров немало оружия и уничтожить уйму ловушек. Однако нехватка людей и средств означала, что мы могли за один выход обследовать лишь незначительную часть обширной седловины. Поэтому наши регулярные патрули постоянно меняли зоны осмотра.

Первого января 1978 года Немейе вернулся в лагерь довольно поздно и объявил, что ему не удалось найти группу 4. Ее след был затоптан многочисленными следами буйволов, слонов, браконьеров и собак. Он также с тревогой добавил, что на тропах обнаружено большое количество крови и жидкие экскременты горилл. Несмотря на явные признаки присутствия браконьеров с собаками, Немейе

проявил изрядное мужество, упорно идя по следам группы 4 целых три с половиной километра по пути их бегства обратно на склоны горы Високе. На следующий день наша четверка, Иэн Редмонд с Немейе и я в сопровождении Каньяреганы, нашего завхоза, на рассвете вышла из лагеря, чтобы обследовать по возможности большую часть седловины в поисках каких-либо следов.

Вскоре Иэн обнаружил изувеченный труп Диджита, лежавший в окровавленных примятых зарослях. Голова и руки Диджита были отрублены, а на теле виднелось множество ран от ударов копьями. Иэн с Немейе оставили труп и отправились разыскивать нас с Каньяреганой в другой части седловины. Они хотели оповестить меня о случившемся до того, как я сама наткнулась на труп Диджита.

Случается, что отказываешься верить фактам, настолько непосильным оказывается их давление. Когда я слушала трагический рассказ Иэна, перед моим мысленным взором прошла вся жизнь Диджита, начиная с первой встречи десять лет назад, когда он был крохотным неутомимым комочком черной шерсти. Услышав жуткую новость, я ужасно расстроилась.

Как выяснилось, Диджит, выполнявший столь важную для своего семейства роль стража, 31 декабря 1977 года был убит браконьерами на своем боевом посту. Диджит получил пять смертельных ран, нанесенных копьями, и тем не менее ему удалось задержать шесть браконьеров с собаками и дать своей группе, включая беременную Симбу, уйти под прикрытие склонов Високе. Он дал последний бой в гордом одиночестве, проявив необычайное мужество. Перед смертью он убил одну из собак браконьеров. Я пыталась не думать о том отчаянии и боли, которые он испытывал, а также о недоумении от мысли, что люди могли так поступить с ним.

Носильщики принесли тело Диджита в лагерь, где его похоронили в нескольких десятках метров от моего домика.

Однако захоронить тело Диджита не означало предать забвению память о нем. В тот же вечер мы с Иэном Редмондом обсуждали два варианта: либо не распространяться о смерти Диджита, либо объявить о ней во всеуслышание, чтобы получить дополнительную поддержку активных сил по сохранению живой природы в Вулканическом национальном парке в виде регулярного и частого патрулирования его территории для защиты от браконьеров.

Иэн, новичок в этом деле, был настроен весьма оптимистично по поводу того, какие выгоды можно будет извлечь из обнародования смерти Диджита. Он считал, что негодование общественности, вызванное бессмысленным убийством, окажет давление на правительство Руанды и оно предпримет необходимые шаги для заключения браконьеров в тюрьму на долгие сроки. Он также был убежден, что этот инцидент заставит власти Руанды и Заира более тесно сотрудничать в деле охраны природы, чтобы обе половины области Вирунга подчинялись одному руководству.

Я не разделяла оптимизма Иэна. К тому времени, когда был убит Диджит, я уже проработала в Вирунге одиннадцать лет. За это время я встретила лишь горстку работников охраны парка и управления им, которые не пали жертвой всеобщего застоя и нездорового климата, сложившегося в их экономически неразвитых, перенаселенных странах. Ведь причина одной из бед области Вирунга состояла в том, что она была поделена между тремя странами, причем на повестке дня каждой из них стояли проблемы более насущные, нежели охрана диких животных. Я была согласна с Иэном, что возмущение общественности может привести к выделению значительных средств для охраны природы в пользу правительства Руанды, но вряд ли можно было ожидать, что значительная их часть пойдет на активное патрулирование территории против браконьеров. После поимки Коко и Пакер руандийские чиновники, связанные

в то время со службой парка, получили и новые средства, и новенький «лендровер», но ни то, ни другое не было использовано для нужд парка. Я уже давным-давно убедилась в том, что денежная поддержка может дать результат для решения долгосрочных задач лишь при росте сознательности местного населения. Больше всего я боялась эдакой евангелической кампании «во имя спасения горилл», которая могла развернуться после обнародования смерти Диджита. Неужели Диджиту суждено было стать первым жертвенным агнцем на алтаре для выбивания денежных средств путем оглашения обстоятельств его смерти? Именно эти мысли довели надо мной во время обсуждения с Изном всех «за» и «против» огласки смерти Диджита.

Когда кромешную ночь сменил серый сумеречный туман, я вдруг уяснила себе, что, как и Изну, мне бы не хотелось, чтобы смерть Диджита была напрасной. Я решила учредить Фонд Диджита для поддержки активных мер по охране горилл, причем все деньги должны были идти на расширенное патрулирование парка, то есть на наем, обучение, снаряжение и вознаграждение африканцев, готовых проводить долгие часы в утомительных походах с целью уничтожения ловушек и конфискации копий, луков и стрел браконьеров. Я бы лично предпочла использовать для такой работы служащих лагеря. Сотрудничество с властями крайне необходимо, особенно если ты являешься гостем страны. Ведь именно служащие охраны парка, а не я обладают юридически обоснованным правом задерживать браконьеров, и им всем бы не помешал дополнительный доход к месячной зарплате, эквивалентной шестидесяти долларам. Однако формально они подчиняются директору Вулканического национального парка, который, в свою очередь, подчиняется управляющему национальных парков Руанды и обосновался в Кигали. Служащие охраны парка регулярно получают зарплату независимо от того, появляются они в пар-

ке или нет, поэтому аспект личной материальной заинтересованности не всегда срабатывает. На протяжении многих лет я возвращалась в Руанду после недолгих отлучек в Америку, нагруженная ящиками с новыми ботинками, форменной одеждой, рюкзаками и палатками для служащих охраны. Я неоднократно пыталась привлечь местных жителей к активному патрулированию территории парка, используя Карисоке в качестве базы. Естественно, у меня охотно брали одежду и ботинки, с таким же удовольствием столовались в лагере и получали надбавку к зарплате, но от работавших спустя рукава охранников толку было мало. Единственное, о чем они думали,— это побыстрее вернуться в свои деревни и местные пивные бары, где они продавали ботинки более зажиточным руандийцам, чтобы купить пиво. От моей наивности не осталось и следа, когда я узнала, что наиболее активные браконьеры, промышлявшие в парке, наладили отношения со служащими охраны и за разрешение поохотиться в парке регулярно расплачивались с ними франками или мясом. Мне стало также известно, что все те, кого охранники якобы арестовывали в парке во время их пребывания в Карисоке, на самом деле оказывались друзьями или родственниками браконьеров, которым всегда удавалось бежать из-под конвоя по дороге в тюрьму. Я, скорее всего, заблуждалась, когда решила выдать охранникам дополнительное вознаграждение за каждого пойманного браконьера, вместо того чтобы платить поденно. Больше эту ошибку я не повторяла, нанимая посторонних людей, не имевших к парку никакого отношения. Они оказались единственными, кого я могла лично заинтересовать в честной и эффективной работе. Было также неразумно выплачивать премию за каждую принесенную в лагерь ловушку, ибо такая практика привела бы к изготовлению ловушек прямо в лагере в обмен на награду.

На протяжении нескольких дней мы с Иэном и сотрудниками лагеря шли по следам браконьеров от того места, где был найден труп Диджита, пока не вышли на группу 4, надежно спрятавшуюся на склонах горы Високе. Все это время мы думали, к какому решению прийти. Выяснилось, что Диджита убили не для того, чтобы заполучить его голову и руки в качестве охотничьих трофеев, как мы полагали раньше. Шесть браконьеров были заняты установкой ловушек, когда внезапно наткнулись на группу 4. Тело Диджита было найдено метрах в двадцати пяти от последней ловушки и в девяноста метрах от того места, где группа 4 расположилась на дневной отдых под охраной Диджита.

Следы браконьеров говорили о том, что они занимались охотой на антилоп и установкой ловушек в течение двух дней до встречи с группой 4. Затем они убежали в деревню Киденгеzi, расположенную вблизи восточного склона горы Карисимби, где проживал известный браконьер Муньярукико. Браконьеры, очевидно, решили забрать с собой голову и руки Диджита уже позднее, вспомнив, что их можно выгодно продать европейцам. Потом нам пришлось сожалеть, что не подтвердилось первоначальное заблуждение, когда мы сочли, что Диджита убили исключительно ради получения охотничьих трофеев.

Оно бы гораздо больше взбудоражило воображение публики, чем истинное положение дел. Ведь Диджит не был убит охотниками за трофеями преднамеренно — по трагическому стечению обстоятельств он отдал жизнь ради спасения своего семейства, оказавшегося «не там» в канун Нового года. Если смерть Диджита принесла экономическую выгоду системе национальных парков, то как долго могла еще протянуть группа 4 — месяц, полгода, год? Каждое утро я просыпалась с тревожной мыслью: кто станет очередной жертвой?

Наконец мы с Иэном решили дать смерти Диджита широкую огласку. Прошло всего несколько дней, и телезрители в Северной Америке слышали, как Уолтер Кронкайт объявил о смерти Диджита в вечернем выпуске новостей компании Си-би-эс. В лагерь был приглашен директор парка посмотреть на тело Диджита перед его погребением. Он прибыл вместе с Полином Нкубили. Шеф полиции пришел в искренний ужас при виде обезображенного трупа и обещал сделать все возможное, чтобы арестовать всех известных браконьеров, которых его люди найдут в Рухенгери. Приведение законов в действие и есть активизация мер по охране природы.

Спустя шесть дней после убийства Диджита я, сидя в своем домике, печатала на машинке, когда раздался крик нашего дровосека: «Бавиндаги! Бавиндаги!» («Браконьер! Браконьер!») Четыре руандийца, работавших в лагере в этот момент, сразу же кинулись в погоню за незнакомцем, прокравшимся в лагерь, чтобы убить одну из многих антилоп, нашедших убежище в Карисоке. После длительной погони браконьер был наконец схвачен и приведен ко мне. На нем была желтая майка с большими пятнами засохшей крови. В руках он держал окровавленный лук и пять стрел. В результате допроса выяснилось, что это была кровь Диджита.

Шеф полиции снова поднялся в лагерь, но на сей раз в сопровождении вооруженных людей, взял браконьера под стражу и отвел его в Рухенгери, где его позже судили и приговорили к тюремному заключению. В Карисоке Нкубили допросил браконьера и узнал от него имена пяти сообщников, причастных к убийству Диджита. В течение недели двое из них были пойманы. Что же касается трех ведущих браконьеров из области Вирунга — Муньярукико, Себахуту и Гашабизи, — то им удалось скрыться в лесу.

Я возобновила свои контакты с группой 4, но, не будучи в состоянии привыкнуть к мысли о смерти Диджита, несколько недель ловила себя на том, что невольно искала его на сторожевом посту на краю группы. Гориллы, как и прежде, позволяли мне находиться рядом, чего, как мне казалось, я больше не заслуживала.

Тигр и Битсми пытались заменить Диджита в качестве стража группы 4. Однако оба юных самца слишком часто отвлекались играми и потасовками, и поэтому ответственность за безопасность группы полностью легла на плечи Дядюшки Берта. Вскоре после бегства на гору Високе группе 4 стали беспокоить приставания со стороны Нанки. Тогда Дядюшка Берт вывел свое семейство обратно в котловину подальше от старого серебристоспинного самца, пытавшегося, по всей видимости, завладеть Симбой. Группа 4 вышла прямо на место, где погиб Диджит, и ходила по нему кругами несколько дней в надежде найти самца, поскольку гориллы, естественно, не видели, как его убили. Их поведение меня несколько озадачило. Дело в том, что за предшествующие десять лет работы с этими животными мне ни разу не доводилось видеть, чтобы они возвращались в опасные места, где им приходилось встречаться со стадами скота, ловушками или браконьерами.

Учитывая весь тот ужас, который пришлось испытать животным, я долго не могла решиться на довольно болезненный процесс вывода группы 4 обратно под укрытие склонов горы Високе, подальше от ловушек и браконьеров, еще оставшихся в седловине. Однако вскоре от моей нерешительности не осталось и следа, когда я обнаружила на кисти правой руки Тигра свежие следы проволочной петли.

День, намеченный для осуществления этой операции, оказался ужасным как для группы 4, так и для меня. При-

шедшие в неистовство гориллы не могли знать, что им нечего бояться невидимых преследователей, что дорога очищена от ловушек и что их специально гнали на излюбленное ими место на горе Високе, в настоящее время покинутое Нанки и его группой. Только твердое сознание нашей правоты позволило вынести крики отчаяния животных, уходящих в горы под предводительством Дядюшки Берта с Тигром и Битсми в боковом охранении.

Прошли всего сутки, и, глядя на группу 4, нельзя было сказать, что она прошла через тяжкие испытания. Более того, гориллы выглядели спокойнее, чем когда-либо, однако это было следствием усталости.

На протяжении почти шести месяцев группа 4 преспокойно обитала на склонах горы Високе или рядом с ней, не встречаясь с другими группами горилл или браконьерами. Симба, несущая в чреве первого и единственного отпрыска Диджита, постепенно тяжелела. Детеныши и подростки группы 4 испытывали сильное влечение к молодой самке, но Симба по-прежнему предпочитала держаться и кормиться в одиночестве. Она несколько раз позволила Битсми покрыть ее, а Флосси, которая тоже должна была вот-вот разродиться, не раз добивалась случки с Дядюшкой Бертом. За время наблюдений за группой 4 Флосси носила своего пятого детеныша, причем в то время в живых оставалось только двое. В общей сложности это должен был быть седьмой отпрыск Дядюшки Берта, четверо из них были живы.

У Флосси наблюдалось больше внешних признаков беременности, чем у Симбы. Обе самки отличались сварливым нравом не только по отношению друг к другу, но и к Мачо, которую они недолюбливали. У матери Квели — ему уже исполнилось тридцать два месяца — не было заметных признаков начала менструального цикла, и она по-

прежнему старалась держаться особняком во избежание неприятных стычек с Флосси и Симбой.

Еще один явный признак беременности у Флосси, типичный для многих самок в ее положении, — усилившиеся ухаживания за детенышами, объектом которых стал ее младший сын Тит в возрасте трех с половиной лет. Юный самец просто блаженствовал от неожиданных материнских ласк, как прежде старшая сестра Клео до его рождения. Поэтому у Квели стало меньше времени для игр в этот период, когда мать отлучала его от груди. Такая нагрузка в сочетании с меньшей возможностью играть с Титом превратила Квели в нытика и брюзгу, хотя ему перепалили щедроты материнской ласки от Мачо.

Через три месяца и семь дней после смерти Диджита его крошечная частица появилась на свет — Симба родила Мвелу, что на местном языке означает «луч света». Итак, род Диджита продолжила необычайно красивая девочка с длинными ресницами, обрамляющими огромные блестящие глаза. Симба ретиво оберегала свое дитя от назойливых приставаний, ибо Мвелу, как и большинство новорожденных горилл, сразу же стала объектом любопытства со стороны молодых членов группы.

За весь период наблюдений Симба была второй самкой, родившей ребенка в группе без поддержки отца. По иронии судьбы, Симба сама родилась без отца. В раннем младенческом возрасте она могла положиться лишь на свою престарелую мать Миссис Икс, а когда осиротела, ее взял под опеку новый вожак группы 4 Дядюшка Берт собственной персоной. Как только кто-либо из группы 4 слишком рьяно проявлял свое любопытство к новорожденной, Дядюшка Берт тут же вставал на защиту Симбы и самой Мвелу. Мвелу было 45 дней от роду, когда Флосси родила девочку, названную Фрито.

Когда Фрито в середине 1978 года было около месяца, Дядюшка Берт вывел группу обратно в седловину, где благодаря усилившемуся патрулированию территории в течение нескольких месяцев не наблюдалось признаков браконьеров. Целую неделю взрослые гориллы группы 4 нежились на солнце, а детвора давала волю своей безграничной энергии, лазая по хагениям и устраивая на них гонки друг за другом. В общем, животные в полную меру наслаждались всем богатством, которое им могла предоставить седловина, прежде всего в виде пышной и разнообразной растительности. Вернувшись в родные места, они зажили полноценной жизнью.

Утром 24 июля 1978 года ко мне в дверь постучал один из четырех стажеров, находящихся в то время в Карисоке. Я удивилась, увидев его, потому что час назад он вышел из лагеря на контакт с группой 4. По выражению его лица я поняла, что снова случилась беда. «Браконьеры». — Я, скорее констатировала, нежели спрашивала. Стажер ответил: «Дядюшка Берт убит наповал выстрелом в сердце, и ему отрубили голову».

В то утро стажер проявил большую смелость. Несмотря на то что был один, он обшарил всю местность вокруг еще не остывшего тела Дядюшки Берта в поисках группы 4 и был готов вернуться на место происшествия в сопровождении моих сотрудников. Люди потратили немало времени, разбираясь в следах, ведущих от тела Дядюшки Берта к склонам горы Високе. Там они обнаружили окраинную группу никогда не видевших людей горилл, противостоящих оставшимся в живых десяти членам группы 4, которых храбро защищал Тигр, достигший возраста десяти с половиной лет. При виде людей окраинная группа сразу пустилась наутек, а гориллы группы 4 сплотились вокруг своего нового вожака Тигра. Будучи единственным выжившим сыном Уинни, который, вероятно, был основателем этой

группы, и единственным оставшимся в живых отпрыском когда-то главенствующей самки Старой Козы, Тигр как бы готовился всю свою еще недолгую жизнь стать следующим вожаком группы 4. Поскольку молодой самец был удивительно похож на Дядюшку Берта и длительное время тесно общался с ним, мне казалось, что укреплению нового положения Тигра в группе способствовала и его непосредственная родственная связь с первым вожаком Уинни.

Квели жалобно ныл, а Мачо куда-то исчезла. Мы предположили, что окраинной группе удалось переманить ее к себе. В ту ночь Тигр расположился на ночлег в одном гнезде с троюродным братом, трехлетним Квели, который до этого ни разу не спал в одиночку. Забота Тигра о Квели была точным повторением покровительственного отношения Дядюшки Берта, который на протяжении предыдущих семи лет в качестве вожака группы 4 непрестанно заботился об осиротевшей единокровной сестре Симбе.

Весь ужас и шок, испытанные в момент смерти Диджита, вновь овладели мной. Новое убийство позволило выявить отвратительные подробности содеянного. Отправившись по следам браконьеров от места преступления, мы с двумя следопытами вышли на еще тлеющий костер, возле которого убийцы провели ночь всего лишь в двух часах ходьбы от того места, где 23 июля группа 4 расположилась на ночлег. Следы браконьеров в конечном итоге привели нас в Киденгеzi, деревню, где жил Муньярукико. Выяснилось также, что браконьерам помешало прибытие стажера, иначе бы они еще более обезобразили труп Дядюшки Берта, отрубив ему руки. В отличие от медленной мучительной смерти Диджита от стрел, копий и укусов собак Дядюшка Берт был убит наповал одной-единственной пулей, попавшей в сердце. Вряд ли он успел испытать ужас перед смертью.

Дядюшка Берт был убит по соседству с ночным гнездилищем группы 4 в канун не предвещавшего ничего злого

солнечного дня, который семейство провело бы как обычно: в мирном общении и играх друг с другом. Единственным слабым утешением для меня было то, что в отличие от Диджита Дядюшка Берт не страдал. Браконьеры дали ясно понять, что не остановятся перед убийством горилл огнестрельным оружием, оставив отверстие от единственной пули, пронзившей сердце Дядюшки Берта, нетронутым, зато вскрыли правую часть груди с помощью ножей и панг, с тем чтобы изъять пулю как неопровержимую улику. Мы отнесли тело Дядюшки Берта в лагерь и похоронили его рядом с Диджитом.

Я отправилась в Рухенгери сообщить Полину Нкубили о новом преступлении. Шеф полиции немедленно собрал оперативную группу для рейда в деревню Муньярукико и предложил мне принять участие. Используя фактор неожиданности, полицейские ночью окружили деревню и стали быстро обыскивать хижины. В течение часа им удалось конфисковать кучу копий, луков, стрел и трубок для гашиша.

Но самый важный результат — обнаружение под кроватью в одной из хижин третьего злостного браконьера в округе — Гашабизи. Следствием установлено, что он причастен к обоим убийствам. Хотя Муньярукико снова удалось скрыться, поимка Гашабизи — надежное оправдание ночной тревоги. Его приговорили к десяти годам заключения в тюрьме Рухенгери.

На следующее утро шеф Нкубили организовал еще один внезапный рейд на небольшую деревню, где проживал второй злостный браконьер — Себахуту — с семьей женами и оравой детей. Так же как и предыдущей ночью, полицейские окружили хижины и тщательно обыскали одну за другой. Результаты обыска и здесь были плодотворными. Копья, луки, стрелы и трубки для гашиша были свалены в деревне в огромную кучу. И наконец, под соломенной под-

стилкой были найдены пропитанная кровью одежда Себахуту, несколько ножей и панги.

Неопрровержимые улики привели жен Себахуту в крайне нервное состояние, и они принялись громко причитать, утверждая, что их муж невиновен. В этот момент из-за изгороди выскочил мужчина в ярко-красном свитере и побежал через деревню. Полицейские схватили беглеца и привели в хижину для допроса. Так был взят Себахуту, браконьер, который, как выяснилось позже, и застрелил Дядюшку Берта. На суде, состоявшемся вскоре после этого, он был признан виновным и приговорен к заключению в тюрьме Рухенгери. Таким образом, на свободе оставался лишь Муньярукико.

Я уже собиралась возвращаться в лагерь, когда мне повстречался носильщик с запиской, доставленной с подножия Високе. В пятидесяти метрах от того места, где был убит Дядюшка Берт, было обнаружено тело Мачо. Она также была застрелена одной-единственной пулей, прошедшей через грудную клетку навывлет и перебившей позвоночник. И в этом случае браконьеры подобрали гильзу, чтобы уничтожить все улики.

Ошарашенная этим известием и отказываясь поверить в него, я поехала обратно в Рухенгери, вспоминая тот день, когда Мачо впервые подошла ко мне и уставилась на меня огромными доверчивыми глазами, а также ту нежность, с которой она всегда ласкала Квели. Сможет ли трехлетний малыш выжить без матери и отца?

Нкубили прореагировал на известие об очередном убийстве вспышкой гнева. Он незамедлительно приступил к подготовке третьей операции и приказал привести на допрос всех без исключения лиц, подозреваемых в браконьерстве. На следующий день вместе с инспектором полиции я отправилась в своем микроавтобусе-«фольксвагене», набитом полицейскими, в деревушку, расположенную на гра-

нице с Вулканическим национальным парком. Я остановилась за деревней, и из машины посыпались полицейские. Подняв автоматы высоко над головой, как морские пехотинцы, производящие вылазку на берег, они быстро окружили базарную площадь, где находилось несколько сотен людей. Это был первый из пяти внезапных рейдов, совершенных в тот день в деревнях, окружавших парк. В результате этих рейдов было арестовано 14 браконьеров, и все были посажены в камеру предварительного заключения тюрьмы Рухенгери в ожидании суда.

По пути в лагерь я увидела идущего по обочине директора парка и предложила подвезти его к себе в управление. Во время непродолжительной поездки он что-то говорил отрывистыми фразами на киньяруанда моим сотрудникам, сидящим позади, а меня полностью игнорировал. После того как директор вышел, мои люди передали смысл его речей. Основная причина его недовольства состояла в том, что арестовали руандийцев, которых издавна подозревали в браконьерстве. Директор заявил, что он будет добиваться их немедленного освобождения, ибо Дядюшка Берт и Мачо были убиты в заирской части Вирунги, и поэтому ответственность за содеянное должны нести заирцы, а не руандийцы.

Мы вспомнили, что и Диджит был убит на заирской территории, по соседству с местами последних происшествий, хотя существовали неопровержимые доказательства, что все браконьеры, связанные с убийством Диджита, были руандийцами. Поскольку ни браконьеры, ни гориλλы в визах не нуждались, я была удивлена тем, что директор хотел свалить вину на заирцев, которые вообще редко появлялись рядом с руандийской границей, где произошли убийства.

Пока я продолжала путь по ухабам лавовых полей, ведущих к подножию Високе, мне перевели остальную часть замечаний директора. Он сообщил, что возвращался из Ги-

сеньи, куда ездил на три дня за пойманной гориллой. Не обнаружив ее, он вынужден был вернуться в управление парка, расположенное на полпути между Рухенгери и подножием гор.

Когда мы начали длительное восхождение в Карисоке, я то и дело вспоминала поимку Коко и Пакер девять лет назад для обмена между ФРГ и Руандой. И тут мне в голову закралась крамольная мысль: а что, собственно, заставило директора внезапно отправиться в Гисеньи за пойманной гориллой именно в тот день, когда были убиты Дядюшка Берт и Мачо? Пытаясь обнаружить связующее звено между его поездкой и последними убийствами, я попросила нескольких руандийцев, кому давно доверяла, незаметно провести расследование. Они умели собирать необходимую информацию среди жителей деревень и других лиц, сведущих о деятельности браконьеров, не вызывая при этом подозрений.

Через два дня после убийства Дядюшки Берта и Мачо в Кигали в сопровождении репортера прибыла группа европейцев, специалистов по охране природы. К их давно запланированному визиту тщательно готовились чиновники управления парка, рассчитывающие получить дополнительную финансовую помощь, оборудование и снаряжение от консорциума ведомств по охране горилл, созданного после широкой огласки гибели Диджита. В аэропорту Кигали группу встречали сам директор, его заместители и помощник-бельгиец. Вновь прибывших, конечно, сразу же оповестили о последних убийствах. Репортер успел по телефону связаться с Лондоном и передать сообщение из Кигали.

Группа специалистов провела два дня в Кигали и отправилась в Рухенгери, где я встретила с ними во время операций по розыску браконьеров в деревнях. Я была такой грязной, голодной, изможденной и подавленной, как никогда за одиннадцать лет работы. Машина с европейцами

подъехала к моему микроавтобусу и остановилась. Репортер ловко выпрыгнул из нее с магнитофоном в руке и попросил меня дать интервью о событиях последних дней. Я вдруг вспомнила, как мы с Иэном Редмондом целую ночь обсуждали целесообразность обнародования смерти Диджита шесть с половиной месяцев назад. Поскольку его смерть оказалась выгодной для работников управления парка в Руанде, не тянулась ли ниточка от последних убийств к первой трагедии? Я отказала репортеру в просьбе сфотографировать в Карисоке тела горилл или хотя бы их могилы, потому что не хотела давать делу большую огласку. Пока она принесла оставшимся в живых гориллам только беды.

На следующий день, пятый после смерти Дядюшки Берта и Мачо, европейская делегация покинула Руанду. Из статьи, вскоре опубликованной в английском журнале, посвященном охране природы, я узнала, что группу специалистов в высшей степени удовлетворил состоявшийся визит, его актуальность, финансовая помощь, предоставленная Вулканическому национальному парку, обещанные дополнительные средства, а также тот широкий отклик, который получили статьи нашего репортера среди общественности.

Даже сейчас, четыре года спустя, многие еще думают, что горилл убивают ради их голов, но это не так. С помощью Полина Нкубили подобного рода убийства были пресечены за несколько лет до гибели Диджита, Дядюшки Берта и Мачо. Тот факт, что гориллы готовы умереть, защищая своих сородичей, очевидно, представляет не столь большой интерес для охотников за сенсациями, как рассказы об обезображенных трупах животных ради охотничьих трофеев.

Прошло шесть дней после убийства Дядюшки Берта и Мачо, и я наконец выяснила причину непрекращающегося нытья Квели. Оказалось, что в него тоже стреляли и пуля попала в правое плечо. На вылете из мышцы рядом с ло-

паткой она задела ключицу. Учитывая, что Себахуту и Муньярукико были отличными стрелками, мне показалось странным, что они промахнулись, целясь в Квели, если, конечно, вышли на группу 4 в то роковое утро ради охоты.

Повторив процедуру тщательного изучения следов, которая помогла многое раскрыть после смерти Диджита, мы с руандийскими помощниками и несколькими стажерами восстановили последовательность событий, связанных с последними убийствами. Оказалось, что Квели был первой жертвой. В него с дерева стрелял Себахуту вскоре после того, как члены группы 4 вылезли из своих ночных гнезд и, рассредоточившись, принялись кормиться. Мачо застрелили, когда она ринулась на защиту сына. Дядюшка Берт возглавлял группу, отходящую под укрытие склонов Високе, когда крики Квели и Мачо заставили его вернуться и напасть на браконьеров, защищая жену и сына. Очевидно, серебристоспинный самец стоял во весь рост, когда роковая пуля настигла его, угодив прямо в сердце. И он умер, не успев упасть на землю. Только благодаря вмешательству родителей Квели удалось убежать с остальной группой. Если бы Дядюшка Берт и Мачо инстинктивно не кинулись на защиту своего детеныша, они бы не были убиты. Они отдали свои жизни за сына.

Через несколько дней после того, как я узнала о ране Квели, люди, которых я просила собрать сведения у жителей соседних с парком деревень, вернулись в лагерь. Они извлекли из карманов клочки бумаги с записанными от руки адресами, датами, часами и именами, а также событиями, имеющими отношение к убийствам. От своих осведомителей я узнала, что два африканца из чужих мест, «конголезцы», как их называли, то есть заирцы, наведались к директору парка накануне убийства Дядюшки Берта и Мачо. Проведя с директором несколько часов, они ушли, а директор объявил своим подчиненным, что собирается

уехать в Гисеньи за только что пойманной молодой гориллой. Затем он велел привести в порядок загон рядом с конторой, куда предстояло поселить пленника.

И только теперь — одиннадцать дней спустя после убийств — до меня дошел подлинный смысл беседы директора с моими сотрудниками в машине, когда я предложила подвезти его по возвращении из Гисеньи. Вероятнее всего, Квели и был той намеченной жертвой для отлова, но ни директор, ни браконьеры не могли предвидеть, с какой отвагой и рвением гориллы будут защищать своих попавших в беду сородичей. Однако все они прекрасно отдавали себе отчет в том, что поимка гориллы за пределами района наблюдений не приведет к должному общественному резонансу, необходимому для получения финансовой помощи в пользу горилл от других стран. Более того, чтобы не ставить под удар руандийцев, связанных с той частью Вирунги, где располагался Исследовательский центр Карисоке с соответствующими группами горилл, поимку гориллы следовало организовать только в заирской части заповедника. На протяжении многих лет группы 4 и 5 переходили из одной страны в другую, но только группа 4 оказалась на заирской стороне во время приезда европейских экспертов по охране животных.

Осиротевший Квели, лишившись матери Мачо и отца Дядюшки Берта и с огнестрельной раной в плече, мог теперь положиться только на Тигра, который обрабатывал его рану, прижимал к себе несчастного детеныша и делил с ним тепло ночного гнезда. С озабоченным выражением лица Тигр сидел с трехлетним малышом, отвечая на его плач успокаивающим урчанием. Став новым вожаком группы 4, Тигр следил за тем, чтобы во время кормежки и переходов Квели не отставал, и придерживал своих соро-

дичей. Самой большой угрозой для жизни Квели в августе 1978 года была тоска, в которую он впал.

Лишенный родственных связей с кем-либо из членов группы, Битсми стал помехой ее сплоченности. Этот чужак, двумя годами старше Тигра и бывший самым старым самцом в группе, предводимой более молодым вожаком, вскоре стал претендовать на роль главаря, что часто проявлялось довольно агрессивным образом. Неполовозрелый Битсми как самый старый и крупный самец через три дня после смерти Дядюшки Берта стал мучить Флосси. Его агрессивность была направлена преимущественно на Фрито, последнего отпрыска Дядюшки Берта. Убив Фрито, Битсми избавился бы от детеныша соперника, и Флосси снова стала бы способной к зачатию.

Ни молодой Тигр, ни стареющая самка не могли противостоят Битсми. Через 22 дня после гибели Дядюшки Берта Битсми удалось убить Фрито, несмотря на отчаянные попытки Тигра и других членов группы 4 защитить мать с детенышем. Флосси таскала с собой тело Фрито два дня и в конце концов вынуждена была бросить его, защищаясь от очередного нападения Битсми. Крошечное тело малышки было похоронено рядом с отцом на кладбище перед моим домиком. Смерть Фрито была еще одним косвенным свидетельством того урона, который наносят браконьеры, убивая вожака группы горилл.

Через два дня после смерти Фрито Флосси стала помогать интимной связи с Битсми, но вряд ли из-за половой страсти или потребности зачать — она еще не вступила в очередной менструальный цикл, а Битсми не достиг половой зрелости. Ее приглашения, несомненно, были направлены на то, чтобы положить конец продолжающимся приставаниям. Во мне невольно возникло сильное отвращение к Битсми от сознания того, как его поведение сводит на

нет десятилетние усилия Дядюшки Берта по сплочению своего семейства.

Через неделю после смерти Фрито во время ожесточенной стычки с группой под предводительством Нанки Флосси представилась первая реальная возможность покинуть группу 4. Она перешла в нее вместе с семилетней дочерью Клео и Августой, восьмилетней дочерью Петьюлы. Четырехлетний сын Флосси Тит остался в группе 4. Несмотря на то что эти переходы привели к дальнейшему дроблению группы 4, я почувствовала облегчение от ухода Флосси. Вряд ли она смогла бы выдержать непрекращающиеся издевательства со стороны Битсми.

Флосси и Клео провели всего лишь 19 дней с Нанки, а затем перешли в небольшую окраинную группу из четырех животных, причем сделали это при первой возможности. Поскольку в этой группе была всего одна самка, Флосси заняла в ней главенствующее положение, чего бы ей никогда не удалось в группе Нанки с четырьмя самками и детенышами. К сожалению, второй переход Флосси и Клео означал, что мне навсегда придется распрощаться с ними. Дело в том, что принявшая их группа редко появлялась в районе Карисоке. Эта группа была известна под именем Суза, ее территория располагалась на отдаленных склонах горы Карисимби за рекой Суза. И одиннадцать месяцев спустя мы с превеликим удовольствием узнали, что у Флосси появился новый детеныш, скорее всего от Джона Филиппа, серебристоспинного вожака группы Суза. Прошло еще около сорока месяцев, и, когда Клео родила в декабре 1981 года, Флосси стала бабушкой.

Августа не перешла в новую группу вместе с Флосси и Клео, потому что ее мать Петьюла была первой супругой Нанки, приобретенной четырьмя годами ранее. Поэтому она заняла главенствующее положение среди его четырех самок. Оставшись в группе Нанки, Августа претендовала

на место своей матери и трехлетней единокровной сестры Ли, отцом которой был Нанки.

С уходом Флосси из группы 4, где оставались Битсми, Тигр, Тит, Квели, Симба и ее детеныш Мвелу, агрессивность Битсми заметно спала, хотя он иногда угрожающе набегал на Тита или награждал его тумаками. Так же как и Тит, Симба с Квели полагались на Тигра как защитника. Я тешила себя надеждой, что четырехмесячная дочурка Симбы, единственный отпрыск Диджита, сможет выжить несмотря ни на что.

Меня также все больше беспокоила судьба Квели, который еще несколько месяцев назад был самым жизнерадостным и подвижным детенышем в группе 4. Апатия и подавленное состояние трехлетнего малыша продолжали усиливаться изо дня в день, несмотря на то что Тигр старался заменить ему и отца и мать.

Прошло три месяца со дня ранения и потери обоих родителей, и Квели словно утратил интерес к жизни. В то утро, когда он скончался, его нашли при смерти в ночном гнезде, которое он делил с Тигром. Квели только издавал слабые крики, когда группа незаметно удалялась во время кормежки. Услышав его стенания, гориллы по несколько раз на дню возвращались и пытались утешить его урчанием или ласками. Однажды Битсми даже попытался усадить Квели, как бы понуждая полуживого малыша встать на ноги и пойти за ними. Каждое животное хотело чем-нибудь помочь, однако из этого ничего не получалось. После того как группа провела дневной отдых рядом с быстро угасающим Квели, каждый ее член подходил к малышу, несколько секунд серьезно смотрел ему в глаза и удалялся на кормежку. Гориллы как бы знали, что Квели уже не жилец на этом свете.

Поздно вечером мы притащили тело маленького Квели в лагерь и похоронили между могилами матери и отца,

Мачо и Дядюшки Берта. Теперь в группе 4 остались только Симба, ее шестимесячная дочь Мвелу и три самца — Тит, Тигр и Битсми. Мне трудно было воспринимать Битсми как полноправного члена группы из-за его непрекращающегося террора по отношению к остальным животным в попытке установить свое превосходство, особенно над Тигром.

Через четыре месяца после убийств, в декабре 1978 года, Симба последовала примеру Флосси и при первой же возможности перешла в группу Нанки. К моему величайшему огорчению, Мвелу, единственный отпрыск Диджита, была убита Нанки во время встречи между двумя группами. Так угас еще один лучик света.

От группы 4 осталось всего лишь три молодых самца, беспокойно шнырявших по склонам горы Високе на протяжении шести недель после ухода Симбы. Тигр пытался сохранить ее единство, по-матерински ухаживая за Титом и укрощая строптивость Битсми. Влияние Тигра и незрелость всех трех самцов способствовали тому, что они держались вместе. В январе 1979 года они присоединились к все еще одинокому Пинатсу. Под предводительством молодого серебристоспинного самца впервые за шесть месяцев с момента убийств гориллы сошли с горы Високе в седловину.

Получив подкрепление из трех самцов, Пинатс расширил свою территорию и после неизвестных нам встреч с окраинными группами в северо-западной части седловины приманил к себе еще двух взрослых самцов. Ахаб и Патти (сначала мы думали, что Патти — самка) привнесли в группу оживление, став партнерами по играм. Появилась надежда, что под предводительством Пинатса группа 4 сможет продолжать свое существование в измененном составе. Шансы на выживание возросли и для других горилл в Вирунге, когда пришло известие о смерти злостного браконьера Муньярукико.

Рождественские праздники 1979 года в Карисоке и прилегающих районах прошли мирно для исследуемых и окранных групп. Фонд Диджита позволил усилить патрулирование с базы в Карисоке в последующие полтора года. Благодаря этому фонду и пожертвованиям Американского общества гуманного обращения с животными мои сотрудники смогли наконец обзавестись водонепроницаемой обувью, плащами, легкими палатками, теплой одеждой и перчатками. Проведя целый день в лесу, уничтожая ловушки и конфискуя оружие у браконьеров, патрули могли вернуться в Карисоке, где их ждали горячая пища и теплая постель.

Всякий раз, когда сотрудники лагеря выражали беспокойство по поводу того, что им приходилось патрулировать большие территории далеко от лагеря, а это повышало вероятность встречи с вооруженными огнестрельным оружием злоумышленниками, я и Иэн Редмонд отправлялись вместе с ними для поддержания духа. Их готовность работать в тяжелых условиях сочеталась с кристальной честностью и убеждением, что они вносят личный вклад в дело охраны оставшихся в Вирунге животных. Не следует, однако, забывать, что мои сотрудники не были официальными служащими охраны парка, а являлись всего лишь проводниками природоохранной политики Исследовательского центра Карисоке.

Каждую неделю шесть человек, уходящих в патрулирование, проработав три дня, возвращались в свои деревни с заработанными деньгами в кармане. Они оставляли в лагере промокшие ботинки и одежду, которые следовало почистить, просушить и подготовить к работе на следующей неделе. Этим не только обеспечивался большой срок эксплуатации снаряжения, но и риск его потери сводился до минимума, пока люди были на горе.

За первые полтора года патрулирования на средства Фонда Диджита было уничтожено около 4000 ловушек браконьеров. Расходы на питание и зарплату составляли шесть долларов в день на одного человека.

Пока патрули из Карисоке уничтожали ловушки и конфисковывали оружие браконьеров в глубине Вирунги, другие организации по охране горилл также пытались спасти этих животных. Они получали значительные средства от общественности после обнародования смерти Диджита, Дядюшки Берта и Мачо. Работая за пределами Вулканического национального парка или вблизи его границ, сотрудники этих организаций подчеркивали необходимость расширения туризма, приобретения транспортных средств и оборудования для служащих парка, а также проведения разъяснительной работы среди местного населения, чтобы расширить их знания о гориллах и повысить интерес к ним. Поскольку вся эта деятельность повышала престиж Вулканического национального парка, она получила надежную поддержку со стороны руандийцев, работавших в нем. Несмотря на то что, по моему мнению, слишком много средств затрачивалось на пассивные мероприятия по охране природы, меня тем не менее утешала мысль о положительной реакции со стороны руандийских чиновников, а также о возможности беспрепятственно продолжать активную работу по патрулированию территории из Карисоке.

Утром 1 января 1980 года кто-то громко постучал в мою дверь. Открыв ее, я увидела одного из моих носильщиков с переполненной корзиной из-под картошки на голове. Только я собиралась сказать ему, что картошку не заказывала, как он возбужденно воскликнул: «Ико нгаги!» («Это горилла!») У меня замерло сердце. Мы поставили корзину на пол в большой, редко используемой комнате. Я медлен-

но приподняла крышку. Из корзины вылезла исхудавшая малютка в возрасте около трех лет.

Ее отобрали у заирских браконьеров, пытавшихся всучить малютку под Новый год французскому врачу в Рухенгери за сумму, эквивалентную 1000 долларам. Пленницу удалось вызволить у браконьеров только благодаря смекалке доктора Вимона, а сами браконьеры потом попали в тюрьму. Еще один случай, доказывающий, что соблюдение законов, по сути дела, является активной мерой по охране животных. Я так и не узнала, сколько горилл пришлось убить, чтобы заполучить детеныша. Но мне стало известно, что пленницу держали около шести недель в сыром, темном картофельном сарае рядом с границей парка у горы Карисимби и кормили хлебом и фруктами. Как и у других попавших в неволю горилл, ее организм был основательно обезвожен, и у нее были сильно застужены легкие. Испугавшись людей, малышка немедленно забилась под кровать. На протяжении двух дней она ныряла туда всякий раз, как только в комнату входил человек. Для нее принесли свежий корм и материалы для гнезда. Я обрадовалась, когда она наконец стала есть и спать в сооруженном мной гнезде.

Потребовалось шесть недель тщательного ухода, чтобы Бон-Анэ («Новогодняя») почувствовала себя достаточно окрепшей и смогла играть на лужайках рядом с лагерем. Минули еще шесть недель, и она стала с прежней ловкостью лазить по деревьям и подготавливать себе пищу, раздирая на части стебли сельдерея, сдирая кожицу с чертополоха и скатывая в шарики подмаренник. Как было приятно наблюдать за превращением больной пленницы в жизнерадостного детеныша! Выздоровлению Бон-Анэ немало способствовала Синди, которая ухаживала за ней точно так же, как она делала это одиннадцать лет назад с Коко и Пакер. Хотя Синди сильно постарела, она согревала Бон-Анэ, прижимала ее к себе всякий раз, когда малышка

хотела отдохнуть. Синди также устраивала с ней игры с легкими потасовками и погонями друг за другом.

Директор парка в Кигали был оповещен о появлении в лагере Бон-Анэ, а также о моем намерении пристроить ее к одной из живущих на воле групп, после того как она оправится от последствий поимки и заключения. Я с удовлетворением восприняла его согласие с моим решением. Да, с 1969 года в соблюдении законов наметился заметный прогресс как в Руанде, так и за рубежом, когда Коко и Пакер были переданы этим государством в качестве заложников в ФРГ.

Мне казалось, что шансы Бон-Анэ на выживание были бы наилучшими в составе возрождающейся группы 4, единственной группы без крепких родственных уз и детенышей. Единственным недостатком группы 4 было намерение Пинатса вывести ее в седловину к западу от Високе, где еще встречались браконьеры и ловушки. Стоит ли выпускать Бон-Анэ на свободу, если ей снова грозит опасность стать жертвой браконьеров?

К марту здоровье Бон-Анэ было полностью восстановлено и мешкать далее было нельзя. Но сначала следовало ее отучить от таких атрибутов Карисоке, как готовая пища, теплый ночлег и многочисленные обитатели лагеря, включая Синди и посетителей, которые окружали ее вниманием и играли с ней. Для этого на территории группы 4 вдали от Карисоке была устроена временная стоянка, состоящая всего лишь из одной палатки и нескольких спальных мешков. Там Бон-Анэ предстояло на протяжении четырех суток постепенно привыкать к дикой природе с помощью довольно способного стажера Джона Фаулера и его африканского помощника.

В тот день, когда было решено выпустить Бон-Анэ на волю, все с самого начала пошло вкривь и вкось. Мало того, что лил проливной дождь, но и группа 4 далеко ото-

шла от стоянки и вступила в ожесточенную схватку с неопознанной окраинной группой. Учитывая возбужденное сверх меры состояние животных, вряд ли можно было рассчитывать на то, что они в этот день примут Бон-Анэ. Возвращаясь к стоянке, мы с неохотой решили попытаться ввести ее на следующий день в группу 5. Попав в эту группу, Бон-Анэ оказалась бы на территории, сравнительно безопасной от браконьеров, но, с другой стороны, прочно сложившиеся кровные связи могли бы затруднить процесс принятия детеныша с чужим генофондом.

Наибольшее беспокойство при введении Бон-Анэ в группу 5 вызывала, как мне казалось, главенствующая самка Эффи, на которой появление чужекровки сказалось бы сильнее всего. В то время я еще не знала, что ей предстояло родить через три месяца (это будет шестой детеныш группы за годы наблюдений). Меня беспокоили возможные провокации со стороны Так, дочери Эффи, которая вступала в регулярный менструальный цикл и часто совокуплялась с Икаром. Третий фактор укрепления родственных связей в группе 5 был обусловлен появлением в ней в том же месяце второго детеныша от Икара, зачатого Пентси. В то время, а именно ранней весной 1980 года, у меня еще не было никаких доказательств того, что серебристоспинный вожак будет рьяно оберегать чистоту семейной линии, если не считать его поведения во время встреч с чужими серебристоспинными самцами. Поэтому я не видела в Икаре потенциальной угрозы для Бон-Анэ.

По мере того как мы с Джоном и Бон-Анэ приближались к группе 5, мои недобрые предчувствия все более усиливались, но они, очевидно, не передавались малышке, которая с удовольствием сидела на загривке Джона во время длительного перехода. Добравшись до группы 5, скучившейся под моросящим дождем на южной стороне Високе во время дневного отдыха, мы с облегчением отметили, что

поблизости не было посторонних групп или серебристо-спинных одиночек. Может быть, вторая попытка пристроить Бон-Анэ все-таки увенчается успехом?

Первой задачей было найти подходящее дерево рядом с группой. Расположившись на дереве, Бон-Анэ сохраняла возможность остаться с нами, если вдруг испугается, или вернуться к нам, если ее не примут. Втроем мы забрались на высокий, несколько склонившийся гиперикум метрах в пятнадцати от отдыхающей группы. Прошло пять минут, и Бетховен сначала уставился на нас в изумлении, а потом издал короткий тревожный крик. Глядя на Бон-Анэ, он никак не мог понять, своя это горилла или чужая. Малышка в ответ уставилась на него так, словно знала старого самца всю свою жизнь. Трудно было поверить, что Бетховен был первой гориллой, увиденной Бон-Анэ за последние три месяца.

Звуки, издаваемые Бетховеном, привлекли к нам внимание остальных членов его семейства. Так тотчас же отделилась от группы и заковыляла к основанию дерева, сжав губы и нервно похлопывая по кустам. За ней последовала ее мать. Эффи тоже была в напряженном состоянии, и выражение ее лица нельзя было назвать приятным.

Люди перестали существовать для Бон-Анэ. Она медленно высвободилась из рук Джона и стала спускаться по стволу к своим соплеменникам. Когда она проходила мимо, моя рука невольно потянулась к ней, как у матери, пытающейся защитить свое дитя от опасности. Затем, отчетливо поняв, что не мне вмешиваться в решение, принятое малышкой, я отдернула руку. Бон-Анэ спустилась к Так, обе гориллы нежно обнялись. Мы с Джоном переглянулись с сияющими улыбками, забыв все прежние опасения и сомнения по поводу принятия пленницы в группу 5. Это, однако, были наши последние улыбки в тот день.

Все, чего я опасалась вначале, случилось. Эффи бросилась к Так. Обе самки стали бороться за малышку, тянули ее в разные стороны и покусывали. Бон-Анэ разоралась от боли и страха. Через десять минут я решила, что с меня достаточно. От моих намерений оставаться сторонним научным наблюдателем не осталось и следа. Я заорала: «А ну прочь отсюда!» — и спустилась с дерева на помощь бедняжке. Я передала ее Джону, и он забрался с ней еще выше на дерево. Эффи и Так вернулись к дереву, оправившись от охватившего их на мгновение страха, вызванного моим вмешательством, и угрожающе уставились на нас, словно намекая, что вот-вот залезут на дерево и отберут Бон-Анэ.

Затем, к полному нашему изумлению, малышка снова высвободилась из рук Джона и вернулась к Так и Эффи. На этот раз я не пыталась остановить ее. Видно, Бон-Анэ твердо решила стать вольной гориллой.

Так и Эффи сразу же возобновили истязания Бон-Анэ, и она снова начала орать. Мне было мучительно видеть жестокость самок группы 5 и невыносимо слышать крики малышки. Крики заставили Бетховена примчаться к дереву с угрожающим рыком, Эффи и Так пустились наутек. Потрясенная Бон-Анэ направилась прямо к старому самцу, который с интересом обнюхал ее, но не раскрыл объятий в ответ на ее тщетные попытки найти убежище в его руках. В это время снова полил дождь, и Бетховен повернулся спиной к малышке, стараясь укрыться от него в зарослях. Насквозь промокшая и дрожащая от холода маленькая Бон-Анэ прижалась к его массивной серебристой спине.

Когда дождь поутих, остальные члены группы 5 стали подходить к маленькой незнакомке и обнюхивать ее. Присутствие детенышей, видимо, приободрило Бон-Анэ. Она забралась в самую середину, присела и стала невозмутимо есть. Мы почти потеряли малышку из виду, когда гориллы

окружили ее, стали важно похаживать вокруг нее и бить себя в грудь, как бы пытаясь вызвать у детеныша ответную реакцию. Вдруг среди животных оказался Икар со сжатыми губами, который разогнал малышку угрожающей походкой. Он направился прямо к Бон-Анэ и потащил ее за руку через заросли. Эффи и Так подбежали к молодому самцу и вместе с ним стали издеваться над малышкой, сбивая ее с ног всякий раз, как она пыталась подняться. Их издевательства в присутствии Икара стали еще более грубыми. Он безжалостно выхватил Бон-Анэ из рук самок и пробежал метров пять, держа ее в зубах. Дитя закричало от страха. Ее крик заставил Бетховена и остальных горилл кинуться к Икару, который сразу же выпустил малышку и убежал.

Моя благодарность Бетховену за его вмешательство скоро улетучилась. Не прошло и минуты, как старый вожак ушел вниз и стал кормиться сам по себе. Можно было подумать, что возраст уже не позволял ему гоняться за Икаром. К тому же возможность снова стать отцом уже не светила Бетховену, если учесть, что две его самки, Маркиза и Эффи, вряд ли станут восприимчивыми в половом отношении в ближайшие три-четыре года. Ответственным за продолжение рода теперь стал Икар.

С уходом Бетховена Икар вернулся и вместе с Так снова принялся терзать Бон-Анэ. Мне с Джоном показалось, что они хотели как можно дольше растянуть мучения малышки ради собственного удовольствия. Наконец Бон-Анэ оставила всякие попытки к сопротивлению. Она легла на землю, перестала двигаться и издавать какие-либо звуки. Она признала свое полное поражение.

Икар в последний раз постучал себя по груди, схватил ее, потащил вниз и бросил на землю, завершив свое выступление короткой пробежкой и еще одной серией ударов в грудь. Каким-то чудом Бон-Анэ удалось поползти до на-

шего дерева, но ей не хватало сил вскарабкаться на него. Пораженная небывалой жестокостью животных группы 5, я не сразу спустилась ей на помощь. Тем не менее мне удалось взять ее на руки и передать Джону. До того как Икар и Так вернулись к дереву и стали угрожающе взирать на нас, Джон спрятал Бон-Анэ под куртку. Нам только оставалось молиться и надеяться, что малышка звуками не выразит своего обычного недовольства лишением свободы. У меня не было никаких иллюзий, что если Икар услышит ее крики, то залезет на дерево и силой отберет ее у нас.

Четверо подростков группы 5 бегали вокруг дерева и залезали на него, пытаясь найти Бон-Анэ. Когда они проскальзывали мимо меня, я отгоняла их щипками и ударами, пока Икар не смотрел в мою сторону. Удивленные столь необычным обращением, животные несколько отпрянули от меня, но не отказались от намерения отыскать незнакомку. Я благодарила судьбу за то, что спрятанная малышка не выдавала себя движениями или звуками. Икар же разбросал подростков в разные стороны и сам полез на дерево. Никогда не забуду ощущения страха, который я испытала, когда совсем рядом ощутила горячее дыхание молодого самца и его голова оказалась в нескольких сантиметрах от меня. Поскольку мы с Джоном находились выше его — и нас было двое, — Икар не посмел продолжать поиски Бон-Анэ.

Целый час Икар и Так дежурили у дерева, издавая лающие или хрюкающие звуки при малейшем нашем движении. Шерсть на макушке самца стояла дыбом, от него исходил резкий запах, свидетельствующий о крайнем напряжении. Обе гориллы неоднократно позевывали, обнажая все зубы и быстро раскачивая головы из стороны в сторону. У меня создалось впечатление, что они хотели напасть на нас, но им не хватало смелости, поскольку не решались

забраться на дерево, где сидело два человека. Не припомню, чтобы когда-либо чувствовала себя столь беспомощной.

Несколько раз Икар давал выход своим чувствам, бросаясь напролом вниз сквозь заросли, ломая их и ударяя себя в грудь. Но всякий раз он возвращался в исходную позицию. Прошло около часа, и остальные гориллы отправились на кормежку. Икар и Так было последовали за ними, но вскоре вернулись и снова подозрительно уставились на нас. И только когда эта парочка окончательно скрылась из виду в густых зарослях метрах в десяти от нас, Джон слез с дерева и побежал вверх по склону с малышкой под курткой, не издавшей ни единого звука. Минут через пять за ними последовала и я, ожидая, что в любой момент подвергнусь нападению сзади. В тот вечер Джон признался, что и его также обуревал страх. Мы позволили себе расслабиться, только проделав получасовой путь от места встречи с группой. Неблагоразумное поведение Так и особенно Икара свело на нет достигнутое за столько лет взаимопонимание между нами. Трудно сказать, было ли подобное проявление ксенофобии Икара столь же неожиданным для него, как и для нас.

Вернувшись в лагерь, мы насухо вытерли Бон-Анэ и поместили в клетку для сна, где находились ее любимые коробки с фруктами. Раны у нее оказались легкими, и она была рада снова попасть в привычную среду.

Через 20 дней раны Бон-Анэ полностью зажили, и она была успешно внедрена в группу 4. Поскольку прочные родственные связи в ней отсутствовали, малышка сразу же легко вжилась в группу, состоявшую из двух взрослых горилл родом из окраинной группы, трех самцов-старожилов — Битсми, Тигра и Тита, — а также молодого серебристоспинного вожака Пинатса, которому в то время было около восемнадцати лет. Не прошло и часа с момента встречи с приемной семьей, как Бон-Анэ уже резвилась с

Тигром. Ему тогда было пять с половиной лет. Так Бон-Анэ наконец стала вольной гориллой.

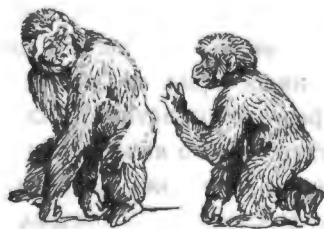
На протяжении года Бон-Анэ была полноправным членом группы 4 под предводительством Пинатса, ее защищали и ласкали все члены семейства. В мае 1981 года, после длительного периода ливней с градом, она подхватила пневмонию.

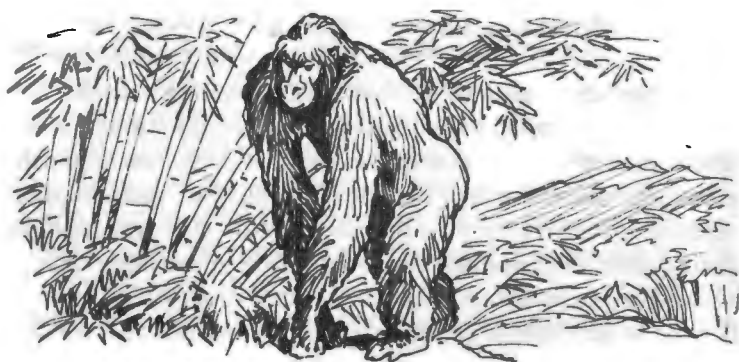
В связи со смертью Бон-Анэ возникает вопрос, стоило ли ее вообще выпускать на волю. Мой ответ на этот вопрос безоговорочно утвердительный. Можно было бы возразить, что, если на воле осталось всего лишь около двухсот сорока горных горилл, не лучше ли было отправить ее в зоопарк, где пленницу экспонировали бы как редкое животное. К тому же в зоопарках мира нет ни одной горной гориллы, которая выжила в неволе, поэтому, если бы даже Бон-Анэ свыклась с жизнью за решеткой, у нее не было ни малейшей возможности продолжить род. На воле такой шанс у нее был. Кроме того, Бон-Анэ умерла свободной.

Я слишком хорошо помню фотографии Коко и Пакер, снятые во время их долгого заключения в кёльнском зоопарке, которые запечатлели состояние депрессии, несмотря на то что обезьянки находились вдвоем и могли утешить и приласкать друг друга. Мне не хотелось, чтобы Бон-Анэ испытала горечь неволи, как Коко и Пакер ради каких-то двух-трех лет безрадостной жизни. Будучи принятой в группу, где она прекрасно прожила целый год, Бон-Анэ доказала, что и пойманных горилл можно успешно возвращать в естественную среду, если найти подходящую группу вольных животных. Уверена, что вытекающие из этого выгоды, включая возможность продолжения рода, значительно перевешивают риск, связанный с выпуском на волю. В случае Бон-Анэ причиной смерти стали исключительно неблагоприятные условия погоды, хотя браконьеры представляли собой более серьезную угрозу.

Поскольку для Тигра в возрасте тринадцати с половиной лет в группе Пинатса не было никакой возможности стать отцом, он покинул ее в феврале 1981 года, незадолго до смерти Бон-Анэ. Хотя после этого в группе 4 появилось еще одно животное в возрасте около восьми лет, оно, кажется, тоже было самцом. Потенциальный по праву наследования предводитель группы 4, как это в свое время было с Дядюшкой Бертом после смерти их отца Уинни, Тигр стал всего-навсего рядовым членом сообщества серебристоспинных самцов, в котором не было ни одной самки.

Так одна-единственная пуля лишила Тигра всех шансов и радикально изменила его жизнь! Когда я пишу эти строки, Тигр уже два года бродит в одиночку по склонам горы Високе, накапливая опыт в общении с другими группами, в основном с группой под предводительством Нанки, который гораздо старше и опытнее его. Не исключено, что в поисках спутницы жизни Тигр перейдет на другую гору в области Вирунга. Сделает он это ради продолжения рода или нет, не знаю, но хотелось бы надеяться, что ему удастся сформировать свою семью и стать ее вожаком, как того добивались другие серебристоспинные одиночки до него.

Глава двенадцатая
**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СЕМЬИ
ВСЕЛЯЕТ НАДЕЖДУ**

В ноябре 1972 года в районе наблюдений в Карисоке впервые появилась еще одна яркая личность. В этот период в южной части территории, занимаемой группой 5 — на холмах, разделяющих Високе и Карисимби, — мы встретили лохматого серебристоспинного одиночку. По нашим оценкам, ему было за тридцать пять, и мы назвали его Нанки. Судя по следам, Нанки пришел с горы Карисимби, где вторжение человека в Вирунгу проходило более медленно.

По форме ноздрей Нанки не отождествлялся ни с одним из серебристоспинных самцов, зарисованных или сфотографированных нами до этого, да и по поведению этого ворчливого животного нельзя было утверждать, что он когда-либо встречался с людьми и привык к ним. Более того, Нанки относился к людям с крайним недоверием. Что же

касается обстоятельств, заставивших его бродить в одиночку без семьи, то недостатка в предположениях не было.

Казалось маловероятным, что Нанки был вожаком группы горилл, убитых браконьерами, ибо в подобных случаях серебристоспинные самцы отдают свою жизнь, защищая сородичей. Я пыталась вычислить нового самца, сравнивая его с другими известными мне серебристоспинными самцами из исследуемых групп. Амок, например, самец группы 4, которому пришлось бродить в одиночку около шести лет, вряд ли мог сформировать новую группу из-за слабого здоровья. Единственный явный недостаток у Нанки — сращение четырех пальцев на правой ноге с отстоящим большим пальцем и двух средних пальцев на левой ноге, что свидетельствовало о кровосмешении в его роду.

Тогда я еще не могла сравнить таинственного самца с когда-то входившим в состав группы 8 Пинатсом, молодым самцом, неспособным обзавестись самками и удержать их при себе. А Нанки вскоре проявил себя довольно способным во время встреч с другими группами в неустанных попытках создать собственный гарем. Судя по его поведению, можно было предположить, что Нанки обладал опытом вожака группы, хотя наблюдателям из Карисоке так и не удалось выяснить, что с ним произошло. В конце концов я пришла к заключению, что его прошлое сродни прошлому Рафики, старого вожака группы 8. Вероятно, подобно Рафики, Нанки потерял самцов, которые вынуждены были покинуть группу, поскольку у них не было шансов стать отцами в ее пределах, а самки, как и в группе 8, умерли естественной смертью.

Около двух лет с момента появления в районе Карисоке Нанки вел бродячий образ жизни и пытался обзавестись самками из групп 4 и 5, а также из соседних окраинных групп. За это время он не только знакомился с гориллами

из разных групп, но и приспособлялся к местности как на склонах горы Високе, так и вокруг нее. В отличие от других серебристоспинных одиночек в районе наблюдений Нанки не имел четко обозначенной территории, а это необходимое условие для самца, желающего сформировать собственную группу.

Нанки нужно было найти территорию, не накладывающуюся на территории таких старожилов Високе, как группы 4, 5, 8 и 9. В основном он бродил где попало, пока наконец не утвердился довольно высоко на склонах горы. Выбор этого места был далеко не идеальным. Местность вблизи субальпийской зоны бедна растительностью — она менее густа и разнообразна по сравнению с седловиной или нижними склонами Високе. Но зато на нее практически не претендовали другие группы, и именно туда удалился Нанки в июне 1974 года, обзаводясь первыми двумя самками — Петьюлой и Папуз из группы 4. Им было суждено остаться при нем навсегда.

Переход самок в его гарем был не так прост, и на это потребовалось несколько контактов. Покинувшая свою группу 4 Петьюла все же вернулась от Нанки в родную семью и к своему первому детенышу Августе, которой исполнилось сорок шесть месяцев, — эти переходы длились более двух суток. Но она так и не воссоединилась с группой 4, а связалась с серебристоспинным одиночкой Самсоном, сыном Рафики из группы 8. Тогда Нанки в сопровождении Папуз двинулся по пятам Петьюлы. Но вместо того чтобы отвоевать Петьюлу, Нанки потерял и Папуз, перешедшую к Самсону, который стал его могучим соперником. Обе самки пробыли с молодым самцом три недели и снова вернулись к Нанки. Мне кажется, что их окончательный выбор, павший на более взрослого и неряшливого Нанки, объяснялся его опытом вожака, что позволяло им чувство-

вать себя в его компании более уверенно и в большей безопасности, чем с менее опытным Самсоном.

Петьюла в группе 4 занимала самое низкое по рангу место среди самок. Поскольку иерархическое положение самок обычно зависит от очередности их приобретения вожаком, Петьюла стала главенствующей самкой в будущем гареме Нанки. Когда я пишу эти строки, она по-прежнему занимает верхнюю ступеньку в иерархии группы Нанки.

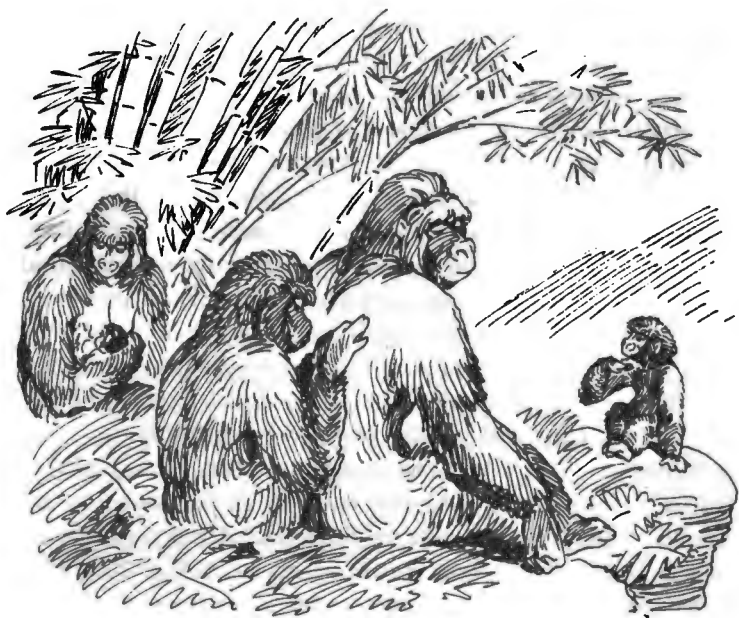
Присоединившаяся к группе 4 Петьюла не стала, однако, объектом полового влечения Дядюшки Берта, хотя прошло сорок шесть месяцев с тех пор, как родилась их дочь Августа, которую она еще продолжала кормить грудью. Петьюла была одной из двух самок, чья способность к зачатию сдерживалась затянувшимся периодом лактации. Через одиннадцать месяцев после перехода к Нанки Петьюла родила первого детеныша на горе Високе. Я назвала его Ли в честь моей близкой подруги Ли Лайон, фотографа-анималиста, убитой слоном в Руанде незадолго до рождения детеныша. В мае 1976 года, то есть через десять месяцев после рождения Ли, у Папуз от Нанки родился мальчик, которого я назвала Эн-Джи в честь Национального географического общества (*National Geographic Society*). В настоящее время Папуз в возрасте девяти лет и десяти месяцев — самая молодая мать из наблюдаемых мною горилл. Для девяти самок возраст, в котором они родили впервые, составляет в среднем десять лет.

Подобно Тор — малышке Мачо и Рафики, — Ли какое-то время была единственным детенышем в группе. Будучи лишенной сверстников по играм, она тем не менее развивалась вполне нормально с точки зрения двигательных навыков за те десять месяцев, что предшествовали рождению Эн-Джи. Она проявляла такую же изобретательность в играх в одиночку, как и Августа, ее единокровная сестра из

группы 4. Когда ей минуло около года, Ли начала хлопать себя по отвисшей челюсти, издавая клацающие звуки, точь-в-точь как Августа. (Впервые за этим занятием был замечен Тит в группе 4, когда ему было около трех лет.) Другие детеныши из группы 4 или группы Нанки не прибегали к подобным средствам, чтобы привлечь к себе внимание. Тот факт, что Ли усвоила этот необычный прием, еще раз свидетельствовал о развитии оригинального способа саморазвлечения в отсутствие наперстников, братьев и сестер.

Почти целый год — период, потребовавшийся на то, чтобы между Нанки и его первыми двумя самками установились тесные отношения, — серебристоспинный самец не пытался увеличивать свой гарем. Затем, через месяц после рождения Ли, Нанки обзавелся еще одной незрелой в половом отношении самкой из окраинной группы. Она пробыла с ним семнадцать месяцев, а затем присоединилась к другой небольшой окраинной группе. После того как Папуз забеременела, Нанки возобновил активные контакты с другими группами. За месяц до рождения Эн-Джи он стал обладателем еще двух взрослых самок. Одна из них пробыла с ним только десять месяцев, другая, Фаддл, происходила из группы 6, как и третья самка Пандора. Пандора присоединилась к растущему гарему Нанки в августе 1976 года, через четыре месяца после Фаддл. Учитывая сходство форм ноздрей и хорошие взаимоотношения, я предположила, что Фаддл и Пандора родные или двоюродные сестры.

Пандора походила на Старую Козу из группы 4 больше, чем любая из горилл, с которыми мне приходилось встречаться. Мужественный характер самки и развитое чувство ответственности за Нанки во время встреч с другими груп-

пами пришлось мне по душе. Отличительным внешним признаком Пандоры были руки. На правой ее руке уцелел лишь большой палец в виде обрубка. На левой скрюченной кисти пальцы были атрофированы и искривлены. На тыльной стороне кистей обеих рук были видны застарелые шрамы — очевидно, ее руки изувечены ранами, а не были такими от рождения. Пандора, вне всякого сомнения, стала жертвой ловушки браконьера, и ей повезло, что она выжила.

По сравнению с другими гориллами Пандора обычно затрачивала больше времени на кормежку. Несмотря на изувеченные руки, она довольно ловко справлялась с растениями. Она вообще искусно выполняла простые операции, причем ноги и рот успешно подменяли руки.

Интервалы между приобретением Фаддл и Пандоры и рождением их первых детенышей от Нанки составили соответственно двадцать шесть и двадцать семь месяцев. По неизвестным причинам эти интервалы между появлением самок и первыми родами были гораздо дольше, чем в случае Петьюлы и Папуз, когда они составили одиннадцать и двадцать один месяц. Наконец в июне 1978 года Фаддл родила мальчика Билбо, третьего по счету отпрыска Нанки, а Пандора — четвертого в декабре того же года. Я назвала мальчика Пандоры Сандуку, что на суахили означает «ящик», имея в виду предмет, который доверили Пандоре, героине греческой мифологии. Я часто задавала себе вопрос, не скажется ли увечье ее рук отрицательно на уходе за детьми. Но из Пандоры получилась полноценная мать. В первые месяцы жизни Сандуку висел на брюхе матери без помощи с ее стороны гораздо чаще, чем другие детеныши, но ему от этого отнюдь не было хуже. Пандора умудрялась ухаживать за ним левой рукой, удерживая его в изгибе локтя правой руки.

С рождением Билбо и Сандуку у Ли прибавилось еще два партнера по играм. К марту 1979 года Ли и Эн-Джи превратились в пару жизнерадостных общительных детенышей, и Нанки явно отдавал им предпочтение, очевидно как первым своим отпрыскам.

В августе 1978 года гарем Нанки пополнился стареющей Флосси, ее семилетней дочерью Клео и восьмилетней дочерью Петьюлы Августой из разоренной группы 4, во главе которой в то время стоял еще довольно юный Тигр. Флосси и Клео вскоре перешли в группу Суза, небольшое окраинное семейство, где у обеих самок было больше шансов улучшить свое социальное положение, чем в присутствии четырех самок Нанки. Августа осталась с матерью. Два года спустя, в августе 1980 года, она родила седьмого отпрыска Нанки по имени Женьшень. Мне было трудно поверить,

что эта хлопающая в ладоши кроха уже превратилась в десятилетнюю мать.

Оставшаяся в группе 4 самка Симба перешла к Нанки в декабре 1978 года во время ожесточенной стычки, стоившей жизни ее дочери Мвелу, единственному чаду Диджита, и в группе 4 осталось только три молодых самца. Через тридцать два месяца после перехода в группу Нанки Симба родила во второй раз в августе 1981 года девочку Дженни, шестого из ныне живых детенышей Нанки.

По мере того как группа Нанки разрасталась, расширялась и ее территория. К началу 1979 года, после развала группы 4, Нанки присвоил большую часть бывшей территории Дядюшки Берта как на склонах горы Високе, так и в западной части седловины.

Утром 3 марта 1979 года стажер, обнаруживший обезглавленный труп Дядюшки Берта, вышел на контакт с группой Нанки, находившейся в то время в седловине в километре от места гибели Дядюшки Берта и Мачо. Молодой человек вернулся в лагерь гораздо раньше, чем я ожидала. Он сообщил, что оставил группу Нанки в тот момент, когда она истерически бушевала вокруг Ли, чья левая нога оказалась в проволочной петле ловушки. Из-за перевозбужденного состояния горилл наблюдатель не мог приблизиться к Ли и высвободить ее из петли.

Идя по тем же следам, которые вели к месту расправы над группой 4, с тем же предчувствием недоброго, мы с сотрудниками вслед за стажером вышли на место очередного злодеяния браконьеров. Группа Нанки, включая Ли, уже покинула его, оставив позади себя большой участок со сломанными деревьями и вытоптанной травой вокруг столба, с которого, к нашему огорчению, исчезла проволочная петля, куда угодила Ли.

Только через несколько дней нам удалось обнаружить петлю, глубоко впившуюся в кость у щиколотки сорока-

шестимесячной самочки. Хотя Ли с матерью Петьюлой постоянно вылизывали рану, ни они, ни Нанки не пытались сдернуть петлю: взрослые гориллы не любят прикасаться к незнакомым предметам. Впрочем, вряд ли родители Ли могли знать, сколь опасна петля на ноге их дочери. Единственное, что мог сделать Нанки, лишь соразмерить скорость передвижения группы и ее кормежки с медленной поступью малышки, которой день ото дня становилось все хуже. На протяжении трех месяцев Ли страдала от боли, вызванной врезавшейся в ногу петлей, и медленно умирала от гангрены и возникшей в результате ослабления организма пневмонии. 9 мая 1979 года наполовину исхудавшая Ли стала седьмой жертвой деятельности браконьеров за двенадцать лет исследований.

Семь месяцев спустя исчез второй отпрыск Нанки Эн-Джи, постоянный спутник Ли за их короткую жизнь. Судя по следам, группа Нанки напоролась на браконьеров с собаками и ловушками в западной части седловины рядом с тем местом, где Ли попала в ловушку. Потеря сорокатрехмесячного Эн-Джи заставила Нанки со своим семейством из десяти горилл уйти наверх под укрытие склонов Високе, где они провели следующие три года.

Как и следовало ожидать, возвращение Нанки на склоны Високе в 1979 году оказало определенное воздействие на остальные группы горилл, которым стало небезопасно свободно расхаживать по седловине. Меньше всего влиянию вторжения человека в западную часть седловины была подвержена группа 5, чья территория лежала к югу и юго-востоку от Високе. Именно в этой части седловины заросли бамбука составляли полосу шириной около пяти километров вдоль восточной границы парка. Находясь в относительной безопасности в этом районе, группа 5 по-прежнему

мигрировала между горными склонами и седловиной, за исключением тех месяцев, когда бамбук давал ростки и гориллы оставались у подножия Високе, чтобы лакомиться его побегами и прочей излюбленной растительностью.

Однако на горе Високе может обитать лишь ограниченное число животных. С появлением группы Нанки территории обеих групп стали кое-где перекрывать друг друга. Возникла ситуация, аналогичная той, которая сложилась в 1967 году, когда группам горилл на склонах Високе стало тесно из-за проникновения людей в седловину.

Поскольку Нанки теперь отвечал за благополучие большой семейной группы, а не просто жены с детенышем, он стал подыскивать территорию с большим разнообразием и обилием растительности, чем можно было встретить в верхней части склонов горы. Он начал заходить и на участок территории группы 5, покрытой травянистой растительностью в зоне бамбука, и даже ниже — в бамбуковые заросли на северо-восточном склоне Високе, куда прежде не заглядывал. Такое изменение маршрута Нанки означало нарушение «границ» территорий по крайней мере пяти других групп, в основном окраинных. Хотя в результате этого демарша частота встреч с другими группами возросла, большинство из них выливалось во взаимные демонстрации силы без кровавых стычек, скорее всего, потому, что группа Нанки была достаточно большой и он не пытался увеличивать свой гарем.

К декабрю 1982 года в группе Нанки насчитывалось шестнадцать особей. Из группы 4 он приобрел четырех взрослых самок — Петьюлу, Папуз, Симбу и Августу. Они рождали ему в общей сложности семерых детенышей. Первые два, Ли и Эн-Джи, рожденные Петьюлой и Папуз, стали жертвами браконьеров в 1979 году. Через месяц после

смерти Ли Петьюла родила девочку по имени Дарби, а еще через сорок два месяца — мальчика, названного Ходари. Через пять месяцев после кончины Эн-Джи Папуз родила девочку Шангазу. Остальные две самки из группы 4, Симба и Августа, родили Нанки двух детенышей — Дженни и Женьшень, как полагали, девочек, в августе 1980 года и в августе 1981 года соответственно. Отпрыски Нанки от бывших самок группы 4 продолжили линию Уинни, умершего вожака этой группы, у которого таким образом появилось четыре внука и одна правнучка.

Окраинная группа 6 дала Нанки двух взрослых самок — Фаддл и Пандору. Начиная с марта 1982 года они родили ему четырех детенышей: Фаддл родила Билбо и Мвингу, а Пандора — Сандуку и Кази. Эти четыре детеныша, по всей видимости мальчики, явились вкладом Нанки в продление рода группы 6.

Седьмая самка в гареме Нанки по имени Умушици, что на местном языке значит «знахарка», была родом, как мы полагали, из другой окраинной группы, обитавшей на Високе, с которой Нанки встретился где-то в начале 1981 года. В мае 1982 года Умушици родила двенадцатого детеныша Нанки. По неизвестным причинам мать с детенышем из группы Нанки вскоре исчезли.

Формирование новой группы горилл Нанки и ее дальнейшее расширение являют собой пример феноменального успеха. Он хорошо иллюстрирует основные обстоятельства, позволяющие серебристоспинному самцу создать семейную группу, обеспечить ее безопасность и расширять ее, развивая сильные родственные узы. Переход той или иной гориллы в группу или выход из нее зависит в основном от тех выгод, которые он сулит как группе в целом, так и самой горилле.

Мы видели, как группы 8 и 9 распались после естественной смерти их вожаков Рафики и Джеронимо. Ни

одна группа не может существовать без опорного стержня, которым является серебристоспинный вожак. В случае группы 8 семейство продолжало существовать некоторое время, пока была жива супруга Рафики Коко, однако без шанса дать новое потомство. После смерти старой Коко в группе осталось пять самцов — вожак Рафики, три самца, не достигших половой зрелости (Паг, Самсон и Гизер), а также Пинатс, младший сын Коко и Рафики. Следуя естественным принципам продолжения рода, три старших самца эмигрировали из группы и стали бродить в одиночку в надежде приобрести самок. Пинатс остался с отцом, который начал возрождать группу 8, добывая самок из других групп горилл. Если бы Рафики прожил еще лет десять, его дочь Тор достигла бы половой зрелости в возрасте почти девяти лет. В таком случае она бы осталась в родной группе 8 и в конечном итоге стала бы рожать Пинатсу, ее двоюродному брату, детей, а не была бы убита после смерти Рафики.

Бетховену, серебристоспинному вожаку группы 5, было суждено прожить долго и продуктивно. Его сын Икар остался в родной группе, потому что у него было много возможностей найти подругу среди родных и двоюродных сестер. В настоящее время Бетховен, который вряд ли уже сможет стать отцом, имеет потомство из девятнадцати горилл, и его гены прослеживаются как в группе 5, в оставшихся в ней дочерях, так и вне ее благодаря эмигрировавшим самкам. Сейчас Бетховен сдает дела сыну, который после смерти состарившейся матери будет, по всей вероятности, искать самок на стороне, для того чтобы несколько разбавить кровь.

Группа 4, у которой были все шансы и перспективы на процветание, как у группы 5, развалилась после убийства браконьерами ее благородного вожака Дядюшки Берта, молодого самца, успевшего стать отцом только восьми дете-

нышей и погибшего в расцвете сил. На сегодняшний день в живых осталось только трое из них. Августа и Клео родили ему двух внуков в двух разных группах. Если бы не убийство Дядюшки Берта и его верного помощника Диджита, в жилах будущих поколений горных горилл текла бы кровь обоих самцов. Единственный потомок молодого самца, Мвелу, стала жертвой детоубийства — ее убил Нанки во время перехода Симбы в другую группу. Но надо сказать, что смерть восьмимесячной Мвелу лежит на совести браконьеров, вторгшихся в якобы охраняемую область Вирунга, последнюю обитель горных горилл.

Возникшую среди горилл стратегию переходов из групп в группы или даже детоубийство следует рассматривать как способ разбавления крови и передачи генофонда в оставшейся небольшой популяции этих животных. Ведь формирование группы Нанки оказалось возможным только благодаря этому. Что будет с группой Нанки? Какое будущее ждет самок, столь тщательно собранных и оберегаемых им за последние десять лет? Постигнет ли их и их детенышей судьба первых двух отпрысков Нанки, Ли и Эн-Джи, из-за продолжающегося наступления человека на горный край?

Примерно третья часть охраняемой территории Вирунга расположена на территории Руанды, где ежегодный прирост населения горилл составляет 3,8%. Численность горных горилл со времени Джорджа Шаллера ежегодно уменьшается на 3% из-за непрекращающейся деятельности браконьеров в Вирунге и отчуждения земли от среды обитания этих животных. С тех пор от Вулканического национального парка было отчуждено в общей сложности 1600 гектаров земли, в результате чего руандийская часть заповедника сократилась почти вдвое, а это соответствует пятой

части всей охраняемой территории. И один этот фактор мог послужить причиной, что за последние двадцать с лишним лет численность горных горилл сократилась на 60%. Оставшиеся в парке 12 000 гектаров занимают всего лишь от 0,5% до 1% территории Руанды. Руанда с ее пятью миллионами жителей имеет самую высокую плотность населения в Африке южнее Сахары. Около 95% населения влачат жалкое существование на крохотных земельных участках, не превышающих одного гектара, причем в пограничной зоне рядом с парком проживает 780 человек на каждом квадратном километре. Ежегодно дополнительные 23 000 семей в Руанде нуждаются в пахотной земле. Даже если всю территорию парка отторгнуть для нужд сельского хозяйства, эта земля сможет обеспечить лишь четверть ежегодного прироста населения страны. А ее освоение означало бы полное исчезновение горных горилл и прочих диких животных, пытающихся выжить в парке, а также сведение влажного тропического леса, от которого зависит жизнь как людей, так и животных Руанды. Перспективы такого уничтожения столь же страшны, как и то, что в мире ежегодно вырубается около 180 000 гектаров тропического леса, то есть около двадцати гектаров в минуту.

Иностранцы вряд ли могут ожидать, что средний руандиец, проживающий рядом с границей Вулканического национального парка и выращивающий пиретрум по четыре цента за фунт, будет просыпаться по утрам, любоваться величественной красотой вулканов и беспокоиться о судьбе поставленных под угрозу вымирания животных, обитающих в окутанных туманом горах. Как европейцу, заблудившемуся в пустыне, видится мираж, так и руандиец видит стройные ряды картофеля, фасоли, кукурузы и табака вместо массивных хагений. И он по праву возмущен тем, что

ему не разрешают вторгнуться в парк, чтобы осуществить свою заветную мечту.

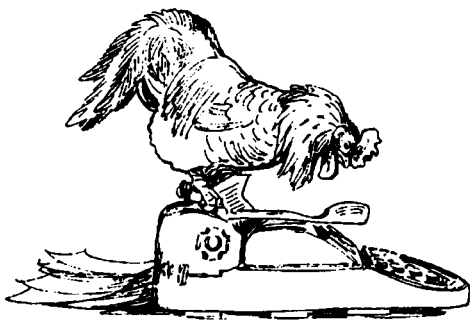
Американские и европейские концепции охраны природы, особенно животных, чужды африканским крестьянам, уже превысившим пределы производительности своих земель. Было бы гораздо эффективнее разъяснять им, что горную среду необходимо охранять как водосборный бассейн. Крестьянам нужно знать не столько то, что иностранцы думают о гориллах, то, что 10% всех осадков, выпадающих в Руанде, собираются в районе Вирунга и медленно стекают на их нижерасположенные поля. Судьба каждой крестьянской семьи, взятой в отдельности, зависит от сохранения Вулканического национального парка. Сельскохозяйственное освоение этого важного водосборного бассейна положит конец настоящим и будущим урожаям. Если роль экосистемы в жизни людей будет осознана, а ее сохранению уделено должное внимание, что сегодня еще не делается, то и тропический лес получит шанс на выживание, а значит, и обитающие в нем животные, и люди, зависящие от него. Как страна, которая сможет значительно выиграть в социальном и экономическом отношении от активного сохранения земельных ресурсов, Руанда могла бы стать прекрасным примером для Заира и Уганды и, сотрудничая с ними, смогла бы обеспечить будущее Вирунги на благо всем трем государствам.

Должны быть разработаны международные основы наблюдения за выполнением законов, предупреждающих вторжение человека на территорию Вулканического национального парка в Руанде, Национального парка Вирунга в Заире и заповедника Кигези в Уганде. Введение длительных сроков тюремного заключения для осуждаемых браконьеров, за которое так упорно сражался Полин Нкубили, должно стать правилом, а не исключением. Обращаясь одинаково беспристрастно к нарушителям африканского и европейс-

кого происхождения, шеф полиции продемонстрировал хороший пример своим коллегам в Руанде, Заире и Уганде, которые могут пойти еще дальше.

На изучение горных горилл в Исследовательском центре Карисоке с 1967 по 1983 год понадобился сравнительно небольшой промежуток времени. Полтора десятка лет — лишь мгновение в жизни вида. В настоящее время в ближайшие два десятилетия ожидается исчезновение двадцати видов животных. От людей зависит, окажутся ли горные гориллы в этом списке и еще в нашем столетии исчезнут с лика Земли. Судьба горилл находится в руках наследников их общего достояния — Африки, родного дома горных горилл.

ЭПИЛОГ

Среди экологов, экономистов, социологов и журналистов наметилась тенденция более реалистично подходить к решению сложных проблем развивающихся стран, чем это делали теоретики прошлого. Эта положительная тенденция находит все большее выражение в охране природы Африки, где до недавних пор устаревшие методы не учитывали всех сложностей, связанных с местной бюрократией, насущными нуждами населения, а также той или иной степенью коррупции чиновников. Такое неведение реальных условий приводило лишь к кратковременным вспышкам дипломатической деятельности, которая не вызывала энтузиазма и заинтересованности среди тех, от кого непосредственно зависело будущее диких животных в той или иной стране. Пытаясь навязать мысль о том, что дикая фауна — бесценное достояние, иностранцы забывали, что для большей части местного обнищавшего и инертного населения дикие животные всего лишь неприятная помеха и их можно терпеть постольку, поскольку они сулят получение какой-либо экономической выгоды в виде бивней, мяса или шкур.

С другой стороны, развитие туризма, если к нему подойти рационально, могло бы стать прибыльным делом в

масштабе всей страны и заставить сторонников извлечения непосредственных выгод от охоты на животных поступить своими интересами в пользу большинства. Этой цели можно добиться в Африке, континенте, где бытуют племенные разногласия, протекция и четкие классовые различия, только усилиями последовательных, бескомпромиссных энтузиастов, способных выдвинуть на первый план интересы животных.

Конечно, для животных, находящихся под угрозой полного исчезновения, каждый день имеет значение, идет ли речь о 242 горных гориллах в Африке, 1000 гигантских панд в Китае или 187 гризли в Северной Америке. Шансы этих видов на выживание вряд ли повысятся благодаря развитию туризма по сравнению с более оперативными действиями, которые можно предпринять. Активные меры по охране природы включают в себя частое патрулирование территории в зонах обитания диких животных с целью уничтожения ловушек и конфискации оружия браконьеров, неуклонное выполнение природоохранных законов, определение численности животных в районах их размножения и кормежки, а также надежную защиту ограниченной среды обитания от вторжения человека. Такие повседневные меры без блеска и звука фанфар, никому не сулящие наживы, пока еще дают шанс для выживания постепенно исчезающих обитателей леса.

В то же время меры по активной охране природы должны сочетаться с долгосрочными программами действий. Однако, как буква «А» предшествует букве «Б», так и неослабевающая работа по охране животных, ведущаяся изо дня в день, следует перед буквой «Я» теоретических выкладок. В случае горных горилл это означает уничтожение ловушек и заключение в тюрьму схваченных браконьеров; в случае гигантских панд — это тщательный учет пищевых ресурсов; в случае гризли — строгие меры по отношению

к браконьерам и неукоснительное соблюдение границ заказников.

Выражаю сердечную благодарность всем тем отважным руандийцам и заирцам, которые помогли мне осознать серьезность положения горных горилл и насущность мер по их спасению. Что касается Диджита, Дядюшки Берта, Мачо, Ли, Эн-Джи и многих других горилл, то остается сожалеть, что я не смогла вовремя повлиять на дон-кихотство многих европейцев и африканцев, которые, веря в светлое будущее, никак не могут понять, что пренебрежение элементарными принципами природоохранительной деятельности может привести к безвозвратному уходу Бетховена, Икара, Нанки, их подруг и потомства в туманную дымку прошлого.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Н. Дроздов. Лицом к лицу с гориллой</i>	<i>5</i>
--	----------

Дайан Фосси

ГОРИЛЛЫ В ТУМАНЕ

Предисловие	9
<i>Глава первая. На горном лугу Карла Экли и Джорджа Шаллера</i>	<i>15</i>
<i>Глава вторая. Второе начало: Исследовательский центр Карисоке в Руанде</i>	<i>44</i>
<i>Глава третья. Зарисовки с натуры в Карисоке</i>	<i>77</i>
<i>Глава четвертая. Три поколения одного семейства горилл: группа 5</i>	<i>101</i>
<i>Глава пятая. Как сироты Коко и Пакер очутились в неволе</i>	<i>165</i>
<i>Глава шестая. Четвероногие гости Карисоке</i>	<i>190</i>
<i>Глава седьмая. Печальный конец двух семейств горилл</i>	<i>208</i>
<i>Глава восьмая. Двуногие визитеры Карисоке</i>	<i>229</i>
<i>Глава девятая. Группа 4 приспособляется к новому вожаку</i>	<i>251</i>
<i>Глава десятая. Группа 4 продолжает крепнуть</i>	<i>273</i>
<i>Глава одиннадцатая. Разгул браконьеров</i>	<i>303</i>
<i>Глава двенадцатая. Формирование новой семьи вселяет надежду</i>	<i>344</i>
Эпилог	360

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши
предложения по «Зеленой серии»*

присылать по адресу:

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б

Издательство АРМАДА

Фосси Д.

Ф 81 Гориллы в тумане / Пер. с англ. В. Вопяна, А. Григорьева; Худож. Н. Строганова.— М.: АРМАДА, 1997.— 363 с.: ил.— (Зеленая серия).

ISBN 5-7632-0368-2

Эта книга явилась результатом тринадцатилетних наблюдений за семейством горилл в тропических лесах Руанды, Уганды и Заира. Американская исследовательница Дайан Фосси подробно и доступно, часто с юмором, описывает поведение этих удивительных исчезающих животных. Автор рассказывает не о гориллах вообще, а о каждом животном в отдельности: о его внешности, характере, привычках, нередко прослеживая его жизненный путь от рождения до смерти. Дайан развеивает миф о гориллах как о злобных и агрессивных существах, приводя примеры их нежности, добродушия, а порой и застенчивости.

Книга построена на уникальном материале, поскольку до Д. Фосси подобных исследований не проводилось. Сама писательница трагически погибла от рук браконьера-убийцы.

ББК 84.7 США

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

**ДАЙАН ФОССИ
ГОРИЛЛЫ В ТУМАНЕ**

Ответственный редактор

Л. В. Гостева

Художественный редактор

В. В. Голубева

Технический редактор

П. Э. Кутепов

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84x108 ¹/₃₂. Бум.
кн.-журн. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Изд. № 2085.

Заказ № 946

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

ДОРИН ТОВИ

Хлопот полон рот

«НОВЫЙ МАЛЬЧИК»
«ХЛОПОТ ПОЛОН РОТ»

Все знают, что собаки и кошки живут меньше людей, и когда мы теряем четвероногого «члена своей семьи», то тяжело переживаем утрату.

Именно с такого печального события начинается повесть Д.Тови «Новый мальчик», главные герои которой – сиамские кошки Шеба и Соломон – известны читателям по книге «Кошки в мае». После смерти Соломона безутешные хозяева не находят себе места и в конце концов решают найти котенка, который был бы похож на Соломона. Так в доме Дорин и ее мужа Чарльза появляется маленький Сили...

Нам понятна тяга людей к самообману, но Шебу не проведешь. Тоскуя по брату, она воспринимает чужака в штыки. Пройдет немало времени, прежде чем они подружатся. А мы будем следить за ходом увлекательных событий, захваченные эмоциональным повествованием, в котором прозвучат как юмористические, так и печальные нотки.

О дальнейшей судьбе беспокойного четвероногого семейства рассказывает вторая повесть – «Хлопот полон рот».

Издательство **ARMADA**

ВЫПУСТИЛО И ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГИ СЛЕДУЮЩИХ СЕРИЙ:

Издательский проект

РОССИЯ

Тысячелетняя
история Отечества
в событиях и судьбах

**ВЕЛИКИЕ
ВЛАСТИТЕЛИ**
в романах

О великих завоевателях, полководцах,
государственных деятелях,
оставивших неповторимый след
в истории человечества

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Лучшие произведения
отечественных и зарубежных
авторов о животных

**КОВЧЕГ
ЗВЕРЕЙ**

О ребятах и зверятах — книги
современных писателей для детей

ЗАМОК ЧУДЕС

Сказочные повести и
детская фантастика

МНР
*Мирная и Неприятная
Робототехника*

Необычайные приключения,
увлекательная фантастика
и захватывающие детективы
для взрослых и юношества

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Произведения отечественных
и зарубежных мастеров современной
остросюжетной фантастики

**КЛАССИКА
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА**

Всемирно известные
произведения боевой фантастики
непревзойденных авторов жанра

**БОЕВЫЕ РОБОТЫ.
BATTLETECH.**

Звездные войны, боевые
машины будущего в фантастическом
суперсериале корпорации FASA

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Новые детективы
современных российских
писателей

**Знаменитые
СЫЩИКИ**

Избранные произведения
детективной классики

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

АСТРАХАНЬ:	"Вариант"	ул. Чернышевского, д. 12
ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442) 37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432) 35-63-34
КАЛИНИНГРАД:	"Экслибрис"	(0112) 45-75-44
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422) 4-42-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д. 20
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341) 2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Демалыс"	(095) 150-07-82
	"Колокол"	(095) 261-93-05
	"Стрела"	(095) 755-91-66
	"Тригон"	(095) 251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812) 530-05-36
	"БИМ+"	(812) 262-44-87
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732) 23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432) 53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044) 435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312) 36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832) 39-63-63
ОМСК:	"Сибинформ"	(3812) 65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422) 44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632) 32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462) 41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512) 36-75-10
	"РИФ-2"	(3512) 61-25-80

«КНИГА - ПОЧТОЙ»!

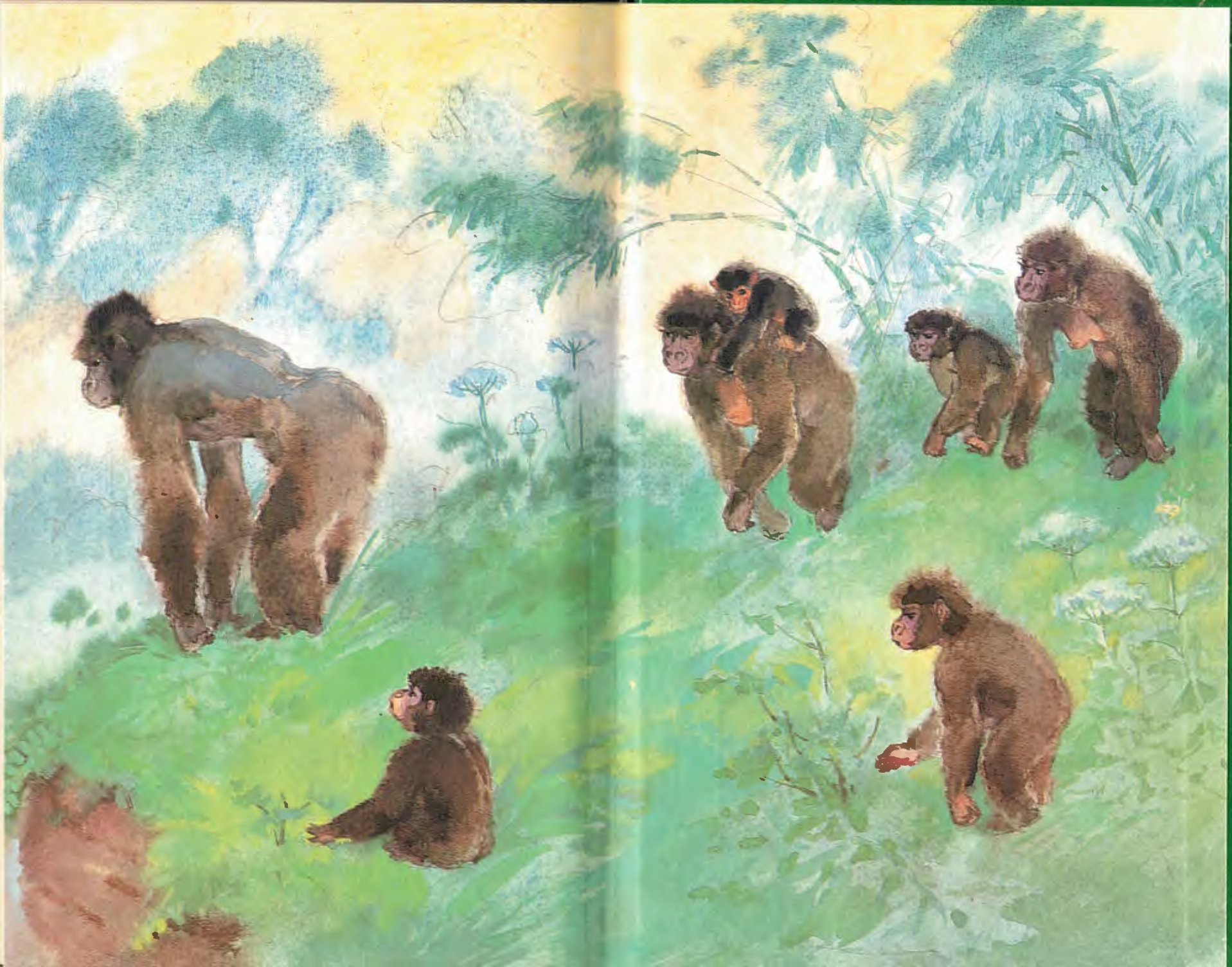

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу:

**125499, Москва, Кронштадтский бул.,
д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга - почтой" на конверте.**

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г. Москва):

**ул. Красная Пресня, д. 14, магазин «Пресня»;
Дмитровское ш., д. 25, библиотека №84;
проспект Мира, д. 41, строение 1,
помещение Художественного салона.**

ДАЙАН
ФОССИ

*Горюхины
в Турмани*